

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1980

12

10.33.5

1980

10.335
1980

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

+ НОДАР ГУРЕШИДЗЕ. Стихи. Перевод Бориса Когана	3
ДИЛАР ИВАРДАВА. Стихи. Перевод Михаила Синельникова	51
ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ. Стихи. Перевод Михаила Синельникова	51
МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ. Стихи	94

ПРОЗА

СУЛИКО ЖГЕНТИ. РЕЗО ЧХЕИДЗЕ. Секретарь райкома. Киноповесть. Перевод с грузинского	10
АЛЕКСЕИ ГОГУА. На повороте. Повесть. Перевод с абхазского Сергея Шевелева	52
АЛЕКСАНДР КАЛАНДАДЗЕ. Нейшневская клятва. Роман. Окончание. Перевод Аллы Перим	100

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

ТЕЙМУРАЗ МАМАЛАДЗЕ. От Ингури до Ангары. Очерк	115
--	-----

12
1980

ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Галактион Табидзе	142
АБРАМ КАПЛАН. Некоторые вопросы теории и практики метафоры	152

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КИТА МЕГРЕЛИДЗЕ

ОТАР ДЖИОЕВ. «Нет в мире богатства, равного человеческой жизни...»	174
КИТА МЕГРЕЛИДЗЕ. Сказание о «Мертвом замке»	182
МАНАНА МЕГРЕЛИДЗЕ. Два слова об отце	194
ВЕРИКО АНДЖАПАРИДЗЕ. Память о друге	198

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА.
ВОСПОМИНАНИЯ.

ИЗРАИЛЬ МЕТТЕР. Свидетельство современника	199
--	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ГУРАМ ШАРАДЗЕ. Лайош Тарди—картвелолог	207
Памяти Демна Шенгелая	216
ХРОНИКА	217
ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА	218
Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1980 год	219

ДЕТИ ИГРАЮТ В ВОЙНУ

В войну играют дети.
Вот прячась за широким
Платаном, один мальчик
Стреляет — «Тра-та-тата»,
Другого поразив.
Танкисты, моряки
И конники смешались,
Ловя артиллеристов,
И шум неугомонный
Разносится
Вокруг.
Валяются игрушки —
И разноцветных ружей
И самолетов, танков
И пушек полон двор.
Родители специально
Купили в магазине
Их, чтоб ко дню рожденья
В подарок поднести.
Врачи и санитарки
(Специально отбирали!)
Хлопочут над убитым, —
Но раненым и мертвым
Никто не хочет быть! —
«Убитые» сбегают
От лекарей своих.
«Жив, жив я
И не ранен!» —
С «носилок» убегая,
Кричит двухлетний мальчик.
Никто не хочет мертвого
И раненого играть.
О, нет, никто не хочет
Больным быть или мертвым!
В войну играют дети...

О, не играйте, дети,
В проклятую войну!
Ведь точно так же
Было
Пред той войной ужасной.
И ваши деды тоже
Играли
Точно так.
Но сколько, сколько крови
На этой адской
Бойне
Пролито! —
Боже мой!
И скольким дом свой видеть
Уже не довелось! —
Остались только фото
На стенах...
О, судьба,
Ты участь жертв несчастных
От этих — неразумных! —
Навеки отведи!
Пусть никогда не видеть
Войны им — только в фильмах
(Иль по телеэкрану
Иль на дневных сеансах),
Но только для того,
Чтобы понять
Весь ужас —
Безумие ее!
Ведь ваши руки
Строить
Должны
И в мире сеять
Одно только добро.
Должны иметь вы руки
Свободными,
Чтоб ближним
Всегда могли помочь.
И каждый братом будет
Для вас...
На ваши руки
Надеемся мы все.
...В войну играют дети...

УЧИТЕЛЬ

Если что-то еще остается хорошего в сердце,
Светлым бьет родником!
И умею еще до сих пор
Я от черного все отличать,
Что белеет как парус,
Иль хотя бы добавить сумел я
К огромнейшей песне
Пусть и скромный мотив,
Но запавший кому-нибудь в душу! —
Это все от тебя,
Мой учитель,
Мой строгий и добрый
Учитель!
Ты отец мой и мать,
Это свет твой со мною
Всегда — и в нужде и в пиру,
Это ты научил
Меня с бедами смело встречаться,
От тебя я узнал,
Как бояться нельзя ничего,
До сих пор не забыл
Твоих слов:
«Будь правдивым
И добрым».
И сегодня, как прежде,
Когда ты дрожащей рукой —
Уже старый! — откроешь журнал,
И на лоб твой падут, словно света лучи,
Уж давно поседевшие пряди,
Я войду незаметно
В тот самый единственный класс
И, подобно ребенку,
Опять пред тобою застыну...
Я ушедшего детства,
Наверное, дни провожаю,
Возвращая тебе
Твою молодость и совершенство.

АЛЬПИНИСТЫ

Бело, бело, бело кругом,
И ветры облака колышат,
И снег на скалах стелит крыши
Своим мерцающим ковром.

И мы идем,
Вперед идем,
Вперед идем и выше.

Вокруг толпятся цепи гор,
И вниз слепою вереницей
Ползут, и словно крылья птицы
Мы обрели! — Так сладок взор
В простор, где может совершиться
Судьбы нежданный приговор.

И в снег и в дождь всегда в горах,
Почти усталости не зная,
Мы постигаем прелесть рая
Земли, где тленье все и прах.
...И вдруг обвал — внезапный страх! —
Вот нашей жизни запятая.

Друг с другом связаны всегда,
Мы все доверились... веревке
И духу братства, и сноровке.
Любовь одна на всех, беда —
Одна. Подобны остановке
И смерти ссора и вражда!
Душа надеждою живет
Всегда — добраться до вершины!
Где — тяжесть прочь, — пусть мокры спины!
Где с сердца тяжесть упадет!
Раскрыты крылья — жизнь идет! —
Парим над глубиью котловины.

Там, где орлам дано летать,
Туда и нас тропа выводит, —
Где — ветры воют, страхи бродят,
Где — тишина, где — благодать

К нам бесконечностью нисходит,
Где до небес рукой достать!

Бело, бело, бело кругом,
И ветры облака колышат,
И снег на скалах стелит крыши
Своим мерцающим ковром.
И мы идем,
Вперед идем,
Вперед идем и выше.

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН...

«...А Карфаген стереть с лица земли»...
И вот стою у вековых развалин,
Угрюм их вид, но как бы был печален
Миг, если бы ожить смогли

Умолкшие уста и встали б легионы,
И вихрь пустыни б взвыл, что род людской
восстал,
Что выпустили львов — и всюду слышны стоны —
Что Амилькар свой меч извлек и Аннибал.

Что зов Катона сник под крик и вопль проворных,
В смятенье приведя и море и зверей,
Что римский небосвод весь как бы в тучах черных
От пепла и огня и тысячи смертей...

Конвойных кораблей мерцают в бухте тени,
Бегущею волной их сносит к берегам,
И веет влажный бриз в умершем Карфагене,
Объятом сном эпох, уж недоступных нам.

Далекой славы звон, испепеленной славы,
Разграбленных богатств неисчислимый дар,
Обломки их сейчас — все в век торговли
правы! —

Идут как сувенир, как выгодный товар.

На небе Африки лучами солнце тает,
Да так, что кажется — углями горло жгут!

И хочется бежать туда, где нищих стаи,
Где бедуинов видится приют.

ЗНАКОМОЕ МОЛЧАНИЕ

Звонок телефона
Я трубку беру.
— Алло!
И ответа жду.
Молчанье... —
О, кто там затеял игру?
Узнал! — это ты, это ты, дорогая,
Опять пустоту
Пронзила молчаньем —
Как будто вонзила иглу...

И снова звонок;
— Я слушаю вас!
— Алло! —
Уже выкрикнул я.
Ах, дорогая моя,
Дорогая, какой уже раз
Молчишь?
Я ведь знаю, что это затея твоя...

И этим мне все говоришь.

БЕЗ ТЕБЯ...

Тебя нет, ты ушла.
Без тебя, без тебя
Все сгорело дотла.
Не могу, не любя
Жить, дышать
Без тебя.
Сердце чем утешать
Без тебя?
О, открой мне,
Открой,
Где найду я покой?
Нет и света в окне
Без тебя...

О, до сумерек ты
Возвратись!
Приходи!
Пустоты
Я страшусь
Впереди.
Сердце душит печаль
И тоска и тоска —
О ты, даль моя, даль!
Далека...
Не могу, не любя
Жить — дышать — без тебя,
Без тебя,
 без тебя,
 без тебя...

* * *

О, милосердья твоего прошу,
Всесильный, чем же я тебя прогневил?
Ты недра слов, — в которых я дышу! —
Раскрой опять и опьяни напевом...

Благослови во мне талант жнеца,
Сбирающего благодать с цветенья
Дней, слов, в которых жить мне до конца,
Чтоб души ближних радовало пенье.

И пусть как свечке тленной мне гореть,
Пылать, дрожать, в тревоге биться.
Но то, что об Отчизне должен спеть,
Пусть светлой ясной песней сохранится.

Перевод Бориса КОГАНА.

Резо ЧХЕИДЗЕ,
Сулико ЖГЕНТИ

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Киноповесть

...Тамар в меховой куртке, с шалью на голове накрывала новогодний стол, когда Георгий открыл двери.

— Что с тобой, ты болен? — спросила она тревожно.

— Нет... — попытался улыбнуться Георгий. — Я голоден.

— Можно целый день голодать? — с упреком покачала головой мать. — Мой руки и садись к столу.

Георгий вошел в ванную, спросил оттуда:

— Где Саломэ?

— Пригласили на встречу Нового года, — ответила из кухни Тамар.

Георгий вышел из ванной, не снимая пальто, присел к столу, взял кусок хлеба. Жевал без охоты, погруженный в свои мысли. Тамар гремела на кухне тарелками.

— Из Тбилиси телеграмма. Андро поздравляет с Новым годом. Ты не забыл поздравить его? Георгий, ты меня слушаешь?

— Да, мама.

— Нет, не слушаешь, — с огорчением сказала Тамар. Георгий не ответил.

Окончание. Начало в №№ 10, 11.

В комнату вдруг вбежала Саломэ. Щеки у нее горели. Она сняла шапку и с восторгом оглядела стол:

— Вот это праздничный стол!

— Ты не пошла на встречу?

— Я и не собиралась, — ответила Саломэ, потом с мудрым видом добавила: — Порядочные люди Новый год встречают в кругу семьи. — Она взяла транзистор, села в кресло и искоса посмотрела на отца.

— Странные условности выдумал человек! Поздравление, приветствие, прощание, выражение соболезнования, благодарность, извинение...

Тамар вышла из кухни, поставила на стол бокалы, потом села напротив Георгия. Саломэ встала и вышла в другую комнату.

— В чем дело, сынок? — тихо спросила Тамар.

— Да ничего, — спокойно проговорил Георгий.

— Все уладится, — обнадежила мать.

Георгий, горько улыбнувшись, покачал головой.

— Я на это не надеюсь.

— Надежда — это вера! — сказала мать.

— Все думаю, что схватился с тем, чего мне не одолеть. Ты не знаешь, мама, как мне бывает трудно.

— Знаю, — Тамар с упреком взглянула на сына. — А ты не знал, что у коммуниста не может быть легкой жизни?

Долго сидели они молча. Георгий, словно очнувшись от своих мыслей, посмотрел на мать, неловко, поддетски улыбаясь, спросил:

— Ладно, не сердись на меня!

Тамар встала, любовно шлепнула сына по затылку:

— Не падай духом, сынок!

В открытом поле вокруг подстанции неистовствовал ветер. Он, словно плакальщицы, завывал в проводах, пригибал к земле пламя костра...

Электрики работали при свете костра. Дерюгин, взобравшись на столб, соединял провода. Георгий в пальто с поднятым воротником стоял в поле и наблюдал за работой электриков.

— Товарищ Георгий! — крикнул Дерюгин. — Станьте к огню, все-таки теплее будет!..

Георгий упрямо качнул головой, опустил воротник пальто.

— Как продвигается дело? — крикнул он в ответ.

— Заканчиваем... — успокоил его Дерюгин и стал спускаться. На земле он снял с ног железные кошки и подошел к Георгию. С другой стороны подошел Гурам. Видно было, что они порядком устали и продрогли.

— Измучились люди, — сказал Дерюгин и, после некоторого колебания, добавил:

— Непохоже, чтоб эта авария произошла сама по себе.

Георгий внимательно посмотрел на него. Слова Дерюгина укрепили его предположения, хотя Георгий не хотел верить, что авария — дело чьих-то рук.

— Все прогнило и заржавело, но короткого замыкания не должно было быть. — Дерюгин в недоумении развел руками. — Мне так кажется...

К костру подходили электрики, прятали инструменты в ящик и снегом чистили руки.

— Все закончили? — спросил Дерюгин.

— Дядя Сандро еще там, — ответил молодой, щуплый электрик.

— Дядя Сандро, долго еще? — крикнул Дерюгин.

— Иду! — Из подстанции вышел высокий бодрый старик с седыми усами. В руке у него было ведро с водой.

— А костер оставляете? — Ворча, он вылил воду на огонь, и костер, шипя, погас. Воцарилась тишина.

— Хм! — от волнения голос у Дерюгина охрип. Он обернулся к щуплому электрику: — Гайоз, пойдика, включи!

Все не спускали глаз с темных очертаний города в конце поля. Георгий, волнуясь, переступал с ноги на ногу.

— Все в порядке, — успокоил его дядя Сандро, — свет будет...

И вдруг все окрест осветилось. Из темноты вмиг возник город. Дома стали похожи на дома, улицы — на улицы, город — на город... Люди, уставшие от работы с рассвета до полуночи, от борьбы с ветром и морозом, стояли и смотрели, молча, без слов...

— Все же как раньше жили без электричества? — развел руками дядя Сандро.

— А теперь — по домам — успеть бы к Новому году! — радостно воскликнул Дерюгин.

Георгий шел по главной улице, залитой светом лампионов. Нигде ни души, ни звука, лишь светились окна да чистый снег хрустел под ногами. Где-то ударили часы. Раз, второй, третий... двенадцатый...

И грянул выстрел. Полились из окон голоса, музыка, песни, в конце улицы взметнулась ракета, откуда-то сверху посыпались на Георгия разноцветные конфетти...

На полях Вайо таяла мгла. Вдали за холмами розовел небосклон. Георгий шел по полю, в руках он держал букет полевых цветов. Георгий остановился, снял пиджак, перевесил через руку. Вдруг сверху донесся странный шум. Он поднял голову...

В небе парил орел. Солнце стояло уже высоко, и казалось, царь-птица плывет в золотом пруду... Орел вольно реял в небе, кружил над Георгием, издавая порой пронзительный клекот.

Георгий улыбнулся ему и закричал во весь голос: — Э-э-э-э!

Крик этот пронесся через поле, схлестнулся с холмами, обратившись в эхо, вернулся и растаял в беспредельном пространстве...

Орел снова издал пронзительный клекот, потом, словно в знак прощания, взмахнул сильными крыльями, устремился к далеким горам и постепенно растаял в синеве.

В небо с радостным пеньем взлетел жаворонок — вестник рассвета, и тотчас же ожило, заполнилось тысячами голосов безжизненное до сих пор поле... Совсем близко завел свою песню дрозд, Георгий засвистал в ответ. Птица замерла, прислушиваясь, потом, словно доказывая, что может свистеть лучше, разошлась и стала выводить такие трели, что Георгий развел руками и предпочел умолкнуть. И ему, как ребенку, захотелось приобщиться к безумному восторгу жителей поля, к первобытной радости пробуждения. Он сорвался с места и побежал, на ходу бросил на землю пиджак, за ним — цветы и вдруг, сам того не ожидая, сделал стойку, покачиваясь, прошелся на руках, потом, встав на ноги, огляделся. К счастью, никого вокруг не было. Георгий поднял пиджак и цветы и быстрым шагом пошел по по-

лю, усталый и радостный. За холмом он услышал ржание коней. Оглянулся.

Внизу, в котловине, трое ребят на неоседланных конях гнали табун.

Один из них направился к Георгию, приблизившись, спешился, снял шапку и поздоровался:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

Паренек снова взобрался на коня.

— Как тебя зовут? — спросил Георгий.

— Автандил... — с достоинством ответил паренек.

Потом громко крикнул: — Гони их сюда, сюда-а! Эгейей!.. Фридон!..

— Смотри-ка, и Фридон здесь?.. — засмеялся Георгий.

— Разумеется, — серьезно подтвердил паренек и, кнутом указав в сторону третьего, сказал: — А он — Ростеван.

И тут Георгий заметил у родника старика. Белые, как снег, волосы и борода, огромные, светящиеся умом глаза придавали ему облик библейского старца. Казалось он возник из самой земли. К дереву поблизости был привязан вороной конь.

— Доброе утро, — поздоровался Георгий.

— Да будет оно добрым всегда, — ответил старик. Георгий нагнулся к роднику, выпил воды.

— Хорошая вода, — сказал он довольный и улыбнулся.

— Еще бы, это ведь родник Тариэла!

— Какого Тариэла? — не понял Георгий.

— Того самого, о ком Руставели писал, — спокойно и уверенно отвечал старик. — Помнишь: «Видят, некий витязь странный плачет, сидя над водой...» Это та самая вода... Вот здесь сидел Тариэл, — старик указал на плоский камень.

Георгий смотрел на старика и не мог понять, шутит он или говорит серьезно.

— Вон в тех зарослях в конце поля повстречал Тариэл льва и тигрицу, — так же спокойно продолжил старик. Глаза у него странно засветились, словно он воочию видел Тариэла, схватившегося со львом и тигрицей. — Льва он тогда убил, а тигрицу... помнишь...

«Меч я бросил и тигрицу, спрыгнув на землю,

схватил,

Я искал ее лобзаний ради той, кого любил.

Но она рвала мне кожу и рычала что есть сил.

Распалился я от боли и прекрасную убил».

К роднику прискакал один из парней.

— Дедушка Тариэл, мы выходим в поле.

— Идите, — разрешил старик. — Только не торопите коней.

Мальчик взмахнул плетью и погнал коня. Георгий сел на камень напротив старика.

— А вы, оказывается, Тариэл, — с улыбкой сказал он. — И у тех ребят имена героев «Вепхисткаосани».

— А как же! — улыбнулся в ответ старик. — Герои Руставели ведь жили здесь, на этой земле. И сейчас, бывает, приходят...

— Как это, приходят? — удивился Георгий.

Старик внимательно посмотрел на Георгия, словно решая, стоит ли раскрывать перед этим человеком свою душу.

— В конце лета, когда ущербная луна наполовину опускается в море, в поле Вайо, вон у тех холмов, где много столетий назад стоял дворец Фридона, встречаются Тариэл, Фридон и Автандил. Они рассказывают друг другу о своей жизни... Ты молод и тебе, вероятно, смешно, думаешь, они, мол, жили в незапамятные времена, как же могут появляться здесь? Но любовь ведь не умерла? Дружба ведь еще жива? Верность и красота ходят по земле?

— Мне вовсе не смешно, — проговорил Георгий.

— Слушай меня, сынок... Все, что рассказано человеком или написано им — правда! Все сказки, все сказания и все стихи... Человек, при всем своем желании, будь он даже мудрецом, ничего такого придумать не может, чего на самом деле не было, ибо все, что в сознании человека — все от действительности... Вот за этим холмом голые поля — раньше там были виноградники. Кто нынче в это поверит?

— Я верю, — сказал Георгий.

— Мудрость — в вере, — похвалил его старик.

— Скоро здесь снова зацветет лоза, — добавил Георгий. — Все поля Вайо покроются виноградниками.

— Нелегко справиться с этими полями, — недоверчиво покачал головой старик. — Нет им конца и края.

— Человеческие возможности тоже безграничны, — сказал Георгий и улыбнулся. Старик поднялся, такой же старый и вечный, как эта земля, взяв коня под уздцы, пошел по тропинке, не попрощавшись. Пройдя шагов десять, остановился, исподлобья взглянул на Георгия.

— Так значит, все поля покроются виноградниками?

— Что, не верите? — спросил Георгий.

Старик некоторое время внимательно смотрел на него.

— Верю, почему же нет! — сказал он наконец. — Ты, видать, из породы тех, кому можно верить...

Он повернулся и медленно продолжил свой путь...

Георгий радостно, с просветленным лицом, распахнул дверь. В комнате никого не было, только шумел телевизор.

— Мама! — позвал Георгий.

Из кухни выглянула Тамар, тотчас засуетилась.

— Я сейчас накрою на стол.

— Не надо. Я уже ел. Где Саломэ?

— Я здесь, папа, — послышался голос Саломэ из соседней комнаты. Следом появилась Саломэ со своей подружкой.

— Это мой папа, — сказала она гостье. — А это Манана.

— Очень приятно, — сказал Георгий и пожал девушке руку.

Гостья робко улыбнулась в ответ, потом стала прощаться.

— Уходишь? — огорчилась Саломэ. Потом повернулась к Георгию: — Вот всегда так — стоит тебе появиться, как мои друзья разбегаются.

— Нашли тоже страшилище! — удивился Георгий и, обращаясь к гостье, сказал: — Оставайтесь, не то мне здорово достанется.

— Спасибо, но мне и в самом деле пора. — И девушка вышла.

Саломэ села на диван напротив Георгия и обратилась к отцу тоном, который придавал особую значимость сказанному:

— Это моя самая близкая подруга, Манана Георгобиани.

— Отца ее зовут Титэ, — прибавил Георгий.

— Да, — подтвердила Саломэ. — Титэ Георгобиани, тот самый, которого вы сняли с работы и, кажется, даже отдали под суд.

— И который развалил все строительное дело в районе, по милости которого люди годами ждут квартиры, который занимался приписками, разбазариванием строительных материалов... — спокойно перечислил Георгий.

— Будь осторожнее, сынок, — сказала Тамар. — И так у тебя немало врагов. Я хочу, чтоб мой сын был справедливым и добрым. Иногда надо прощать человеку его ошибки.

— Ошибки да, но когда человек отлично понимает, что он делает, это уже не ошибки, — сказал Георгий.

По телевизору передавали концерт эстрадного оркестра. Саломэ стала танцевать.

— Мне бы ее заботы, — улыбнулась Тамар и поставила на стол кувшин. — Это брусничный компот. Выпей.

Георгий налил себе компоту, выпил и благодарно улыбнулся матери.

— Чудо... — сказал он.

— Сейчас все только и говорят о полях Вайо, — обратилась Тамар к сыну.

— А ты что скажешь, мама? — спросил Георгий.

— Что я могу сказать... — Тамар задумчиво провела рукой по скатерти. — Грузия — это прежде всего лоза... Это дело не может не получиться. Народ пойдет за тобой.

— Не все пойдут, — вставила Саломэ.

— Много ты понимаешь! — проворчала Тамар и, собрав со стола посуду, вышла на кухню.

— А вот и понимаю, — упрямо повторила Саломэ и облокотилась локтями о стол прямо напротив Георгия. — На собраниях при тебе люди аплодируют, а при мне говорят правду.

— Что же они все-таки говорят? — поинтересовался Георгий.

Саломэ серьезно посмотрела отцу в глаза.

— Ты о Сетуридзе слышал? — спросила она.

— Так, краем уха, — пожал плечами Георгий, — Он управляющий трестом.

— Сетуридзе управляет всем, — сухо поправила отца Саломэ. — Секретарь, который был здесь до тебя, оказывается, плясал под его дудку...

— Неужто? — Георгий сделал вид, что удивлен.

Саломэ не разделяла иронии отца.

— Говорят, Георгию Торели трудно будет справиться с Сетуридзе. У него, оказывается, родственник очень большой человек. И здесь все его друзья — на ответственных должностях... И еще, между прочим, его знает весь театр, он не пропускает ни одной премьеры. А цветы присылает целыми корзинами.

— Ах ты сплетница! — засмеялся Георгий и легонько потрепал ее по волосам. Саломэ упрямо тряхнула головой и снова посмотрела отцу в глаза. Помолчав, она неожиданно сказала:

— Знаешь, когда я была маленькая, я думала, отец у меня робкий, мягкий интеллигент. Так я думала, пока не выросла.

Георгий неловко поежился, отвел взор от дочери, с притворным весельем спросил:

— А когда же все-таки ты стала взрослой?

Саломэ, печально улыбаясь, пожалала плечами.

— Не знаю... Вероятно, когда поняла, что мужество — это особенность характера, а не дюжие плечи...

— Вообще-то я не могу пожаловаться на хилые плечи, — засмеялся Георгий и, распрямив плечи, гордо прошелся по комнате.

Из кухни вышла Тамар, улыбаясь посмотрела на сына.

— Ты что-то в хорошем настроении.

— Верно, — признался Георгий. — Сегодня утром у родника Вайо повстречал я удивительного старика. Он уверял меня, что именно у того родника сидел Тарнэл, герой «Вепхисткаосани».

— И что в этом необычного? — Саломэ не разделяла настроения отца.

— А развалины на холмах — это, оказывается, дворец Фридона, — добавил Георгий. — Очень странный старик.

— Между прочим, немецкого ученого Шлимана тоже считали странным человеком, — сказала Саломэ. —

А он, ни на кого не обращая внимания, поверил Гомеру и открыл Трою.

— Почему ты со мной споришь? — Георгий сделал вид, что обиделся, схватил Саломэ за плечи и потряс: — Разве я сказал что-либо плохое о старике? Напротив, я так же, как и он, убежден, что облаченный в тигровую шкуру Тариэл сидел на камне именно у родника в поле Вайо. Я даже видел тот камень. Он лежит все там же. Да и кто мог унести его, он весит не меньше двух тонн.

— Папочка! — взмолилась Саломэ. — Покажешь мне тот родник?

— Почему бы и нет, — пообещал Георгий. — И с Тариэлом познакомлю.

— С каким это Тариэлом? — изумилась Тамар.

— С тем стариком, — объяснил Георгий. — Его зовут Тариэл.

В кабинете Георгий разговаривал по телефону с Гурамом Глonti.

— ...Все это понятно, Гурам, но ведь план на год-два должен опережать действия. Да, да, необходимо смотреть вперед...

— Можно? — раздался в это время голос.

Георгий оглянулся. В дверях стоял сияющий Полиактор. В обеих руках он держал альбом и какие-то листы бумаги, свернутые трубкой.

— А, входите, входите!

— Все готово, — взволнованно сказал Полиактор. — Готов проект, да еще какой!

Взволнованность Полиактора передалась и Георгию.

— Гурам, идите ко мне. И Аснат пусть идет! — крикнул он.

Полиактор положил на стол альбом. Георгий подошел к столу, сначала осторожно провел рукой по картонной обложке, потом стал перелистывать альбом.

— Все учли? — спросил он.

— Абсолютно... Все научно обосновано.

В кабинет вошли Аснат и Гурам.

— Вот! — обратился к ним Георгий и взял в руки альбом. Глаза его сияли. — В нем — жизнь полей Вайо!

Аснат бережно открыла альбом. Гурам локтями облокотился на стол и стал внимательно смотреть.

— Надо подписать, — сказал Полиактор и достал из кармана ручку. — В нескольких местах. Прошу он протянул ручку Георгию. Георгий расписался за ним — Гурам.

— Друзья мои, это же не проект, а объяснение в любви! — воскликнула Аснат.

— Это дело надо отметить! — сказал Гурам.

— Давайте соберемся у меня, — предложила Аснат. — Больше месяца в холодильнике стоит бутылка шампанского.

— Принято единодушно! — объявил Георгий.

Некоторое время спустя в однокомнатной квартире Аснат звучала мелодия аргентинского танго... Аснат и Полиактор пытались танцевать на старинный лад. Аснат полуприкрыла глаза, Полиактор же гордо откинул голову, отчего у него обнажилась лысина, тщательно скрываемая остатками волос.

Георгий сидел за низким столиком, попивая шампанское из бокала, и улыбался. Музыка, шампанское и пережитая радость действовали на него умиротворяюще. Гурам сидел на подоконнике, наблюдая за танцующей парой, и тоже улыбался... Едва замолкла музыка, Полиактор бросился к своим фолиантам, положил их на колени и стал перелистывать.

Аснат подняла бокал и торжественно провозгласила:

— Друзья!.. Товарищи! Мужчины!.. Хочу предложить тост... Тост за поля Вайо!..

Все чокнулись и выпили.

— А теперь послушаем Аснат! — сказал Гурам, загадочно улыбаясь.

— Я ведь уже сказала тост... — удивилась Аснат.

— Да, но не языком музыки. — улыбнулся Гурам и протянул Аснат скрипку.

— Где ты ее нашел? — смутилась Аснат.

— Просим! — захлопал Полиактор. — Bravo! Брависсимо!..

— Вы играете на скрипке? — удивился Георгий.

— А как же! — ответил Гурам. — До поступления в университет она закончила консерваторию по классу скрипки.

— Ну что вы, друзья! — засмушалась Аснат. — Я
и не помню, когда в последний раз брала ее в руки.
— Вот и вспомните, — попросил Георгий.
— Что сыграть?

— Что бы вы ни сыграли, это будет посвящено полям Вайо, — сказал Георгий.

Аснат вдруг стала серьезной, приладила скрипку, закрыла глаза и заиграла...

Георгий встал, подошел к окну, замер. За окном была ночь, наполненная звуками скрипки и лунным светом. Далеко в серебристом мерцании виднелись замершие в ночной тишине поля Вайо.

Только Гурам Глonti вышел из парадного, как рядом с ним затормозил синий «шевроле». За рулем сидел Мераб Сетуридзе. Он помахал рукой в знак приветствия, потом открыл дверцу машины:

— Садись. Дело есть.

Гурам без слов сел в машину. Мераб медленно поехал.

— Слушок такой есть, прокуратура в документах треста копается, — нервно улыбаясь, сказал он.

— А такого нет, что прокуратура склад райкооппотребсоюза опечатала? — спросил Гурам.

— Что с Гавашели? Какая муха его укусила? — Мераб зло сощурился.

— С ним ничего, он прокурор и выполняет свои обязанности, — беззаботно ответил Гурам.

— Не хватит, что сняли Датико? Чего хотят от этого больного человека? — негодуяще развел руками Мераб. — Что происходит, хотел бы я знать!

— То, что происходило всегда, — спокойно объяснил ему Гурам. — Идет борьба с бесчестьем.

— Это у вас называется борьба с негативными явлениями? — Мераб с каким-то странным любопытством взглянул на Гурама. Потом стукнул кулаком по рулю и воскликнул: — Молодец Георгий Торели! В самом деле крепок!

Некоторое время они ехали молча, наконец Мераб прервал молчание.

— Насчет Хмиададзе говорил?

— Говорил.

— Ну и что?

— То, что Хмиададзе жулик, я и без тебя, говорит, знал.

— Ты сказал, что он жулик?

— Да, я сказал.

Сетуридзе ничего не ответил, только головой покачал. Потом засмеялся. Смеялся долго и найгранно.

— Хорошо сказал, — произнес он наконец и с усмешкой оглядел Гурама. — Далеко пойдешь, но куда — вверх или вниз, этого не скажу. Где выйдешь?

— Где остановишь, там и выйду.

Сетуридзе тут же затормозил.

— Прошу!

Гурам не спеша вышел из машины.

— Товарищ Глonti, минуточку! — остановил его Мераб.

Гурам подошел к окну.

— Помните, что Гиви Ванидзе все еще на своем месте, там! — Сетуридзе поднял палец кверху.

— Что ты говоришь? — нарочито поразился Гурам. — Все еще там?!

Сетуридзе хлопнул дверцей машины и нажал на газ.

По полю мчалась «Нива», оставляя позади себя столб серой пыли...

В машине сидели Георгий и Гурам. Солнце так нещадно палило, что даже разговаривать было тяжело.

— В Казахстане, я был там на целине, точно такие же поля, — задумчиво произнес Георгий.

— Вы и в Казахстане были?

— Где я только не бывал... — Георгий улыбнулся собственным воспоминаниям. — сперва в Семипалатинском округе, потом в степях Западного Казахстана... Голубая нива, Ичхи-Су...

— Я бывал в Степном. — сказал Гурам. — Из Тбилиси ездила группа студентов политехнического института, я среди них. Строили дома для совхозов.

— Ох, хорошее было время! — вырвалось у Георгия.

— Прекрасное! — добавил Гурам.

Потом они сидели молча, каждый думал о своем.

— Да, вот что! — вдруг сказал Георгий. — С Дмитрием Хмиададзе вы знакомы?

Вопрос для Гурама совершенно неожиданный. Он с трудом проговорил:

— А что?

— Недавно был у меня школьный товарищ, очень хвалил его. Вы какого о нем мнения? Сможет он руководить материальной базой Вайо?

Гурам покачал головой. Потом у него вырвалось само собой:

— Жулик этот Хмиададзе и больше ничего.

— Так я и знал. — засмеялся Георгий.

— Чего же тогда спрашивали? — обиделся Гурам.

— Хмиададзе я не знаю, однако своего однокашника знаю хорошо, — объяснил ему Георгий.

Их догнал автобус, в котором сидели актеры, изнеможенные от жары и путешествия. И Нино Деметрадзе была с ними. Георгий вышел из машины, поднялся в автобус. Саломэ пришивала к атласному халату испанский воротник. Молодая актриса кормила грудью ребенка. Под сиденьями лежали сабли, копья, щиты.

— Здравствуйте, служители искусства! — поздоровался с актерами Георгий.

— Здравствуйте!

— Приветствуем вас.

— Добрый день, дядя Георгий! — послышались в ответ радостные голоса.

— Куда путь держите? — спросил Георгий.

— Едем в Наомари, — отвечала Нино. — У нас выездной спектакль.

Саломэ улыбнулась отцу.

— Ребенок не устанет? — спросил Георгий у матери младенца.

— Ничего! — улыбнулась она. — Он, вроде нас, любит бродяжничать.

— Мои дети все выросли в автобусе, — весело добавила седая женщина.

— Нато? — Георгий поискал взглядом Нато. — Надеюсь, у тебя все в порядке?..

Нато смущенно кивнула головой.

— Теперь все в порядке, — отвечала Нино вместо Нато.

— До приезда сюда из Тбилиси она пролила столько слез, что они могли привести в движение мельницу, — весело добавил актер в джинсах.

— Так всем нам испортила настроение, что мы чуть было не подались назад, — сказала актриса в шортах.

— Зато с тех пор не перестаю смеяться, — оправдывалась Нато.

— И все-таки, какой это был день, помните? — сказала Нино. — Остановился поезд, и что мы видим? — все покрыто снегом.

— А мы были одеты так, словно ехали на пляж в Кобулету, — добавила актриса в шортах.

— Было двадцать третье апреля, в Тбилиси, уже жарко...

— Ну как, много бывает народу на выездных спектаклях? — поинтересовался Георгий.

— Столько, что мест не хватает, и люди приходят со своими стульями, — засмеялась Нино. — И какой у нас зритель, знали бы вы, батона Георгий... Смотрят не дыша. Одно плохо, начинаем спектакль поздно. Сами понимаете, пока крестьяне вернутся с поля, поедят, переоденутся...

— Раньше десяти не начинаем, — ввернул актер, сидевший на заднем сиденье.

— А после спектакля опять дорога, — продолжила Нино. — К двум-трем часам ночи едва добираемся домой.

— Трудно, конечно... — проговорил Георгий.

— Может быть, вам нужна наша помощь? — спросил Гурам.

Нино оглядела сидящих в автобусе. Никто не проронил ни слова.

— Пока что ничего, — улыбнулась Нино. — Все мы получили квартиры на одной улице, живем близко друг от друга и можем часто встречаться.

— Теперь улицу, где мы живем, люди называют артистической улицей, — сказал толстяк.

— А некоторые — улицей бегунов, — засмеялась актриса в шортах.

— Почему? — заинтересовался Георгий.

— Они каждое утро бегают по улице, — сказала Нино.

— А как же! — вступил в разговор толстяк. — Актер всегда должен быть в форме.

Водитель включил мотор.

— До свидания! — сказал Георгий и вышел из автобуса.

Автобус тронулся. Актеры шумно прощались. Георгий задумчиво смотрел вслед автобусу, за которым шел грузовик с декорациями. Когда они сели в машину, Георгий обратился к Гураму:

— Может быть, подумаешь, что мы можем сделать для этих людей...

— Да, хороший народ эти актеры... И спектакли у них отличные: «Тедоре», «Премия», «Чужой»... Народ ходит на них с удовольствием, — отвечал Гурам.

— То, что в районе столько профессиональных актеров, уже немалое дело.

— И с транспортом у них не очень-то хорошо. А ведь они все время на колесах.

«Нива» ехала по изнывающему от жары полю...

Тбилиси. В здании Совета Министров широко распахнулись двери зала заседания, и в коридор вышли люди, уставшие и в то же время возбужденные. Среди них были Георгий, Аснат и Гурам. И Полиактор Ахалкаци был с ними, со своим неразлучным портфелем и рулонами под мышкой. К Георгию подошел высокий седой мужчина.

— Не падай духом, Георгий!.. Скажу откровенно, всем нам очень понравилась ваша идея освоения полей Вайо, но где взять средства в этом году?! А на это дело нужны немалые средства!

— А как вы хотите! — вспыхнула Аснат. — Не посеешь — не пожнешь...

— Но ведь решено в будущем году выделить необходимые на это средства, — сказал высокий седой мужчина. — Чего же вам еще?

— В будущем году мы намеревались на этих полях получить урожай, — хмуро проговорил Георгий и отошел от него.

Они вышли из здания Совета Министров и молча пошли по проспекту Руставели. Аснат и сама была не в духе, но больше переживала за Георгия. Она шла, искоса поглядывая на него, и понимающе вздыхала. А на проспекте было многолюдно. Люди шли веселые, счастливые. Перед гостиницей стояли туристы.

Георгий по-прежнему молчал. Асмат едва поспе-вала за ним.

— Надо же было надеть их! — проговорила она и остановилась. — Ох и жмут, проклятушие... Да остановитесь вы, не видите, я едва поспеваю за вами?!

Георгий остановился, оглянулся и, увидев измученное лицо Асмат, вдруг оттаял.

— Я женщина, вы не забываете об этом, — говорила она, прислонившись к дереву и сняв туфлю с левой ноги, чтоб немного передохнуть.

— Извините, — пробормотал Георгий. Заметив рядом продавщицу цветов, он купил два букетика фиалок, протянул их Асмат и сказал, улыбнувшись: — В знак того, что я не забыл, что вы женщина.

— Спасибо. — засмеялась Асмат.

К тому времени Полиактор остановил такси. Все сели в машину.

— На вокзал, — сказал Гурам.

Поезд мчался по темному ущелью. Двери купе были закрыты, спал весь вагон, только Георгий стоял в одиночестве в коридоре и курил. Он смотрел в заполненную гулом тишину и думал, думал напряженно. Затем прошелся по коридору, вошел в тамбур. Здесь было особенно шумно. Он прикурил от старой сигареты, вернулся, некоторое время ходил по коридору и, видимо, решившись, подошел к купе, осторожно приоткрыл дверь и позвал шепотом:

— Асмат!

В полутьме с верхней полки свесилась Асмат.

— А, это вы? — спросила она, тотчас очнувшись ото сна.

На нижней полке слышался старческий кашель.

— Выйдите на минуту, — прошептал Георгий. — Есть дело.

— Сию минуту.

На нижней полке снова кашлянули, потом тихо проворчали:

— Нашел тоже время!.. Только уснул...

Георгий открыл двери соседнего купе, тихо позвал:

— Гурам!.. Гурам!..

— Да?.. Что случилось? — донесся голос Гурама.

— Извини, — зашептал Георгий. — Поговорить надо. И Полиактора разбуди. Извини, пожалуйста...
— Да ничего, я и не спал, — ответил Гурам, одеваясь.

Потом все четверо стояли в коридоре. Никто уже не помнил о сне.

— Почему мы не можем попытаться своими силами поднять какую-то часть полей Вайо?... — говорил Георгий.

— Как? — безнадежно разводил руками Гурам. — А как быть с планами? Там поднять двести гектаров, а здесь не выполнить плана?

— Пусть будет не двести, а сто пятьдесят гектаров, — уступил Георгий.

— Мы и так с трудом выполняем план, — проговорил Полиактор.

— Вот если бы у нас уже жили люди в бывших деревнях... — мечтательно произнесла Аснат.

— Тогда мы подняли бы и больше.

— И механизации нет, — озабоченно продолжал Гурам. — И удобрений! Я не говорю уже о рабочих руках.

— А вода? — напомнил Полиактор.

— Все обойдется, — с надеждой сказал Георгий. — На тракторах можно работать в три смены. И топливо найдем, и почву можно удобрить. Что касается воды... Я хорошо знаю структуру почвы полей Вайо. Там много подземных вод, дебет которых не учтен.

— Я, разумеется, все понимаю, — задумчиво произнес Гурам. — Если на полях Вайо поднять даже гектар виноградника, это будет иметь огромное моральное значение...

— Тогда и люди потянутся в бывшие поселения, — сказала Аснат.

— Я боюсь, как бы это не отразилось на производственных силах района, — с сомнением покачал головой Полиактор. — Чтоб не случилось так, что мы потянулись за двумя зайцами...

— А потому, товарищ Полиактор, — Георгий положил руку ему на плечо, — соберите свой плановый отдел, пригласите нас и давайте разработаем точный план. Все должно быть обосновано научно.

— Обоснуем, — убедительно пообещал Полиактор.

ՊԵՐՅԵՅՉԻՆ
ՀԱՅԿԱՊՈՅՅՅ

В садах и полях празднично бушевала весна.

В центре села отмечали праздник — Берикаоба. Дети сидели на крышах домов и деревьях. Маленькая площадь не вмещала всех желающих участвовать в этом весеннем празднике.

Окруженный «стражей» «царь» уже сидел на троне. Перед ним на коленях стоял рослый детина, которого стражники «колотили» палкой.

— Дай выкуп! — грозно пробубнил «царь».

А из толпы кричали:

— Титэ, не выходи из себя!..

— Смейся же, смейся!..

Детина смеялся и шарил по своим карманам. Потом протянул «стражникам» рублевку, и они отстали от него. Старший стражник выписал ему квитанцию. А по кругу шныряли ряженные. Искали очередную жертву. Активнее всех был ряженный в одежде «врага». На поясе у него висели убитые вороны, в руках — игрушечный автомат. Он отчаянно чесался и палил из автомата в невидимых кусающих его насекомых.

К «царю» подбежал обросший ряженный и что-то прошептал. «Царь» слушал его, тараща глаза, наконец увидел тех, о ком шла речь, в толпе любопытных стояли Дмитрий Хмиададзе, Торнике Сепертеладзе и Беглар Мжавия.

«Царь» позвал «стражников», указал на Хмиададзе и прошептал:

— Дайте ему как следует... — Потом, вытянув руку, громко приказал:

— Взять его и доставить ко мне!

«Стражники» подбежали к Хмиададзе и, «избив» палками, доставили его к «царю».

— Бейте! — приказал «царь».

Хмиададзе сопротивлялся, пытался выскользнуть из рук «стражников», кричал что-то, но его никто не слушал.

А из толпы доносилось:

— Сильней, ребята, видите, он уже разозлился!

— Дайте ему как следует, он денежный.

— Пусть выложит десятку!..

Торнике и Беглар равнодушно созерцали избитие товарища. Дмитрий вытащил десятку и показал ее «стражникам». Старший «стражник», взяв деньги, взглянул на «царя».

— Не скупись червь, — грозно сказал «царь».

«Стражники» снова взялись за Дмитрия.

Торнике и Беглар, услышав сигнал машины, оглянулись.

За ними стоял знакомый синий «Шевроле». Беглар и Торнике направились к машине, открыли дверцу, сели.

Сетуридзе смотрел на веселившихся людей и улыбался.

— Это Дмитрию достается? — спросил он.

— Да... — равнодушно отвечал Мжавия.

Дверцу машины открыл Хмиададзе и со стоном опустился на сиденье.

— Во сколько обошлось тебе весеннее Бебикаоба?

— В двадцать... — отвечал Хмиададзе и провел рукой по спине. — Ну и досталось же мне...

Сетуридзе громко рассмеялся, потом вдруг стал серьезным и деловым.

— А теперь слушайте, — сказал он. — Сегодня на бюро Георгий Торели сообщил о решении осваивать поля Вайо.

— Но ведь ему не утвердили проект? — удивился Сепертеладзе.

— В том-то и дело, Торели намерен взяться за это дело силами района.

— Это же партизанщина! — заволновался Сепертеладзе.

— Это авантюра, — с ехидной улыбкой поправил его Сетуридзе. — А этого уже партийному руководителю не простят.

— Смотрите-ка, что придумал! — сказал Хмиададзе. — Хочет общественность поставить перед фактом.

— Карьерист! — воскликнул Мжавия. — Увидите, Георгий Торели непременно погубит район.

— Нет, район он не сможет погубить, — покачал головой Сетуридзе. — Никто не позволит ему этого. А

себя погубит наверняка. Неумный он, оказывается, человек.

Вокруг машины, заглядывая в окна, резвились женщины.

— Того, что Георгий Торели во многом прав, никто не отрицает, — сказал Сетуридзе. — Но и то факт, что он ошибается во многих принципиальных вопросах. — Сетуридзе с сожалением развел руками, потом стал считать на пальцах: — В вопросе о кадрах ошибается. Почему? Не знает здешних кадров и не прислушивается к советам — вот почему. Столько семей согнал с насиженного места и заставил переселиться в бывшие деревни — это же явная авантюра?! Своих родственников понавез и устроил на теплые места — как это называть?! А вопрос о виноградниках на полях Вайо с какой целью поднят? Для того, чтобы показать себя! Для дочери своей открыл собственный театр, чего же более?! — Сетуридзе наклонился к своим собеседникам и понизил голос: — А теперь слушайте внимательно... Позавчера приехал с ревизией человек из ЦК, проверяет непосредственно работу Торели.

— Слава богу! — сказал Торнике.

— Не богу, а Гиви Ванидзе, — иронически улыбаясь, поправил его Мжавия.

— Одним словом, этот человек приехал, а уж остальное — за вами. — Сетуридзе с заговорщической улыбкой оглядел своих собеседников.

— Ну, а мы свое дело знаем! — с угрозой процедил Торнике.

К ветровому стеклу подошел обросший старец, стал целиться в сидящих в машине из детского автомата и закричал:

— Лапы вверх! Мерзкие вы твари, клопы вы этакие, лапы вверх!

— Одно меня беспокоит, — задумчиво произнес Сетуридзе, — если Георгий Торели успеет на полях Вайо посадить лозу, хотя бы даже на одном гектаре, он так глубоко пустит здесь корни, что его клещами не вытянешь.

— Интересно, где они достанут столько саженцев? — спросил Шалва.

— Они увеличили Чокнарский питомник, — сказал Торнике. — Там работает Абесалом Девносадзе.

Сетуридзе повернулся к Беглару:

— Слушай, Беглар, ты же из Чокнари?

Беглар покачал головой и зло сощурился:

— Знаю я этого Абесалом...

— Действовать надо, друзья, действовать!

Вдруг дверца машины распахнулась, ряженые с криками схватили Сетуридзе и потащили за собой. Все это случилось так молниеносно, что сидевшие в машине не успели даже опомниться. Наконец Мжавия пришел в себя и закричал:

— Заприте двери изнутри!

Ряженые, награждая Сетуридзе ударами, волокли его к «царю». Сепертеладзе довольно потирал руки и говорил многозначительно:

— Сколько мудрости в народных традициях!

Шел дождь. По глухой сельской улице бежали люди, к ним присоединялись люди из проулков, дворов. Все бежали молча, слышен был лишь топот да тяжелое дыхание людей. Звуки эти постепенно заполнили тишину рассвета. Казалось, вся деревня высыпала на улицу.

Топот перешел в непрерывный гул... Люди бежали в одну сторону. В бледном свете утра мелькали угрюмые, взволнованные лица...

Наконец грозный людской поток застыл у виноградника, раскинувшегося на склоне. Здесь, посреди виноградника, в одной рубашке, с непокрытой головой стоял Абесалом. Он держал на ладони виноградную ветвь с тяжелыми гроздьями. Лоза, которую он холил и нежил, беспомощно валялась на земле.

Люди стояли в полном молчании, потрясенные зрелищем вырубленного виноградника, тишину нарушал лишь далекий гул шагов — к винограднику стекались все новые и новые потоки людей.

Примчался, запыхавшись, Резо Давитадзе. Увидев разоренный виноградник, застыл, как громом пораженный. Потом, как лунатик, пошел вдоль вырубленного ряда, поднимая каждую лозу в отдельности в поисках в ней хоть искорки жизни.

Появился Георгий Торели, в лице — ни кровинки. Люди молча расступились, пропуская его. Георгий вошел в виноградник.

— Я не смогу выполнить обещанное... — с горечью произнес, подойдя к нему, Абесалом и развел руками.

— Кто же твой враг, Абесалом? — спросил кто-то из толпы.

— Мой?! — повторил старик и упрямо покачал головой. — Нет! Мой враг этого бы не посмел! Это мог сделать только наш общий враг!

— Ведут! — раздался вдруг чей-то взволнованный голос. — Поймали!

Народ зашумел, кое-кто поднял с земли камень...

В конце дороги появилась группа людей. Они, подталкивая, погоняли впереди себя кого-то со связанными руками.

Люди у виноградника все как один тяжело двинулись к дороге, а им навстречу приближался человек со связанными руками. Это был Беглар Мжавия. У него на шее на веревке висел топор...

Народ заволновался, зашумел:

— Беглар Мжавия!..

— Ты же вырос на этой земле, нехристь, как ты посмел сделать это?!

— Что ты натворил, чтоб у тебя руки отсохли?!

— Руки ему отрубить бы этим топором!

— В милицию его, в милицию!

— Закидаем его камнями, люди!

— Позор ему!

— Как ты не ослеп, когда поднял топор?!

— Почему не разверзлась земля под тобою?!

В Беглара стали бросать камни, люди схватились за палки, потрясали кулаками. Парни, поймавшие Мжавия, с трудом сдерживали возмущенных.

Вдруг перед Бегларом Мжавия вырос Георгий Торели.

— Остановитесь! — крикнул он и поднял руку. — Остановитесь!..

Народ остановился, замер в напряжении.

— Развяжите ему руки! — обратился Георгий к тем, кто привел Мжавия.

Беглару развязали руки, подтолкнули его вперед.

— Уходи!.. Уходи отсюда! — сказал Георгий. Голос его дрожал от волнения. — Твое преступление так велико, что трудно найти тебе наказание. Человек... Человек не мог сделать такое!..

Мжавия не сразу понял, что с ним собираются делать. Он стоял, растерянно оглядывая односельчан, все молчали, никто не трогался с места.

— Убирайся из деревни! — строго повторил Георгий. — Иди и знай: для людей ты больше не существуешь. Нет на земле человека, который откроет тебе дверь своего дома. С какой совестью ты войдешь в свой собственный дом, что скажешь детям, брату?! Матери что скажешь?! Уходи! Убирайся!

Беглар Мжавия повернулся, неуверенно сделал шаг, оглянулся.

Народ молча смотрел на него.

— Накажите меня, люди! — заревел Беглар Мжавия.

Георгий повернулся, быстрым шагом пошел прочь. Все последовали за ним.

Мжавия застонал; потом вдруг зарыдал, рыдания его перешли в глухое мычание... Никто не оглянулся. Никто не издал ни звука. Люди молча покидали виноградник.

— Мы увлеклись большими делами и, видимо, мелочи ускользнули от нас, — задумчиво произнесла Ас-мат.

— Вопросы морали и нравственности далеко не мелочь. И партия никогда не забывает об этом. Вот тебе пример: известное постановление Всесоюзного ЦК касалось не только Тбилисского комитета... Необходима непримиримая борьба...

Георгий устало поднялся по лестнице, открыл дверь, вошел в прихожую. Сюда доносились звуки танцевальной музыки и веселые голоса. Георгий снял плащ, прислонился к стене.

За неплотными занавесками мелькали силуэты танцующих.

Георгий стоял в раздумье — войти в комнату или повернуть обратно. Веселье в его доме, после всего того, что он перенес и пережил за день, вызывало в нем физическую боль. Он уже собирался снять с вешалки плащ, когда из кухни выглянула Тамар.

— Ты пришел вовремя, Георгий! — громко сказала она. — У Саломэ гости.

Георгий пошел в кухню, тяжело опустился на стул.

Тамар хлопотала у газовой плиты и выговаривала сыну:

— Интересно, чем занимается ваша профорганизация, почему не запрещает вам работать в воскресенье?

— Запрещает, — Георгий попытался улыбнуться, — запрещает, но что поделаешь с такими упрямыми, как мы...

Тамар погладила сына по руке. Тревожно спросила:

— Что-нибудь случилось, Георгий?

— Ничего. — Георгий снова попытался улыбнуться, но у него не получилось.

— Почему тебе звонили спозаранку? — не унималась мать. Георгий некоторое время молчал, потом выдохнул:

— В Чокнари вырубил виноградные саженцы.

— Боже! — воскликнула Тамар.

В комнате Саломэ собрались те самые актеры, которых Георгий видел в автобусе. Среди них была и Манана Георгобвани. На столе стояли вазы с пирожными, фруктами, бутылка коньяку.

— Давайте пойдем ко мне, — предложил актер с коротко остриженными волосами.

— Никуда вы не пойдете! — категорически заявила Саломэ. — Вам что, здесь плохо?

— Здесь твой отец, — ответил молодой человек в джинсах и взял со стола бутылку коньяка. — Райком этого не одобрит, — сказал он с умным видом и поставил бутылку за шкаф.

— Не валяй дурака! — разозлилась Саломэ и поставила бутылку на место. — Мой отец вам не пугало!

— О Джульетта, как красив в гневе ваш божественный лик! — прижав к груди руки, патетически произнес актер с короткими волосами.

— А ты, Ромео, труслив как заяц, — в том же тоне ответила ему Саломэ. — Даже при виде тени моего отца тебя бросает в дрожь.

— Бедный Шекспир! — горько улыбнулся кто-то. Георгий и Тамар все еще сидели на кухне.

— Этот топор занесли над тобой, сынок, виноградник тут ни при чем, — сказала Тамар.

— Знаю, мама.

Тамар погладила по руке сына.

— Я растила тебя добрым... — голос у Тамар был теплый, но в нем чувствовалась тревога. — С колыбели учила только добру... И забывала, что в добре не надо быть беспомощным...

— Ты права, мама.

— Все вырубил?

— Все, — не скрыл Георгий.

— Что теперь будете делать? — дрожащим голосом спросила Тамар.

Георгий ободряюще погладил ее по плечу.

— Теперь мы будем танцевать! — воскликнул он. — Назло врагам!.. — И Георгий открыл дверь в комнату дочери, громко поздоровался, потом пожал руку каждому в отдельности. — О, приветствую Отелло! Добро пожаловать, прекраснейшая царица Кетэван! Здравствуйте! Если не ошибаюсь, министр Гегидзе?..

— Совершенно верно, — улыбнулся актер в джинсах.

— Вы мне понравились! — похвалил его Георгий. — Хотя должен сказать, что в жизни министры несколько другие.

— У искусства своя правда, — стал оправдываться актер в джинсах.

— Согласен, — поднял вверх руки Георгий. Потом поздоровался с режиссером. — Здравствуйте!

— Большое спасибо за новый автобус, — в ответ сказал режиссер.

— Это было очень кстати, — добавила молодая актриса. — Старый-то совсем развалился.

— Вы радуйте нас хорошими спектаклями, а мы всегда вас поддержим, — пообещал Георгий.

— Когда мы приезжаем с выездными спектаклями в деревни, о чем только нас не спрашивают. Они думают, раз мы прибыли из района, то мы знаем больше, — сказала Георгию Нино.

— Что же все-таки их интересует?

— Больше всего интересуются полями Вайо, — сказала Нино. — И заселением бывших деревень.

— А мы сидим, словно набрав в рот воды, — произнес один из актеров.

— Что мы можем сказать, коли сами ничего не знаем.

— Спрашивают, какого сорта виноград будет расти на полях Ваю, почему до сих пор в села, где уже проведены дороги и отремонтированы дома, не едут люди, добавила Нино.

Георгий задумался.

— Да, я сожалею, что до сих пор не беседовал с вами, — сказал он. — Приду как-нибудь в театр, расскажу о нашем районе. И о его будущем, — Георгий с улыбкой оглядел гостей. — А вы не забудьте пригласить меня на премьеру.

— Премьеру придется отложить, — сказала Нино. — Лия ушла из театра.

— Покинула нас исполнительница главной роли, одолела печаль по проспекту Руставели!

— Эх, кто не скучает по Тбилиси! — вздохнул актер в джинсах.

— Нелегко забыть Тбилиси, — с грустной улыбкой произнесла Нино. — Если бы они не любили сцену сильнее жизни, никакая сила не удержала бы их здесь.

Георгий встал и громко спросил:

— А почему до сих пор молчит музыка?.. Кто выключил музыку?

Гости переглянулись. Георгий подошел к магнитофону, включил его, увеличил звук до предела и торжественно произнес:

— Объявляю приз за лучший танец! Смотрите, как бы я не обошел вас всех!..

Квартира наполнилась огненными ритмами.

...Потом, поздно ночью, Георгий лежал в темной комнате и разговаривал с матерью, присевшей на его кровать.

— Коли они взялись за топор, значит, ты здорово им насолил, — говорила Тамар. — Плохо, когда такие люди ведут себя тихо и спокойно.

— Плохо, что такие люди есть вообще, — скорбно заметил Георгий.

— Что поделаешь! — вздохнула Тамар. — Трудно тебе будет с ними бороться, сынок!

— Ничего, — утешил ее Георгий. — Мы выигрывали и не такие бои. Разве моему отцу было легче?

— То было другое время. — Тамар улыбнулась далеким воспоминаниям. — Когда твой отец боролся с ку-

лаками, у кулаков и состояние было, и оружие, и влиянием они пользовались среди крестьян. Но у отца твоего была власть, он этим и одолел врагов. Сейчас же ты с кем ты борешься, имеют и должности, и власть. У многих из них и партбилет в кармане, и они считают себя столпами советской власти. Эх, сколько таких пролезло в партию!..

— И такие есть, конечно, — согласился Георгий.

Они молчали, думая об одном и том же.

Город спал. Но постепенно светлел небосклон и все светлее становилось в комнате.

В кабинете Георгия сидели Гурам и Аснат.

— Не могу понять, что случилось, — говорил Георгий. — Дороги провели, дома выстроили, в каждом доме электричество, а люди не едут...

— Просто удивительно! — развел руками Гурам. — Ведь были здесь представители из Аджарии... Кажется, им все понравилось. Я был уверен, что вы привезете самую добрую весть.

— Женщины упрямятся, а то мужчины охотно соглашаются.

— Хм, я так и знала! — воскликнула Аснат. — Разумеется, это все козни женщин!

— Разве что женщина найдет с ними общий язык, — ввернул Георгий.

— Разумеется, — тотчас согласилась Аснат.

— А если вам сегодня же поехать в Аджарию?.. — неуверенно предложил Георгий.

— Пожалуйста. — Аснат схватила свою огромную сумку.

— С ними надо говорить помягче, — посоветовал Гурам. — Женщины больше доверяют женщине.

Отвернувшись к окну, Аснат мазала губы помадой и бормотала:

— Я им поговорю мягко!.. Ну и народ эти женщины, только и знают, что стоят поперек пути у мужчин. Я знаю, что сказать им... Посмотрите, как они у меня запляшут....

Посреди пристройки гудел огонь. У глиняных сковородок хлопотали женщины в косынках. Другие сидели на

обрубках бревен вокруг костра, вдоль закопченной стены. Было здесь и много детей, грудных и малолетних... У самого огня сидела Аснат и безмолжно говорила, отворачивая от огня разгоряченное лицо. Одета она была по-праздничному.

—...Мужчины народ осторожный, им всегда трудно принять решение. Известно ведь, они и старую кукушку на ястреба не променяют. Скажите, разве мы, женщины, так же нерешительны?! Я знаю, только вы и сможете поднять их с насиженного места! Знаете, какой там простор?! А земля — жирная, словно масло. А зелень, овощи?! Семена тамошних помидоров и огурцов пользуются спросом даже в Европе. А воздух! Какой там воздух! — Аснат вдохнула воздух и поморщилась... — Разве здешний воздух сравнится с нашим? А приусадебные участки будут там больше чуть ли не вдвое, родники там холодные и прозрачные... Ну, что скажете, женщины?

Женщины улыбались, удивленные красноречием гостьи. Хозяйка дома выложила из сковородки хачапури и стала нарезать его.

— Хозяюшка, а что вы скажете? — обратилась к ней Аснат.

В ответ женщина широко улыбнулась и протянула ей тарелку с хачапури.

— Угощайтесь.

Аснат взяла хачапури, откусила и продолжала:

— Если бы вы знали, сколько в нашем крае пустующих деревень! Сердце разрывается от боли. За вами дело, женщины! Кто сказал, что наше дело — только детей рожать? — Аснат повернулась к молодой черноглазой женщине. — Ну вот ты, например, почему не поедешь? Что мешает тебе?

Молодуха смущенно опустила глаза. К Аснат подошла девочка с длинными косами и протянула ей поднос с фруктами. Аснат поцеловала девочку, поставила поднос на стол и снова повернулась к женщинам.

— Ну что, женщины, чего приумолкли? Решено, едем?

Женщины молчали, и только таинственная улыбка блуждала по их лицам...

Георгий был занят разбором свежей почты, когда дверь кабинета открылась и вошел Иорам. Он не мог скрыть волнения и радости.

— Все готово! — обрадовал он брата. — Хоть сейчас выходи пахать.

Георгий снял очки. Некоторое время, не понимая, смотрел на Иорама.

— Я о тракторе говорю... О тракторе Харитона Цагуриа, — пояснил Иорам.

Волнение Иорама вмиг передалось Георгию.

— Как ты думаешь, — спросил он Иорама, — получил ли трактор, какой нужен нам?

— Дело покажет, — сдержанно ответил Иорам.

Георгий потянулся к селектору.

— Слушаю... — послышался голос Аснат.

— Харитон Цагуриа выводит свой трактор в поле, — сказал Георгий. — Возьмите с собой всех, кого это касается...

...Легковые машины остановились у калитки Харитона Цагуриа. Все районное руководство пришло смотреть трактор. Харитона не было видно, все объяснял Иорам.

— Это тоже для разрыхления земли, поэтому после вспашки нет нужды боронить.

— А это что? — спросил Гурам.

— Это стержень для укрепления комбайна, — пояснял Иорам. — Харитон думает, что строить отдельно комбайн бессмысленно... Зачем строить две машины, когда с этими работами и одна справится. А вот и он сам!

По лестнице спускался Харитон, по случаю нарядно одетый — в костюме и при галстуке, волосы аккуратно уложены. В руках он держал поднос с шампанским.

— Здравствуйте! — поздоровался он со всеми. — Прежде чем я запущу мотор, необходимо выполнить небольшой праздничный ритуал, — Харитон протянул бутылку шампанского Георгию. — Просим, товарищ секретарь! Освятите!

— Мне кажется, вы более других имеете на это право, — сказал Георгий.

— Что ж, — тотчас согласился Харитон и взял бутылку. Потом повернулся к трактору и произнес как

молитву: — Счастливой тебе жизни в этих горах!
и разбил бутылку о трактор. Бутылка разлетелась на
мелкие осколки, белая пена покрыла металл.

061935940
20220101033

— Эге-гей, встречайте меня, горы! — воскликнул Харитон и вскочил на трактор.

— Постой, постой, — остановил его Иорам. — Вот провод оборван. — Иорам нагнулся и соединил оборванный провод. Потом отошел в сторону и махнул рукой:

— Давай!

Харитон запустил мотор.

— Откройте калитку! — крикнул он.

Иорам бросился открывать калитку. Вдруг он понял, что огромный трактор не пройдет в нее.

— Стой! — крикнул он. — Не пройдешь!

Но трактор норовистым конем сорвался с места и двинулся к калитке.

— Разойдись! Дорогу! — кричал Харитон.

Иорам отскочил в сторону. Стоявшие на дороге легковые автомобили вмиг разъехались по сторонам. Раздался треск, трактор подмял под себя калитку и выехал на дорогу.

Он шел по дороге в облаке пыли, а люди потянулись за ним следом, кто пешком, кто на лошадях, кто на машинах. Трактор свернул с дороги, стал подниматься в гору, потом повернулся, как краб, перешел на террасу, медленно опустил плуги, взревел и... пошел, оставляя позади черную полосу взрыхленной земли...

Послышались ликующие, восторженные крики. Трактор прошел террасу до конца и через крутой подъем перешел на следующий ряд. А люди шли следом, радостно восклицая:

— Лед тронулся!

— Этот всюду пройдет!

— Ура Харитону!

— Смотрите, как коза скачет над обрывом!

— Вот это трактор!

Трактор пропахал нижние террасы и поднимался все выше и выше.

Георгий по короткой дороге обогнал трактор.

— Останови! — крикнул он Харитону. — Достаточно! Останови!

56435340
3123010333

— Не могу! — отвечал Харитон, нажимая обеими руками на рычаг скоростей. — Закусил удила! Горю чего хватит еще на час. Видели, каков черт! Все про вода оборвал, а он, знай, идет!

Трактор поднимался все выше и выше, переходил от террасы к террасе, и склоны гор темнели от вспаханной земли.

Оглушительно гудят моторы. По дороге в горах движется вереница грузовиков. Вот передняя машина остановилась, следом останавливаются и другие. Водители выключили моторы, и внезапно воцарилась глухая тишина.

Люди в кузовах с любопытством оглядывались по сторонам.

В конце дороги — зеленая лужайка, за ней, за усеянным ромашками полем, виднелись крыши домов.

Старый Джемал, стоя в кузове, не спускал глаз с далеких крыш.

— Приехали, дедушка Джемал? — спросил кто-то. Джемал снял башлык, отер им выступивший на лбу пот и сказал:

— Да... Вот это и есть наша земля...

Петушок на крыше кабины громко закричал. И крик этот всех развеселил. Парни помогли Джемалу сойти с машины. Он поднялся на лужайку и огляделся. Отсюда, помимо крыш, виднелись и столбы.

На дороге стоял весь забрызганный грязью «газик». Георгий, прислонившись к машине, напряженно всматривался в даль.

— Едет сорок пять семей, — радостно сообщил ему Шакро. — Вот и оживет бывшее село. — Шакро не находил себе места в машине, то и дело, став на сиденье и затенив ладонью глаза, смотрел в конец поля. Спокойный и скупой на слова, сейчас он не мог угомониться: — Сорок пять семей! Это уже не шутка! Деревня станет похожа на деревню... А почему не слышно машин? Может, остановились возле бывшего моста, а может быть, решили ехать напрямик, вон оттуда...

— Да, наверное... — сказал Георгий. — Эх, дорогой мой Шакро, когда-то отсюда, вон из-за тех полей, шел на нас враг, а теперь...

Вдруг в конце поля они заметили в небе воздушного змея.

— Едут! — закричал Шакро и выскочил из машины. — Я побегу, сообщу нашим!.. — И, не дожидаясь ответа, сломя голову помчался к деревне.

Георгий не спускал глаз с белеющего в небе воздушного змея. Вскоре вдаль показались и люди, и вот по полю, усеянному ромашками, разлилось целое море людей. Впереди бежали дети с воздушным змеем, следом шли женщины, мужчины, старики. Георгий не спускал с них взгляда. Он стоял усталый от пережитых волнений и в то же время безмерно счастливый. Люди прошли мимо, не обратив на него внимания, и вдруг кто-то окликнул его:

— Эгей, друг, мы правильно идем к деревне Нацхари?

— Правильно, конечно же, правильно, — улыбнулся Георгий.

Люди шли туда, где ждала их замершая под солнцем бессмертная деревня...

...На склонах работали косари. На одном из склонов между пограничными столбами чернела вспаханная полоса. Сенокос был в разгаре по обе стороны государственной границы.

Георгий вышел из машины и пошел пешком. Слышалось ритмичное шуршание да изредка звон косы, напорившейся на камень.

— Здравствуйте! — поздоровался Георгий.

Косари на краю полосы ладонью затенили глаза, узнав Георгия, радушно приветствовали его.

— Как дела? — спросил Георгий.

— Неплохо, товарищ секретарь, — ответил седой мужчина. Он подошел к Георгию, пожал ему руку и добавил: — В этом году отличная трава, молочная...

— На завтра обещают дождь, — с тревогой заметил Георгий.

— Сегодня закончим, — уверенно ответил косарь.

И Георгий перевел взгляд на склоны по ту сторону границы. И там работали косари. Мужчины ловко взмахивали косами, женщины и дети связывали снопы и укладывали стогами.

— Как они близко отсюда! — проговорил Георгий.

— Это еще не то! — сказал седой. — Вот когда мы работаем наверху, наши косы находят друг на друга.

Один из косарей оказался совсем рядом. Высокий, представительный, он легко, несмотря на возраст, орудовал косой, то и дело искоса поглядывая на людей по другую сторону границы.

— Спешат, — улыбнулся Георгий. — Видать, они тоже знают о предстоящем дожде.

— Знают, — с улыбкой подтвердил седой. — Мы так громко говорили о погоде, что там и глухой услышал бы.

Старый крестьянин по ту сторону границы перестал косить, опершись о косу, долго смотрел на своих односельчан, потом, повернувшись лицом к границе, крикнул:

— Эй, Георгий-эффенди, послушай меня, старого...

— Это он вам говорит, — сказал седой косарь Георгию и взглядом указал на ту сторону границы.

Георгий повернулся.

—... Хорошие дела видны и на расстоянии, — громко говорил старый крестьянин. — Ты появился — и здесь все изменилось. Над бывшими селами мы увидели дым и от радости заплакали... Сейчас поля Вайо ожили, дошли до нас слухи, семьсот лет ждут они человека. На месте бывшего дома пусть новый встанет, на месте бывшего источника пусть новый забьет, на месте бывшей лозы пусть новая зацветет... Эх, торопиться надо! — воскликнул старый крестьянин и взялся за косу.

Слова его словно прибавили силы крестьянам. Кто-то затянул песню. Остальные подхватили ее.

Георгий стоял, не шелохнувшись, и долго еще смотрел на косарей по ту сторону границы.

У здания райкома остановилась «Волга». Из нее вышли Георгий, Асмаг и Гурам. Беседуя, они поднялись по лестнице.

— Сто сорок тысяч саженцев даст Барднальский питомник, сорок тысяч — Бурбатский, — говорил Гурам.

— Это немало, и все-таки для полей Вайо — капля в море, — ответил Георгий.

— А если воспользоваться молдавскими и крымскими сортами?

— Мы рассчитывали в основном на местные сорта. На солнечных склонах должен быть посажен сорт «Тамар».

В коридоре стояли Шалва Модебадзе и Торнике Сепертеладзе. Увидев Георгия, они явно смутились.

— Здравствуйте!—поздоровался с ними Георгий и замедлил шаг. — Вы ко мне?

— Нет... Нас вызвали сюда, — растерянно проговорил Модебадзе и указал рукой на одну из дверей.

В это время открылась дверь и выглянул Размадзе, молча кивнул головой Георгию и обратился к стоящим возле двери:

— Товарищ Сепертеладзе здесь?

— Это я, — ответил Торнике.

— Заходите!

Георгий открыл дверь своего кабинета.

— Не нравится мне этот Размадзе. Чего Ванидзе прислал его сюда, не пойму?.. — сказала Аснат, недоуменно пожимая плечами. — Видел, кого он вызывает?

Георгий машинально махнул рукой, он думал совсем о другом. Вдруг он повернулся к Аснат.

— А что если послать кого-нибудь в питомники Кавказа? Но нужен такой человек, которому никто отказать не сможет. Привлекательный, деловой, вельеречивый...

— Хорошо бы, — согласилась Аснат. — Но где найти такого?

— Я уже думал об этом, — серьезно произнес Георгий. — И наконец остановил выбор на вас.

— На мне? — поразились Аснат. — Это я-то привлекательная и вельеречивая?!

— Вы! — убежденно произнес Георгий. — Вы же знаете, со стороны виднее...

К окнам подступил синеватый свет рассвета, предвещавшего погожий день.

Тамар хлопотала на кухне возле плиты, потом направилась в спальню, подошла к шкафу, долго выбирала одежду.

Георгий с полотенцем через плечо вышел из ванной, старательно расчесывая волосы. Посреди комнаты стояла Тамар и улыбалась. Через руку у нее был рекинут новый костюм, в другой руке она держала белоснежную рубашку.

— Я хочу, чтобы сегодня ты был красивее всех, — сказала она и протянула сыну рубашку. — Ну-ка, надень.

Георгий сокрушенно покачал головой, но подчинился, когда же Тамар протянула ему галстук, он попытался воспротивиться:

— Ты же знаешь, галстук я не люблю!

— Я знаю, что галстук тебе очень к лицу, — сказала Тамар.

— Ну ладно! — покорился Георгий.

Тамар стояла у стены, стараясь скрыть волнение, она только спросила:

— Когда начнете поднимать целину?

— В восемь, — ответил Георгий. — Если хочешь, приходи.

Тамар покачала головой:

— Нет. Я и отсюда увижу все так, словно нахожусь среди вас.

С улицы донесся сигнал машины, потом дружные крики:

— Са-ло-мэ!.. Са-ло-мэ!

Из соседней комнаты выбежала Саломэ, расчесывая волосы. Увидев отца, она засияла:

— Какой ты сегодня красивый!..

— А ты куда собралась?

— У нас выездной спектакль для детей. — Саломэ бежала к двери. Потом вдруг остановилась, подбежала к отцу, чмокнула его в щеку. — Поздравляю! И мы придем сегодня на поля Вайо. Весь театр. — Она повернулась и выбежала из комнаты.

Георгий выглянул в открытое окно. Саломэ подбежала к автобусу, оглянулась, помахала отцу рукой. Автобус тронулся. За ним последовал грузовик с декорациями.

Тамар подошла к сыну, поправила галстук, потом дрожащими руками коснулась его лица, волос...

— У тебя седины прибавилось...

— Хватает... — улыбнулся Георгий.

— А у меня такое чувство, как в тот день, когда я повела тебя фотографироваться. — Тамар взглянула на фотографию на стене: на ней малыш, вытянув ручки, делал свои первые шаги.

— Тогда я впервые отпустила тебя и ты пошел, сперва шатаясь, а потом все увереннее и увереннее...

— И с того самого дня я все иду и иду, — засмеялся Георгий.

— Да, — проговорила мать, думая о своем. — Когда я впервые отпустила тебя и ты сделал свой первый шаг, я сказала про себя: пусть будет славным путь, на который ты встал, сынок.

— Я все на том же пути, мама.

— Знаю. — Мать с любовью взглянула на сына. Потом взяла его за плечи, повернула к двери.

— Иди, не опоздай!

Сразу же за поворотом открывалась сверкающая многоцветьем долина Вайо... Стоял неумолчный гул тракторов. Со всех сторон шли они к подножью холма и становились в ряд. Отсюда начиналось необозримое, ровное, как бумажный лист, поле.

Вот и последний трактор занял свое место у подножия холма, и сразу же наступила тишина, какая бывает обычно на поле боя перед решительным наступлением.

И вдруг тишину эту заполнил топот копыт — в долину ворвался табун лошадей. Георгий, увидев старика на вороном коне, вышел из машины.

— Здравствуйте, дедушка Тариэл!

— Здравствуй!

— Не узнали меня?

Старик внимательно посмотрел на Георгия, и на лице его появилась улыбка.

— Ты человек слова. — Он показал рукой на тракторы.

— Да, сейчас начнут вспахивать Вайо под виноградник, — сказал Георгий.

— До чего я дожил — в долине Вайо сажают лозу! — со счастливой улыбкой проговорил старик. — Стоило прожить столь долгую жизнь, чтобы увидеть это!

— А сейчас куда вы, дедушка Тариэл? — спросил Георгий.

— Перейдем через те горы. Там, на известняке, я увидел однажды след огромного зверя. Ученые сказали, что это след динозавра. Двадцать пять миллионов лет назад паслись они на этой земле, оказывается... Там трава сочная...

К ним подскакали уже знакомые Георгию мальчишки.

— Гоните к перевалу, — приказал им старик.

Табун закружил на месте, потом лошади медленно повернули в сторону далеких гор. Старик пустил своего коня вскачь вслед за табуном.

И тут топот копыт перекрыл мощный гул тракторов.

— Пошли! — крикнул Шакро.

Георгий замер.

Тракторы шли, оставляя за собой черные полосы вспаханной земли. А впереди по бескрайней долине мчались кони, их развевающиеся гривы отливали пурпуром в мареве заходящего солнца. Рядом с Георгием остановилась машина, из нее вышли Аснат и Гурам. Георгий взглянул на часы и напряженным от волнения голосом сказал:

— Через десять минут начнется поднятие целины.

— Семьсот лет плуг не касался этой земли, — проговорил Гурам.

Позади остановилась еще одна машина. Из «газика» с опущенным верхом вышли Резо Давитадзе и Абесалом Девносадзе.

Аснат нерешительно взглянула на Георгия. Все это время она пыталась что-то сказать ему, но не решалась. Наконец она взяла Георгия под руку, отвела в сторону и тихо сказала:

— Я не хотела говорить сейчас, но... позвонили из ЦК, вас вызывают в Тбилиси, к Ванидзе.

— Когда я должен быть? — нахмурился Георгий.

— Сегодня к вечеру, — ответила Аснат. — Видимо, пора ехать. — Потом, помолчав, добавила: — Представляю, какие материалы повез туда Размадзе!

— Да, от Ванидзе, очевидно, ничего хорошего ждать не следует, — согласился Георгий.

— Гиви Ванидзе — известный демагог, — проговорила Асмат, потом ободряюще улыбнулась и добавила: — Ничего!.. Ванидзе затеял борьбу, в которой непременно свернет себе шею. Ранó или поздно это должно было случиться.

Георгий подошел к Абесалому Девносадзе.

— Теперь дело за вами, — сказал он Абесалому, — как только тракторы закончат свое дело, начинайте сажать.

Девносадзе молча кивнул головой.

— Сажать-то посадим, но вот как ухаживать за ними... — сказал Резо Давитадзе.

— Если в эти оставшиеся пять бывших поселений приедет народ, недостатка в людях не будет! — произнес Гурам Глonti.

— Приедут! Вот разобьем виноградники, и виноградари появятся! — уверенно сказал Георгий. — Грузин не оставит лозу без присмотра.

А тракторы упрямо разрывали семивековое молчание поля, оставляя позади себя черные полосы вспаханной земли.

Георгий сел в машину. К нему подошли Асмат и Гурам.

— Если дело осложнится, сообщите, мы тотчас приедем, — сказал Гурам.

Георгий с грустной улыбкой покачал головой.

— Вы лучше присмотрите тут за всем, — сказал он.

— Поверьте мне, в ЦК поддержат вас, а не Ванидзе, — уверенно произнесла Асмат. — Поверьте мне!..

Машина тронулась.

Дорога шла вдоль поля, и Георгий из окна смотрел на вспаханные полосы земли. Потом машина свернула в сторону, перевалила через холм и выехала на шоссе.

Внезапно перед машиной, словно из-под земли, выросла группа людей. Посреди дороги стояла женщина с красным флажком.

Георгий взгляделся и узнал рыцаря печального образа и его верного оруженосца.

— Вам придется немного подождать, — сказала женщина с флажком. — Отснимем дубль и пропустим вас.

— Мотор! — во весь голос крикнул режиссер, восседавший на подъемном кране.

Девушка щелкнула дощечкой у хвоста лошади. Дон Кихота и громко произнесла:

— Дон Кихот Ламанчский!.. Кадр сто пятый, дубль двадцать седьмой!

В тот же миг Дон Кихот с криком понесся вскачь на своем Россианте к мельнице. Сперва он метнул в нее копьё, потом сам бросился на нее и повис на крыле.

— Вы же снимали это весной?! — сказал Шахро женщине с флажком.

— Пленка оказалась негодной, — объяснила женщина.

— Прекрасно! Великолепно! — кричал с подъемного крана режиссер. — Ну-ка, еще раз повторим!

— Проезжайте, только скорее! — сказала женщина с флажком. Шахро включил зажигание, и машина тронулась. Георгий смотрел назад и видел, с какой самоотверженностью мчался благородный рыцарь на ветряную мельницу.

Потянулась прямая, ровная дорога. Георгий был погружен в свои мысли.

«Товарищ Торели, — спрашивал он самого себя, — положи руку на сердце, скажи: не с ветряными ли мельницами ты борешься? — На лице Георгия мелькнула улыбка. Потом он твердо сказал: — Нет, не думаю! Конечно же, нет!»

По дороге промчались груженые лесом машины. Шахро сокрушенно покачал головой и что-то сказал, но Георгий не слушал его. Он снова вел нескончаемый спор с самим собой.

«Вот лес ты не смог защитить, товарищ Торели. Ты объявил лес закрытым, но деревообрабатывающую фабрику ведь не закроешь?! И в самом деле, кто остановит такую огромную фабрику?! Да они по-своему и правы! Но если уничтожить лес, то ветер и оползень завершат свое черное дело... Интересно все же, какими материалами будет располагать Ванидзе? По некоторым показателям район стал отставать, и это, разумеется, довольно веское обвинение. Но что поделаешь?! Поля Вайо потребовали слишком много средств и энергии. Зато через три-четыре года затраты полностью компенсируются, да еще с прибылью. Если не будешь

смотреть дальше ежедневных забот, вперед не пойдешь!.. А то, что я собственными силами взялся за освоение полей Вайо?! За это мне, конечно, спасибо не скажут. Но ведь в конце концов надо было когда-то начать, надо было поднять целину. А народ уже не оставит лозу без присмотра. Нет, вряд ли это вменяют мне в вину. А может, у меня были другие ошибки? Возможно... Тот не ошибается, кто ничего не делает. Хотя, что может быть большей ошибкой, чем ничегонеделание! И все же, товарищ Георгий Торели, хорошенько подумай и вспомни: всегда ли ты действовал на благо своего народа, своей страны? Да, всегда!.. Ты — руководитель района, Георгий Торели! А в районе, ты знаешь, многое зависит от партийного руководителя. Ты отвечаешь за судьбу тысяч людей, поэтому еще раз подумай и скажи:..»

Георгий упрямо потрянул головой.

«Я подумал и говорю: я не помню дня, часа, минуты, когда бы я не думал о благе моего народа, моей Родины!».

Неожиданно поток мыслей прервался, и Георгий услышал далекий странный звук. То был звук удара кирки о землю... Шум постепенно приближается, становится отчетливее, заполняет все пространство... Тук... тук... тук... К этому звуку постепенно примешивается шум воды, и неожиданно Георгий столь воочию слышит радостный возглас мальчугана, что вздрагивает.

— Папа!.. Папа!.. Мама!.. Вода!.. Я нашел воду!.. Нашел воду!.. — кричит мальчик.

Это — солнечный день далекого детства. В поле стоит маленький Георгий, усталый, радостный, счастливый. Вода, появившаяся у его ног, была родником его первой победы, его первой настоящей радостью.

Яркое солнце сияет над полями Вайо. По раскаленному склону журчит только что родившийся ручеек. Вдоль него бежит маленький Георгий, а в бескрайних полях Вайо звенит его голос:

— Вода!.. Моя чистая, моя хрустальная вода!..

Перевод с грузинского

* * *

Что за дождь монотонный шумит!
Хлынет ливень... Под скрип древесины
Стонет ветер Колхиды навзрыд,
Раньше выл он в тумане трясины.
Море — в мареве крови и хны.
Я в цветах, что белей белизны,
Вижу будущие апельсины,
Погруженные в желтые сны.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ КЛАССИКИ

Валериан ГАПРИНДАШВИЛИ

НОЧНЫЕ ЛИСТЬЯ

Ночь странная бежит, как черный пес,
Цветения вынюхивая запах,
Ей — до зари среди незримых роз
Перелетать на вытянутых лапах.

Дрожаньем туч заточена луна.
Безмолвна, недвижима, бездыханна,
Лежит на блюде дымчатом она
Отсеченной главою Иоанна.

Распятие одиночества влачу,
Молюсь лишь ночи. И, подвластен чарам,
И проклят всеми, я вослед лучу —
В глубь черноты — лечу Элеазаром!

1916

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

НА ПОВОРОТЕ

П о в е с т ь

Хухун встревоженно и пристально взглянул на меня, я почувствовал, что он может догадаться, как мне здесь душно, в бедной этой лачужке,—и убрал руку. Мне было нехорошо, какой-то давящий комок подкатывал к горлу. Я понимал, отчего это все происходило со мной, но очень боялся, чтобы ребята не истолковали мое состояние превратно, то есть не подумали бы, что мне здесь не по себе из-за бедности их жилища и скудности угощения.

Между тем Заиру одолевал сон. Голова ее то и дело соскальзывала с ладоней, подпиравших подбородок, вздрогнув, она кивком отбрасывала непослушные пряди волос, спадавших на лоб.

Я чувствовал, что надо что-то сказать, надо отослать девочку спать. Но мне было очень трудно нарушить молчание. Я подвинулся к окошку, глотнул свежего воздуха.

— Заира! — выдавил я наконец. Брат и сестра посмотрели в мою сторону. — Заира... — глухо повторил я, — давайте спать. Ты устала. Хухун, верно, тоже. Поговорим завтра.

— Пора! — обратился Хухун к Заире. — Завтра я должен рано вставать... Люди будут ждать... Если ты сдержишь свое обещание, все это можно будет устроить прямо в закускойной, — он заискивающе улыбнулся сестре.

— А если они потом не возьмут тебя? — вдруг стряхнув сон, требовательно спросила Заира. — Знаешь, что я тебе скажу — пусть тогда съеденное и выпитое разорвет им горло!

— Ну разве можно так... — робко возразил Хухун.

Окончание. Начало в № 11.

— Они будут стараться унизить тебя... что им! А ты постарайся как можно меньше пить — пускай они пьют, пусть хоть лопнут.

— Она не разбирается в такого рода делах, — с виноватым видом обратился ко мне Хухун. — Это же не простые люди... их все знают... Ты думаешь, им очень нужно твое угощение?! Все дело в том, что они хотят мне помочь. Как же я могу, пригласив их за свой стол, сказать им: пейте, мол, а я погляжу. Отраву и то надо пить в таких случаях со всеми вместе... Это же самые близкие люди Святого. А уж он-то знает толк в людях, не всякого к себе приблизит. Возьми любого из них, хоть Махматкери, какой дом выстроил — крыша цинковая, даже отсюда видно, как блестит на солнце. И все после того, как подружился со Святым. Раньше в колхозе занимал разные должности, тоже немалые, но ничего подобного себе позволить не мог. Для меня и то важно, что меня хотя бы увидят в их компании. А может, и сам Святой заметит...

— Помешались вы все на нем, что ли! Ну ладно, они-то пускай, но ты тут при чем, кто он тебе?! — набросилась на брата Заира.

— Да перестань ты, наконец! Болтаешь, что взбрет в голову, — теперь уже резко оборвал ее Хухун.

— А вы его знаете? — обратилась Заира ко мне.

— Кого, Святого? — засмеялся я.

— Ну конечно, до того святой, — дальше некуда!

— Не забывайся, девочка! — рассердился Хухун. — Ты знаешь, о ком говоришь?

— Дело, конечно, делом, и у каждого оно свое, одни вкалывают по-настоящему, а есть и такие, что и обстряпывают свои делишки... Но сейчас я не о том. Хочу спросить, как ты сам, вот положи руку на сердце, как относишься к этому Святому? Мы здесь свои, говори прямо, все останется между нами.

— Во-первых, почему я должен верить тебе, что это останется между нами, — сказал Хухун враждебно, — а во-вторых, какое имеет значение, как я к нему отношусь — кто я такой, чтобы относиться? Отношусь как все здесь. Кругом на него молятся — ни для кого не секрет.

— Ну, хорошо, не злись. Я хотел выслушать твое мнение, насчет других я не знаю. Ты напрасно думаешь,

что твоё мнение ничего не стоит. Совсем напрасно... Это важно прежде всего для тебя самого.

Я понимал — чтобы Хухун мне поверил, нужно было твердо пообещать ему поддержку, а я этого пока что не мог. Я ведь только-только вернулся сюда, и мне самому тоже пока еще всего лишь обещали...

— Лучше бы помог, подействовал... зашел бы к нему, сказал бы, что мне без работы приличной уже невозможно. Он любит, когда его просят такие солидные, как ты. А в остальном положись на меня; никто и никогда не прекнет тебя моей недобросовестностью. А насчет того... пускай тоже не беспокоится... Я не такой дурак, знаю, как и кого надо отблагодарить...

— Слушай, ради бога, остановись! — не выдержал я. — Не говори сейчас ничего больше. Не надо... Завтра ли, послезавтра — я найду опять, тогда поговорим обо всем до конца... а сегодня я тебе больше ничего не скажу. — Я поднялся и ободряюще похлопал его по плечу. — Не отчаивайся, была бы шея, хомут найдется. Только я не советую тебе устраивать попойку.

3. ХУХУН

...Уже много времени я не сплю по ночам. И не оттого, что нездоров или слишком много думаю. Просто я высыпаюсь достаточно днем. Сейчас, осенью, ночи еще не такие долгие, но что со мной будет в бесконечные зимние ночи! Подумать страшно!

Я лежу у окна и вижу небо. Оттуда глядит огромное множество звезд, — похоже на шляпки забитых в небесный потолок золотых гвоздей. Вот и луна показалась полная, оранжевая, напоминает дорогую люстру. Только в доме будущего моего начальника я видел такую. А у Святого — наверняка еще и получше. И очень может быть, что шляпки гвоздей, которыми прибиты доски на потолке его дома, тоже сияют как звездочки...

...Я не сплю. От этого никому ни вреда, ни пользы. А вот люди, живущие по ту сторону дороги, у Святой поляны, на кусочке земли, зажатом между скалами и морем, — те спят крепко и спокойно. Даже ночной сторож возле закуской — и тот похрапывает раскатисто, пасть раскрыта, на вставных зубах отражается

лунный свет. Любят, любят поспать в этих местах. На душе у них благодать. А что им? Они надежно защищены ото всего толстыми стенами своих каменных или кирпичных домов. Хоть ты из пушки по ним пали... Крыши у этих домов до того прочные, — пойдя каменный дождь, а им нипочем. И ведь никто из этих сытых, спокойно спящих даже самое простенькое письмо не сможет нацарапать, однако живут припеваючи, в полном довольстве, а насчет еды да питья — хоть отбавляй... Спят на перинах, денег куры не клюют. И чего им больше? Книг, что ли, не читают? Так ведь за это, за чтение книг-то, — не платят. Я сам вот восемь лет почитывал, однако хожу по свету, как говорится, в чём мать родила. Один Святой сумел угадать их подлинные желания, — чего хотят от жизни. Ничто их не отвлекает — ни книги, ни кино, ни всякие там клубы-танцы, а тем более бездеятельные размышления. Думать им некогда, они из всего должны извлечь пользу — и очень быстро. И им от этого хорошо живется, и Святой не без выгоды. Конечно, со Святым им равняться не приходится, но все же они себя не обижают.

Что же касается веселья, полноценного, так сказать, времяпрепровождения, то здесь это понимают по-своему — ежедневные пьянки по поводу и без повода.

А дорога рядом весь день забита пылящими, грохочущими машинами...

Торопятся... Им не до закусочной на обочине...

Впрочем, иногда, рано утром, бывает и на дороге затишье. Идешь — и видишь раздавленных, сплюснутых, впечатанных в щебень лягушек. Глупые, видать, выходят они ночью, в темноте, попрыгать по влажной от росы укатанной полосе, поохотиться на своих комаров, всяких там мошек. И вдруг — они даже не успевают опомниться — на них надвигается страшный грохот, заполняет весь мир, и некуда от него податься... И этот грохот вмиг превращает благодатную темноту в вечную беспросветность и безмолвие. Глупые, нашли где прогуливаться!

Да, с одной стороны шоссе, а с другой — море. В сказочные времена великан наступил бы — один раз — вот и вся зажатая меж ними полоска земли.

Когда-то, только что получив здесь участки, обитатели Святой поляны работали в колхозе, каждый день

пропадали далеко в поле, трудились в поте лица... за что-то боролись, что-то отвергали. А сейчас ни до чего им нет дела, ни до чего — кроме закуской. Один сторожит, другой доставляет дрова, третий — воду, четвертый — мясо, пятый разводит огонь и т. д. Один Махматкери чего стоит! Закупает вино в селах, каким-то образом морочит людям голову — за полцены осушил все погреба в окрестности. А сам не знает, куда девать нажитое добро. Ходят слухи, что он не прочь купить вторую машину, но выжидает благоприятной ситуации. Он осмотрительный, хитрюга, голыми руками его не возьмешь, врасплох не застанешь. После Святого Махматкери пользуется здесь наибольшей славой. Святой — он из города приехал, бывалый человек. Но когда свой, здесь вот выросший, вдруг достиг столького, — тут уж жители поселочка пришли в восхищение. Однако если б они знали его так, как я, тогда бы поняли, что это за фрукт! Это с его помощью я хочу устроиться на работу... А по-настоящему — ненавижу его. Как бы мне хотелось оттащить его за волосы — так, чтобы его нахальное лицо перекошилось от ужаса, дать ему по выпяченной горделиво груди, чтобы согнулся в три погибели... Но тогда мне придется убраться отсюда. И без того на нас с сестрой здесь плохо смотрят. Бедный мой отец всех восстановил против себя... Однако ж очень он здорово прозвал Махматкери — «Нашим-вашим», — так это прозвище к нему и прилипло. На что только не способен этот Нашим-вашим. Здесь нет человека, о котором он не распространял бы злых сплетен, на кого не капнул бы своей бешеной слюной. Даже и о Маде не постеснялся говорить всякие гадости.

Меня все это злит, конечно, — но все равно я знаю, что в наших местах лучшей девушки, чем Мада, нет... Но посторонний, — что он подумает, услышав о ней такое... Я, конечно, еще мало где побывал, немного видел — но нигде не встречал я девушки под стать Маде. Она одна, одна-единственная освещает для меня это местечко, затопленное запахами пищи, кухонным угаром и пьяным сквернословием. А как она красива, как стройна, как обаятельна, и до чего нежная, должно быть, у нее кожа! А взгляд! Посмотрит на меня — так у меня просто в глазах темнеет.

Однажды я спустился на поляну, стою среди ребят, околачивающихся обычно возле закусочной. И Махматкери этот туда же подошел.

Смотрю — выглянула из закусочной Мада. Правду говорю — словно посветлело вокруг. Постояла она, посмотрела, вдохнула чистого воздуха — и ушла обратно. Все, конечно, устались на нее.

Махматкери, кивнув головой ей вслед, подмигнул нам.

— Бедра — м-м-м... Видали, а? Что напоминает? — Гитару! — Он осклабился нагло. — Хорошо настроена, должно быть, как думаете?

Парни кругом, конечно, загоготали. Да им что — палец покажешь, и то смеются. У меня от злости аж все внутри напряглось, однако смеялся вместе со всеми. Попробуй не посмеяться... Не будешь делать все то же, что и они, придется тогда сматывать отсюда удочки... И без того на нас с Заирой с подозрением посматривают. Сколько я сил положил... Не обращая внимания на косые взгляды, навязываюсь и по-хорошему, и по-плохому, сумел все же войти в их круг. Теперь мне, чувствую, стали больше доверять, уже кое-кто делится даже со мной своими секретами.

Чего стоит вся эта мелюзга, понимает один лишь Святой — ну и использует их для своих дел. Недаром же говорят — он мужик что надо. Я не слышал, чтобы он когда-нибудь повысил голос. Он улыбается и тому, который скандалит, и тому, кто заискивает. Так или иначе, все потом приходят к нему — все пути здесь ведут к нему. Если хотят кого-нибудь угостить, бегут к Святому, если к кому-нибудь нагрязнула орава гостей, хозяин бежит к нему же, хотят достать цемента — к нему, кирпич — к нему, шифер — к нему... Он всех знает, с ним считаются, он все может достать. Ну и что ж такого, если за все эти услуги и ему что-то перепадет... Даже наш гость говорил, что на месте, где выкопал лекарственный корень, полагается оставить плату. К тому же устраивать, доставать все это стоит Святому труда, ведь просто так, за здорово живешь, даже ему ничего не дают. А сам он хапать не станет, недаром же он — Святой!..

Да, ничего не скажешь, молодец!

Когда ни заглянешь, всегда он вертится в заку-
сочной, до всего ему есть дело, кто бы и когда бы ни
захотел его увидеть — он тут как тут. Конечно, он не
прост, знает, с кем водиться, а с кем — нет. Иногда
же вдруг находит на него — начинает рассуждать на
людях — ну просто рубаха-парень! Соберутся завсег-
датаи, стоят, а он подойдет, с каждым поздоровается
за руку, даже и со мной. Состроит серьезную мину и
начнет: «Сколько трудностей в старое время вынесли
наши отцы, подумать только! Бедные несчастные они.
Вы знаете, иногда подумаешь — аж слеза прошибает.
И что бы с нами случилось, если б не началось наше
время...»

А потом извинится — и опять пошел крутиться,
устраивать свои дела. Приходят, скажем, к нему, про-
сят дать взаймы денег. Никогда не откажет.

К нему «подходят», то есть обращаются по самым
разным делам, как будто он не заведующий закусо-
чной, а исполком какой-нибудь. А он в ответ все —
«пожалуйста», «сейчас», «пожалуйста», «сейчас».

Здесь, на Святой поляне, его уже научились по-
нимать без слов: что когда нужно сказать, да как ска-
зать, да что и сколько, и за что отдать.

Вот издалека, с поля пришли усталые колхозни-
ки. Побросали свои орудия производства, мотыги там
всякие, и к Святому, а он:

— Слушаю вас.

— Только — в долг... — объясняет робко, еле внят-
но, самый смелый из них. — В будущем месяце обеща-
ют...

— Обещанного три года ждут, — смеется Святой. —
Знаю я их обещания... Ну да ладно, только вот при-
дется вам тогда не одну — две свечки поставить...

— Какой может быть разговор! — хором отвечают
крестьяне.

— И вина? — игриво уточняет Святой.

Колхозники опять виновато умолкают.

— Значит, того самого, у которого отец прямой.
мать кривая, а дочь сумасбродная? — покатывается
Георгий. Я так думаю, он и родился, закатываясь сме-
хом. Хотя и правда — чего бы ему и не посмеяться! За-
служил, так сказать, заработал, достиг... На его месте
я бы смеялся и тогда, когда никто не видит.

— Значит, нравится вам сумасбродная дочь, а? Правильно я понимаю? — закатывается Святой. Колхозники улыбаются из приличия, но видно: им не терпится скорее промочить пересохшие от усталости губы.

— Ладно, ладно, так и быть — отдайте им сумасбродную дочь! — заливается Святой. — Пускай потом пеняют на себя.

«Дочь»-то, может, и сумасбродная, но вот о людях, гребущих тут руки, этого не скажешь: все у них расчитано наперед. Нашим-вашим закупают чистое вино у крестьян и разбавляет его водой и черт знает чем еще — в закуской всякие «сорты» имеются. Кому что, так сказать, положено. Каждому — свое, в соответствии с неписаной табелью о рангах. Например, этим вот простым колхозникам, да еще берущим в долг, конечно, отпустят то, чего сами пить не станут. В долг, как говорится, и сердито не бывает. И так каждый день: вчера, сегодня, завтра. Говорят, что Святому в городе предлагали большой ресторан, но он не пошел. Что там ресторан! Какое-то немаленькое начальническое кресло ему предлагали. — говорят, и на это не согласился. Оказывается, здесь он, так сказать, сошелся с людьми, привык, чуть ли не влюбился в них, да и место ему по душе: на отшибе, спокойное, и все это он не может просто так взять и оставить ради какого-то там повышения. Даже сказал как-то при людях, что если уйдет отсюда, покинет их — может и не вынести... Хитрец! Конечно, просто он знает, где ему лучше. Это ведь не какая-то там примитивная рыба — зачем ему простор, если и в своем омуте всего достаточно. Я знаю все, о чем он думает, — словно подслушал его мысли. Но не приведи бог, если Святой догадается... Он ведь и моего отца возненавидел за то, что тот все о нем знал, знал — и говорил открыто...

Пока в этих местах не появился Святой, рассказывают, моего отца все тут знали и уважали. Он воевал, получал награды за отвагу, за храбрость — и с этой фронтовой храбростью приехал он сюда. Среди людей, которые так или иначе кормятся сейчас возле закуской, есть и такие, что строили, прокладывали в свое время дороги вместе с отцом. Рассказывают, что если кто из начальства не по заслугам обижал рабочего из

его бригады, отец мой не успокаивался, пока не добьется справедливости. Всегда стоял за правду — и добивался правды. А вот когда он заболел, товарищи его, оставив здесь присматривать за шоссе, все разъехались по новым стройкам.

Отец сразу возненавидел Святого. «Ты портишь, разлагаешь людей!» — прямо сказал он ему. «А ты назови хоть кого-нибудь одного, и если этот один подтвердит, что я его испортил, — немедленно ухожу отсюда...» — с усмешечкой, как обычно, отвечал Святой. Отец поговорил с одним, с другим, с третьим, однако никто не принял всерьез его тревоги. А потом — даже обижаться начали, оскорбляться: что это, мол, ты строишь из себя опекуна, мы и сами с усами, без тебя знаем свое дело. И так, постепенно, все отошли от него. Отец обходил закусочную, а люди, даже те, которые недавно еще прокладывали с ним эту дорогу, обходили его. В конце концов отец обратился к властям, написал жалобу. Приехала комиссия. Проверка показала, что у Святого все в порядке: и план он выполняет, и люди отзываются как нельзя лучше. Поэтому отцу строго наказали — мол, занимайся своим делом, а не в свои — не суйся!

Отец все же не унимался: он стал жаловаться на то, что цемент, отпущенный для дорожных работ, был распродан «налево» — пошел на строительство частных домов. Ну, тут уж ему без всякой комиссии указали, что не его забота заниматься такими делами: есть люди, которым это поручено, они и несут ответственность...

В конце концов отец всех здесь восстановил против себя: люди, поставившие хорошие дома у Святой поляны и кормившиеся возле закусочной, говорили о нем с осуждением, стали обходить его и вскоре постарались забыть о его существовании.

Бедный мой отец!

Теперь же все те, кому мешал он своей честностью, неприязнь к отцу перенесли на меня.

Бросить дом, сестру я не могу. Надо жить здесь. Надо стать на ноги. Поэтому, когда умер отец, я выступил против него. Говорил всем, трезвонил налево и направо, что был он неправ, сто раз неправ... И никто ведь

не мог попрекнуть меня этим — потому как вышло, что отец действительно неправ (с точки зрения закускойной) — и нечем подтвердить, невозможно доказать обратное. Ну, скажем, был он честным, искал правду, — а где результаты, что он выиграл? Ни кола, ни двора, как говорится. Ведь нам с сестрой, сиротам, оставшимся после него, можно сказать, голову негде приклонить, нет надежной крыши над головой, и каждый день надо думать и заботиться о том, что бы пожевать сегодня и что завтра... Раз отец не смог доказать, утвердить свою правду на этой земле с пятачок, — и я начинаю сомневаться. Почему я должен думать или говорить, что он действительно всегда прав? Что именно он честный, правильный, хороший, а не, скажем, Святой? Нужна ли мне такая правда? Или же лучше думать, что вместе с отцом ее зарыли, и пусть так она с ним и останется? Пусть на том свете отцу будет хорошо. Видит бог, я не имею права, не осуждаю его, умершего, он мой отец...

Но прав ли он, так ли вел себя, то ли делал? Думаю об этом, потому и не сплю ночи напролет.

Знаю одно: что те, которых он считал неправыми, называл бесчестными, — зажили в свое удовольствие, и дома понастроили, и добром всяким их заполнили, выучили сыновей и дочерей, в люди вывели. Совсем недавно чуть ли не вся поляна пиновала: заехал на часок проведать отца сын Святого. Оказывается, выучился он на лесного инженера (видимо, любовь к природе у него наследственная: отец его тоже клянется, что без Святой поляны ему жизнь не в жизнь).

Конечно, для обитателей Святой поляны приезд этот — всего лишь повод выпить, но парень-то и вправду стал человеком, да еще каким! Такой холеный, белокожий, разодетый, красивый... Засмотреться можно. Даже Мада... да, да — даже Мада, которая из скромности никогда себе не позволит так просто, без необходимости на кого-нибудь посмотреть, даже и она никак не могла отвести взгляд от этого стройного красавца.

Никто из этих людей, жителей Святой поляны, не кричал о правде, не бил себя в грудь. Однако всякий из них пользуется уважением соседей, да и начальство их почитает. Действительно, живут они, как бы взяв за правило один из тостов местного производства: «Чтобы твое начальство было милостиво к тебе и ты милостив к

своим подчиненным». Как говорится, и вертел не обгорает, и шашлык жарится. Я понимаю, конечно, что жить по такой правде мне здесь было бы легче...

Царствие ему небесное, покойному моему отцу, — но ведь его правда меня пока что не кормит. Она, эта правда отцовская, если и не перегородила, не закрыла для меня все пути, все ворота и двери здесь, на Святой поляне, — все же и не дала ничего... А этот, что величает себя другом моего отца, гость наш неожиданный, — смотри-ка, весь вечер вздыхал; видимо, угадал мое настроение. Скажем, если даже я и не в восторге от Святого, — почему я должен откровенничать с незнакомым? А если гость наш дорогой потом начнет моим именем свою правду перед Святым доказывать?! Гостю-то это что — лишь потешить самолюбие свое, а от меня вот тогда совсем уже все отвернутся.

Правда... Никто здесь, конечно, не отвергает ее, правду... С одной только оговоркой: в том случае, если она, правда эта, устраивает его, если кормит и содержит... А что касается Абрскила, о котором говорят, что он за свою правду с самим богом воевал, то этому здоровенному, крепкому мужику просто силу некуда было девать, вот и нашел себе забаву: спорить с самим Всевышним. Что-то мне кажется, что затеял он всю эту борьбу из спортивного интереса. Подразнит, допустим, бога, — возьмет свой посох, согнет его так, что аж достанет Эрцаху¹, потом отпустит — да как ринется оттуда — на самый берег моря, как пугнет трусливых ангелочков, как загопочет!.. Однако Всевышнему в конце концов надоело это баловство, взял он и показал герою, что тот в действительности собою представляет. Понадобилось только лишь какому-то твердолобому несчастному дятлу за красную шапочку, которую ему бог пообещал, несколько раз долбануть посох Абрскила своим поганым клювом, которым он достает из гнилого дерева жалких червячков, — и все тут... все стало на место. Посох под Абрскилом сломался, и сам он рухнул, схватили его и навеки засадили в страшную тюрьму-пещеру... А дятел щеголяет себе в красной шапочке и прекрасно себя чувствует.

А что от него осталось, от Абрскила, где результа-

¹ Ледниковая вершина в Абхазии.

ты? Говорили, что он корчевал папоротник, всякие там сорняки, вырывал их с корнями. Так сейчас их еще больше стало. Говорили, что если все будут поддерживать правду, все тогда будут счастливы... а кто с ним не согласен был, тех держал в страхе. Но я думаю, по-правде, никто его не боялся. По крайней мере из людей Святого почти никто о нем ничего и не знает, да и знать не захочет... А ведь кто-нибудь хоть что-нибудь запомнил бы из подвигов его, если бы оно на самом деле так и было. Нет — о нем вспоминал только мой отец. А-а, забыл, еще говорили, будто он воевал против колючек... видно, потому, что колючки не разбирают, где правдолюбец, а где правдопродавец. Ну и что? Колючку вырвал, на том месте снова колючка выросла.

И вот Абрскил, как рассказывал мой отец, в той пещере после долгих и страшных усилий уже собирается вырвать стальной столб, к которому привязан — и тут прилетает, садится на этот столб какая-то пичужка... Абрскил злится, бросает все, берется за кувалду и — ка-ак даст!.. Птичка улетает, столб еще глубже входит в скалу.

А отец мой всегда говорил, что с правдой-то как раз надо уметь ждать и терпеть.

Еще удивительно, что и здесь, на земле, его доканала птица, и там, в пещере — тоже птица. Отец мой объяснил, что это, конечно, птица, но в то же время как бы и не птица — та, что мешает ему там, в пещере, вырвать дурацкий этот столб. Мол, в каждом из нас живет и Абрскил и его противник, и как только появляемся мы на белый свет, так они сразу и кидаются друг на друга. И если, говорил отец, в каком-то отдельном человеке раз и навсегда победит Абрскил, то это значит, что ослабло одно из звеньев цепи, которой прикован Абрскил настоящий — и тому, конечно, сразу станет хоть немного легче. И когда, говорил мой отец, в большинстве людей победит Абрскил, совсем ослабнут и упадут цепи Абрскиловы, и он вырвет наконец проклятый этот столб, выберется из страшной пещеры и все остальное, мол, довершит сам.

Как бы не так! Я уверен — коли и выберется вдруг, будет он панькой, держаться станет тише воды, ниже травы.

А то что же — всю кипучую деятельность ^{дядя} к черту, что ли?!

Вот уже луна, опускаясь, присела на выщероленную вершину, а я еще не сплю. Поднимается луна степенно, не торопясь, но, достигнув зенита, теряет всякие приличия: катится вниз торопливо, как дрянное колесо с горки, только что не подпрыгивает на ухабинах. Если смотреть из окна нашей лачужки, луна совершает путь от хребта справа до хребта слева, и это расстояние она одолевает довольно-таки быстро. А затем на всю ночь нас заливают черная темнота ущелья. А вот там внизу, у Священной поляны, там, где не дома, а настоящие дворцы, — хозяевам их любая темнота нипочем: закатится луна — засветятся абажуры, засверкают люстры... — вот тебе и собственное звездное небо и личная луна. И чем же не бог такой человек!

...Завтра все должно решиться. Сестренка даст деньги, я закажу побольше вина. Они всегда сытые, и много закуски им не понадобится. Самое главное — вино. Интересно, как посмотрит на все это Мада? Вдруг — я заказываю столько вина! Вчера я зашел в закусную, и встретила она. Остановилась, обвела меня с ног до головы удивленным взглядом, будто впервые увидела. Я же по утрам долго сплю, так что, наверное, выглядел вполне прилично.

— Как ты вырос. — сказала она, — вы только посмотрите на него, как он возмужал, каким крепышом стал! — Она даже потрогала у меня мускулы на руке, похлопала по спине.

Что за девушка все же! Хотя обычно меня тошнит от всяких преувеличений (слишком много слышал тостов, а?), все же, честное слово, лучшей девушки на всем свете не сыскать! Она ждет своих братьев, которые никогда не возвратятся с войны, но если бы нашелся человек, достойный ее, она бы, конечно, не отказалась, вышла, только где найти такого?

... Не мешало бы соснуть, да что-то не получается. Я изучил вдоль и поперек кусочек неба, который мозолит мне глаза в бессонные ночи. Может быть, это очень важный кусочек или, скажем, аварийный — такое множество золотых шляпок прибито здесь. Я вижу, как среди бесчисленного множества мелких выделяется вдруг одна крупная, ярко мерцающая шляпка. Эта звезда появляется с

опозданием, уже за полночь, крупная, все затмевающая
вокруг себя...

Вот доносится шум моря и Бзыбь-реки. Это от устья,
там, где речная вода сливается с морской. Чего они не
могут поделить, Бзыбь и море, -- неизвестно. А может,
это любовь? Но какая же любовь у холодной воды? Лю-
бовь должна быть горячей, как кровь. Ведь холодная
любовь — что холодная кровь -- мертва. Но все же от-
чего-то они не спят, река и море. Говорят, не спится
влюбленным... А может, и вправду существует такая
холодная любовь, как воды Бзыбь-реки, и жжет своим
ледяным огнем?..

...Да, не мешало бы заснуть, завтра днем некогда
будет отсыпаться — важные есть дела.

Интересно, Мада видела когда-нибудь эту крупную
мерцающую звезду, ее жаркое свечение?.. Думаю, что
вряд ли, это ведь звезда бессонницы...

4. ЗАИРА

Мы живем там, где встает солнце. Каждое утро оно
поднимается, заливая мир своим сиянием, из-за скали-
стого хребта прямо над нашим домом. Я думаю, если вы
не видели так близко, как я, восход солнца, то и не знае-
те, что оно каждый день разное. Иногда оно ровного ян-
тарного цвета, иногда пылающее, как раскаленный
уголь, но бывают дни, когда оно синеватое, тусклое, слов-
но после бессонницы... А я больше всего люблю, когда
оно белое... Да, да, белое! Белое, как огромный кружок
воска от белого меда. Тогда оно сквозь приоткрытую
дверь затопляет наш домик своими белыми лучами, буд-
то как соты — медом. И я купаюсь в этих белых лучах,
я красуюсь в бело-золотистом платье, сотканном из сол-
нечных лучей.

Каждое утро я встаю вместе с солнцем, и видела его
всяким, только никогда не видела черным. Говорят, при
затмении оно делается черным, но я никогда не видела,
затмения, не видела и не желаю видеть!

Оттого, что мы живем там, где встает солнце, у нас
все фрукты поспевают раньше, чем у соседей внизу, за
шоссе. Как только выйдет солнышко из-за скал, первым
долгом обращает взгляд на наш садик, и смотрит на не-

го, и смотрит неотрывно и пристально, пока не закатится за соседний хребет. Сперва обласкает черешню, потом персики, груши, виноград, — сначала белый, а потом и черный, и наконец — осенние сорта яблок, мандарины. Пристальный его взгляд постепенно проникает внутрь плодов, проникает и там накапливается. Сперва он проникает в ягоды, у которых кожица тоненькая, а под конец пробивает и толстую кожуру яблок. И вот получается в конце концов, что на ветвях фруктовых деревьев повисает, колышется от ветерка множество солнышек разной величины и разнообразной расцветки. А потом они согревают людей, тех, кто покупает у меня фрукты.

Сегодня я встала даже еще раньше, чем солнышко. Накормила и проводила гостя. Говорю — накормила, но это, конечно, слишком громко сказано, он выпил стакан вина и съел ломтик сыра. Как нехорошо, если он догадался, о чем мы вчера вечером спорили с Хухунуом. Брат обиделся на меня из-за того, что я откупорила непочатую бутылку вина. Он хотел этим вином напоить своих дружков, тех самых, что уже долгое время водят его за нос, обещая устроить на выгодную, как они сами говорят, работу.

Отдала ему деньги, пусть потратит на них, если необходимо, пусть лопнут их поганые животы! Удивительно, что и брат сегодня встал рано. Ушел сразу после гостя. Что-то уж очень он невесело смотрит, мой Хухун, в последнее время, мрачным сделался, совсем как старик какой-нибудь. У меня душа болит, когда он забьется в угол как сыч и сидит — может так целыми часами сидеть, молчаливый и грустный. Я понимаю — переживает: все никак не может устроиться на «место». Чудак! Взял бы лучше лопату и кирку отца, да пошел на настоящую работу. Ему вполне могли бы доверить этот запущенный, оставшийся безнадзорным после смерти отца участок дороги. На такую невыгодную, «низкую» работу никто из живущих возле Святой поляны не польстился, так что место это свободное. Но брат теперь тоже не хочет идти на такую работу, какую все здесь почитают ниже своего достоинства. Хухун раньше не был таким, это он сейчас стал оглядываться на своих «дружков» из закускойной.

Гость обещал завтра же вернуться сюда. Может, хоть он повлияет на брата. Хотя брат явно не доверяет

ему. По-моему, ему не очень понравилось и то, что гость вообще навестил нас. Хухун говорил мне даже, что все, хоть как-то связанное с памятью о «неуживчивости» нашего отца, мешает ему хорошо устроиться в жизни.

А я почему-то боюсь, что гость наш не вернется. Мне кажется, будто я его где-то видела раньше — его лицо, улыбка, взгляд чем-то мне очень знакомы... Смеется он хорошо. Мне кажется, что люди, умеющие так смеяться, носят спрятанное где-то внутри свое собственное солнышко. Я надеюсь, что он все же придет. Такие не должны, не могут говорить неправду. Другое дело — Нашим-вашим или, скажем, «таксист». Вокруг них всегда есть сколько угодно местечек, где они прячут ложь... Посмотришь на их узенькие щелки-глаза, и сразу видишь, что где-то совсем рядом у них припрятано полным-полно лжи.

...Как высоко поднялось уже солнце, а я все кручусь в доме. Все мои запасы до единой копейки отдала Хухуну. А завтра опять к нам придет гость. Я вот собрала немного груш, несколько осенних персиков и еще почти зеленых мандаринов — хватило на целый деревянный поднос. Спускаюсь с ними к дороге и стану подальше от закусочной, у поворота, буду продавать.

Когда я вышла к повороту, солнышко уже высоко поднялось над шербатым хребтом, но не очень-то грело. Все-таки пришла уже настоящая осень. Горизонт какой-то мрачный. Отсюда кажется, будто стая трепещущих раненых чаек опустилась на воду — море усеяно белыми гривами волн. Как вернусь, сразу начну собирать груши, а то, неровен час, ударит непогода — пропадут, побьются — ведь совсем уже спелые висят. Да, пока вот как-нибудь надо продержаться, продержаться до того времени, когда получу паспорт. Если даже Хухун и пристроится сейчас куда-нибудь, — что он там заработает! А мне лишь бы паспорт получить, — работу я сразу найду. Я ведь никакой не побрезгую, работа есть работа. Это для тех, которые все повыгоднее выбирают, трудно место найти. А для таких как я — всегда и всякой работы полно.

Хоть бы погода не испортилась! Когда наши скалы не кутаются в тучи, — даже если хоть одна вершина открыта, — она всегда освещена солнцем, но если уж и хребты совсем спрятали макушки, то солнца не увидишь нигде. До того дружны наши скалы и солнце. Я давно меч-

таю подняться туда, к вершинам хребтов. Говорят, существует тропа наверх, раньше охотники поднимались чуть ли не каждый день. А может быть, можно даже так сделать, чтобы тучи вовсе проходили мимо наших вершин! Знаю, что вслух этого не скажешь, засмеют. Правда — кто засмеет? Те, что у поляны живут? Разве кто-нибудь из них поднимался туда? Иначе ведь, не увидев, не почувствовав, разве поймешь? Вот и будут скалить зубы; мол, как это так, мол, так не бывает. А эти, нижние, они не то что подняться на хребет—куда им! Море под боком, все лето изнывают от жары—ни один не купается; не принято. Правда, говорят, что поздно вечером, в темноте кое-кто все же плещется у берега — совсем как водяные. Скажите, пожалуйста, какие стеснительные, совестливые, днем боятся раздеться, вдруг кто-нибудь да увидит! А когда их в закуской обворовывают или они кого-то обкрадывают — это можно, этого не надо стесняться и совесть тут вовсе ни к чему!

Но что там ни говори, для всех, кто живет здесь, около священной поляны, солнце встает из-за нашего хребта. Правда, ближе к зиме оно сползает немного вниз, к щербатому выступу, но все-таки скалы как бы поддерживают его на высоте. А если бы оно вставало, скажем, из какого-нибудь мрачного ущелья, дома все утро оставались бы в тени и холоде.

Нет, правда, хорошо бы подняться на вершину и увидеть, где встает солнце, откуда добирается оно к нашему хребту, куда уходит от хребта дальше! Сверху, я думаю, хорошо видны далекие снежные вершины, а они упираются в самое небо. И удивительно, что та часть неба, которой касаются снежные вершины, обычно не яркая, синяя, а бледно-голубая. Может быть, небо просто мерзнет от близости ледников?

Я тоже видела их однажды близко-близко... Когда хоронили моего бедного отца. В обтянутом красной материей гробу его несли от нашего дома туда, наверх, под самые горы, к родным его местам, туда, где похоронены его деды и прадеды. Добирались мы к горам разбитой дорогой, похожей больше на овраг, на русло недавнего ручья, чем на дорогу: глубоко изрытой дождевыми потоками, скользкой, грязной. За гробом шли всего человек десять-пятнадцать, что в наших местах случается нечасто. Обычно здесь за любым гробом идут самое меньшее

сто человек. Среди провожавших были три или четыре женщины, наши дальние родственницы, в черной траурной одежде, да еще столько же мужчин, тоже родственников. А остальные были местные, обитатели Святой горы. До поворота шоссе среди провожающих гроб был даже Святой!

Да, было холодно, и выдался ненастный день. То хлынет дождь, потом перестанет, от пронизывающего ветра разбегутся неожиданно тучи, а потом вдруг опять хлынет дождь. И так всю дорогу. До поворота в горы нас провожали несколько парней — несли перед гробом венки. Они снимали с венков цветы и бросали под ноги идущим. Большинство этих цветов были черные... Падали в красноватую грязь, как подстреленные дрозды... Я сперва не догадывалась, в чем дело, и все думала, откуда же могли взяться черные цветы. Я таких раньше никогда не видела.

Да, и пока мы добирались в горы, раза три или четыре промокли до ниточки. К вечеру мы поднялись на высокий холм с плоской, будто срезанной вершиной. Там нас ждали еще человек десять — они уже вырыли могилу. У меня болело сердце... Крышка гроба закрывала чужое, почерневшее лицо отца... Уже никогда больше не скажет он мне ласкового слова, не улыбнется.. И день выдался таким страшным... Все мы промокли, продрогли... и не было надежды на тепло, на огонь очага. У нас с Хухун больше никого не осталось близких... И ведь Хухун еще совсем мальчишка... Я обернулась и увидела его. Братишка мой молча стоял под дождем и не плакал. Тогда я поняла, что он остался за мужчину, за главу семьи...

...Вот здесь, на шоссе, это все и случилось. Я была дома и оттуда услышала вой сирен на дороге, сигналы, скрежет тормозов. Я сразу почувствовала недоброе. А утром, когда отец выходил из дома, он был страшно не в духе—на нем лица не было. Когда я прибежала вниз, на дороге образовался уже затор сигналивших урчащих машин. Какие-то незнакомые мужчины несли отца на руках. Я сразу увидела, что его голова и руки как-то странно болтаются на ходу... безжизненно... И никто до сих пор не знает, то ли он упал замертво на свою кирку, или же его сбили. И кровь была, и ужасные ссадины. Но нам сказали, что это все после смерти, что его уже

умершего задела какая-то машина. Нашлись люди, объявили, что видели, как отец сам упал и больше уже не шевельнулся... Милицию никто и не подумал вызывать.

Бедный отец!..

3022010333

Вот и пришла я на свое обычное место. Поднимаю над головой свой поднос, чуть подавшись вперед — и улыбаюсь. И так ожидаю, пока не клюнет какая-нибудь машина — то есть ее пассажиры, конечно. Мои покупатели — все хорошие люди. У меня и постоянных много... Вот они ездят, работают, устают, и постепенно внутри у них иссякает, кончается солнышко. Тогда они останавливают свои машины и берут с моего подноса фрукты, — а внутри у моих персиков и груш уже светится новое солнышко, берут большие кисти винограда, которых не касались ничьи руки, кроме моих.

...Что-то все сегодня проезжают мимо. Мелькают машины, мчатся туда и сюда, проносятся, мчатся. Покажется знакомое лицо... многие улыбаются мне, машут рукой... От ветра платье мое облепило тело. Оно уже мало мне, да и вылиняло заметно. Потом еще вырез спереди слишком большой. Мне уже неудобно носить такой глубокий вырез...

Недавно я пришла сюда, на свое привычное место, в новом платье. И что-то необычное творилось в этот день. До того много машин останавливалось и так много было у меня покупателей, что я несколько раз поднималась домой, чтобы набрать еще фруктов. «До чего же хорошо тебе это новое платье!» — говорили мне знакомые покупатели. Потом начался дождь, я побежала домой. По дороге меня остановил этот противный «таксист», принялся меня рассматривать, а платье уже намокло. «Оказывается, барышней успела сделаться!» — сказал он. И какой-то странный был у него при этом голос, очень уж противный. А я — прямо сгорала со стыда, лицо полыхало, в мокром платье я чувствовала себя как бы другим, иным человеком. А он смотрел на меня как-то особенно, и маленькие его глазки противно мерцали. Я чуть не захела по мерзкой его роже, но — повернулась и побежала. А он кричал мне вслед: «Продай мне свои яблоки, совсем уже спели, не уноси обратно домой!» Яблоки свои я давно все распродала и держала в руке пустую корзинку, но я знаю, какие яблоки он имел в виду, бес-

стыдник... Как мне плохо было от стыда в этот день! С тех пор я стараюсь не появляться возле закусочной и новое платье не надеваю.

...Да что это с ними сегодня, ни одна машина не останавливается! Будто сговорились. А мне как никогда нужны деньги, все, что было, отдала Хухуну. Ведь завтра гость приезжает.

Слава богу, сегодня здесь пыли меньше, чем обычно. А летом, бывает, меня заносит, словно снегом, раскрою рот, чтобы сказать слово, а там все пересохло. Ночью сильный ветер поднимался, он и подмел дорогу. Сегодня тоже налетает порывами, правда, не такой уж резкий, срывает с деревьев желтеющие листья, разбрасывает по дороге; потом проезжающие автомобили вдавят их в сырую пыль, испачкают грязными отпечатками шин.

Из-за поворота выскакивают машины — их словно бы кто-то выталкивает оттуда. Вот, наконец, и лесовозы. Я узнаю их по особенному тяжелому гулу, узнаю, даже еще не видя. Они все очень большие и сильно нагружены, поэтому шум у них особенный. Двигутся они колонной, один за другим. Но я уже понимаю, что на этот раз они не остановятся. Видать, зарплату водителям еще не дали. Это особые ребята, не такие, как «таксист» и его дружки — те свое зубами выцарапают.

Вот и первая кабина: белозубая улыбка, дружеский взмах руки и—все: я угадала, все, один за другим, проезжают не останавливаясь. Почему-то запоминаются взгляду молодые их усы. А сколько вообще усов проносятся за день по этой дороге—черных, светлых, рыжих, седых, крашенных... Так и стоят в глазах темные их вереницы—будто стаи перелетных птиц, испещривших черными точками серое небо.

Проехали лесовозы, унесли с собой гулкое урчанье сильных моторов. Они появляются здесь несколько раз в неделю, нагруженные огромными стволами со свежими, пахнущими смолой срезами—нагруженные убитыми деревьями...

Холодный, пронизывающий ветер! Пора уже, видно, надевать теплое платье.

Скільки машин проходит здесь за день! И каких только не увидишь! Среди легковых особенно много «Волг». Они проплывают уверенно, их словно держат на весу невидимые крылья. А «Москвичи» смешно сигнала-

лят, голосом откормленного барашка. Огромные черные «Зимы», очень красивы, они проносятся быстро, их блестящие дверцы, словно зеркало, отражают скалы у дороги. Редко, но иногда все же появляются и «Чайки». Эти движутся степенно, не слишком быстро и не слишком медленно, заняв самую середину дороги.

...Ходят здесь и рейсовые автобусы — их я знаю на зубок. До недавнего времени здесь проезжал один... Спускался сверху, со стороны гор, из недалеко расположенного села. Обычно он появлялся к девяти утра. Иногда запаздывал, как проспавший крестьянин, проходил в десять, а то и в одиннадцать. Шоферы почему-то называли его «торпеда», может быть, в насмешку — ведь он был старый-престарый. Когда проезжал мимо — все в нем дребезжало, скрежетало, скрипело. Старый дырявый брезент крыши выцвел от дождя и солнца. «Торпеда» спускалась к шоссе по той самой дороге, неухоженной, разбитой, изрезанной рытвинами, как шрамами, по которой несли когда-то хоронить отца.

Завидев «торпеду», «таксист» свистел по-разбойничьи, заложив два пальца в рот. Все обитатели закусочной вываливались наружу. «Динозавр!» — кричал «таксист» благим матом, собирая и растягивая гармошкой кожу на лбу. Говорят, это сын Святого так окрестил старую машину. Он как-то заезжал сюда проведать отца, и возле Святой поляны до сих пор не устают рассказывать о нем и о торжествах встречи с ним. На глаза ему попала эта ползущая по шоссе странная машина, и он так спокойно, с усмешечкой заметил: «Динозавр». (Я до сих пор не знаю, что означает это слово. Вообще, я не знаю очень многого. Жалко, но что поделаешь).

— Динозавр! — радостно кричали хором выбежавшие из закусочной люди, изрядно разгоряченные вином. Вообще-то в закусочной на Святой поляне бывают очень солидные и состоятельные посетители, те, кто имеет право распоряжаться служебной машиной.

Я знала почти всех, кого возил «динозавр». Знала и тех, кто ездил более или менее постоянно, помнила и таких, которые лишь один-два раза в году поднимались по истертым ступенькам старого автобуса.

Два-три раза в месяц я видела в автобусе красивое смуглое лицо молодой женщины. Мне до сих пор помнится, как она мельком взглядывала в мою сторону.

16005040
8022110333

Глаза ее как иссиня-черные заводи Бзыби, — какая-то тяжелая грусть жила в них. И всегда она была в черном. Встретив ее взгляд, я почему-то бегала домой и смотрела на фотографию мамы. Я помню таким лицо мамы, или, может быть, не помню, а только представляю, что именно так она смотрела на меня незадолго до смерти... А осенью, с сентября, я видела эту женщину с девочкой в опрятной ученической форме. Несколько раз девочка, заметив меня, махала мне рукой, улыбалась, что-то говорила своей матери. Мать тоже смотрела — и светлым лучом пробивалась сквозь тяжелую заводь грусти добрая улыбка. А я всегда улыбалась им в ответ. Вообще-то я не всем так отвечаю, ведь бывают улыбки недобрые, насмешливые, издевательские. Но эти люди, — я знаю — они были добрые и участливые.

Иногда я представляла себя на месте этой девочки-школьницы. Разве нашелся бы в мире человек счастливее меня, если бы жива была мама...

«Динозавр» водил всегда один и тот же шофер. Худой очень был — кожа да кости. И ни разу не видела я и не слышала, чтобы этот шофер сказал хоть слово, или просто хотя бы открыл рот. Всегда заваленный разнообразным скарбом, всевозможными корзинками, мешками, сумками и ящиками, он лишь иногда поворачивал голову, смотрел тоскливо на шумных своих пассажиров и глаза его загорались бессильной злостью затравленного существа.

Но никакая самая красивая, самая новенькая, самая блестящая машина, или автобус не могла сравниться с «динозавром» в одном: он приносил чудесные запахи. Начиная с первых дней лета и до самой поздней осени от старенького автобуса пахло разнообразными фруктами, овощами, травами, виноградом (груши скороспелки, яблоки скороспелки, персики, дыни, арбузы, укроп, домашние вина) — сколько сладких запахов приносил он на рынок и оставлял там!

...Два года уже минуло, как нет несчастного «динозавра», нет и его пассажиров. В тот день я продавала яблоки недалеко от поворота, и я услышала скрежет, душераздирающие крики... Услышала крик девочки, да, да, я знаю, это была она. До сих пор в ушах у меня стоит этот крик...

...Все же лучше поставлю-ка я поднос на камешь. Если кто хочет купить — и так увидит. Что-то устала я, не могу так долго держать его в руках...

...А потом я увидела бегущих к повороту людей. Я сразу поняла, что там произошло. Но я не побежала со всеми. Стояла и плакала...

Одни говорили, что старенький мотор отказал, а другие — будто кто-то летел с бешеной скоростью прямо ему в лоб... А там поворот знаете какой... Говорят, это самый паршивый поворот на всей дороге. Недаром кто-то прозвал его «прощай, родина». А прямо под поворотом обрыв метров в двадцать... До сих пор там лежат на дне ржавые останки «динозавра».

Надо бы и мне подальше держаться от этого проклятого поворота. Но тогда получится слишком близко к закуской. Будут выходить пьяные, станут задевать. Отец мой всегда повторял, что когда-нибудь за этот поворот, за «удешевленный» этот участок шоссе дорого поплатятся... Но существует поворот до сих пор, а я еще не слышала, чтобы кто-нибудь из строивших поплатился. Аварий здесь было много, но самая страшная — с этим «динозавром». Все до единого погибли...

...Отвернуться надо, а то еще кто-нибудь из знакомых покупателей увидит мои слезы и остановится, — к чему мне это.

...Есть еще один автобус, я его тоже хорошо знаю. Современный, новый, с сильным ревущим мотором, только всегда грязный, покрытый толстым слоем известковой пыли. Этот ходит от рабочего поселка в двадцати километрах отсюда до известкового завода. Утром, когда отправляется на завод, и вечером, когда возвращается в поселок, его заполняют мужчины и женщины в пыльных, измазанных спецовках. А днем он возит обыкновенных пассажиров. Вот по воскресеньям, ближе к вечеру, пассажиры у него необычные. То есть это те же самые рабочие, что и всегда, только разодетые для праздника. Отец любил повторять поговорку, что корова бывает пестрой снаружи, а человек внутри. И этот автобус в воскресные дни делается изнутри пестрым: пестрые платья, желтые рубашки, красные, как у дятла, шапочки, белые брюки, синие блузки — каких только цветов и каких смешных сочетаний там не увидишь! Вот это означает, что рабочие направляются в клуб известкового завода. Рыдает,

иначе не скажешь, гармошка, и танцуют допоздна — до упаду.

Уже и солнце поднялось — висит меж двумя хребтами по сторонам нашего дома. И ни одна машина не остановилась. Никто не поинтересовался даже хотя бы — сколько стоят мои фрукты. И небо над морем все мрачнее — хоть бы гость наш не приезжал завтра... Мы бы с Хухуном как-нибудь обошлись... нам не впервой...

Знать бы заранее — все же надела бы это новое платье!..

...Да, здесь проходит много машин... Но есть один автобус... Есть один, я всегда его жду... Увидеть, хоть одним глазком посмотреть, как он проплывает, сияя отмытыми окнами. Автобус большой — длинный и красивый. И в нем всегда сидят особенные пассажиры: хорошо и красиво одетые, с умными и добрыми лицами. Кажется, что они не просто едут куда-нибудь, а обязательно на прекрасный праздник. И водитель не похож на всех других водителей. Сидит он, крепкий, надежный, сосредоточенный, и ведет свою машину, даже по нашим ухабам, словно по городскому асфальту.

Погода портится... Что же мне делать?!

Что это они сегодня, сговорились, что ли? Или совсем уже сыты?

Но вот остановилась наконец черная новенькая «Волга», вышел молодой человек, почти совсем еще мальчик. Я взяла с камня свой поднос, протянула ему навстречу. Он даже не посмотрел на меня, взял две груши и повернулся к машине. Там его ждала молоденькая девушка: золотистые волосы красиво ниспадают на плечи, низкая челка чуть не закрывает глаза... До чего хороша — как с обложки журнала...

— Да брось ты, — крикнула она, — на что тебе эти дрянные груши!

— Может, мандарины вам больше нравятся? — сказала я почему-то робко.

— Вот эти...зел...зеленые? — еле выговорил он. Сильно он заикался, и голос его напоминал женский.

«Катился бы ты отсюда!» — подумала я обиженно. Он так и сделал, повернулся, сел в свою новенькую машину, и через минуту она исчезла за поворотом — словно и не было ее.

Да, такого неудачного дня я даже и не ^{помню!} помню!
Вот не повезло! И, главное, когда очень нужны ^{день-} день-
ги — ведь гость завтра придет!..

Ах, вот, вот еще тормозит машина! Это «Зим», и довольно потрепанный. А почему он остановился на той стороне дороги? Ну — как бы там ни было, упустить его нельзя... Вот и водитель машет мне из кабины. Я срываюсь с места, но попадаю — до чего же некстати — в самый водоворот машин. Разноголосе вопят сигналы, срежешут тормоза. И на меня сыплются ругательства, как скатывающиеся с горы камушки... потом они сливаются в одну смешную фразу — так иногда дети балуются, дразня друг друга:

— Дураротозейкаглухонемая...

Я все же не останавливалась, минуя запыленные дверцы и урчащие моторы множества машин, теснящих, нацелившихся, готовых прижать, задавить, размолоть... пробираюсь, лавирую — и оказываюсь перед «Зимом». Вижу в нем множество гогочущих людей — мужчин, женщин, пожилых, молодых... Сколько же этот «Зим» может вместить! Но для меня это хорошо, что народу много: если на всех купят, выручат меня, не зря, значит, стояла. Все, сколько их было в машине, протянули руки, и я стала раздавать свои фрукты так, чтобы никого не обидеть: каждому досталось по несколько груш, персиков, мандаринов. Опорожнив поднос, я распрямила уставшую спину, и не успела еще раз нагнуться к оконцу, посмотреть в их лица, как машина рванулась с места, обдав меня густой пылью, и исчезла. Я опешила; такого со мной еще никогда не случилось.

Ошеломленная, переждала, пропустила поток машин, перебежала через дорогу... Но куда, к кому бежать... Я почувствовала, что у меня горят щеки. Провела рукой по лицу, — и вдруг из моих глаз как-то сами собой неожиданно полились слезы. И с неба тоже закапало... Вот уж некстати! А я все не могла забыть эти гогочущие лица.

Неужели они теперь могут смотреть друг другу в глаза? Неужели способны?! А я — если вдруг сейчас встречу, увижу их — так убегу от стыда.

Слезы все льются. И дождь начался...

Я стояла на обочине дороги и не знала, что делать,

это было как кошмарный сон. И тут я услышала пронзительный звук сирены. Я узнала ее: так сигналил новенькая черная «Волга», хозяин которой, говорят, — один из начальников Святого. Обычно эта «Волга» пулей проносится по шоссе, оставив после себя лишь замирающие звуки сирены да клубы пыли. И всегда при первом же ее завывании из закуской выскакивают все тамошние обитатели. Однажды, услышав приближающийся, воющий звук, все, как обычно, выбежали из закуской, и сам Святой во мгновение ока оказался у шоссе. Черная «Волга» на сумасшедшей скорости устремилась прямо на него. Святой шарахнулся, отпрыгнул, но там далеко не отпрыгнешь, еще шаг — и такой обрыв, что если оступишься — костей не соберешь. Но заскрежетали, взвизгнули тормоза, машина круто повернула и умчалась. Святой, бледный, как полотно, ковылял обратно... Попробовал было засмеяться, сделать вид, будто ничего не случилось, но губы не слушались, дрожали.

«И пошутить может по-особому, и человек он особый, — выдавил он, наконец, криво улыбаясь встретившим его. — Мужик что надо!..»

Но вот и черная «Волга»... Мчится, словно «скорая помощь» к тяжелобольному. Почему-то тормозит, остановилась. Надо было мне уйти отсюда, да уж поздно. Он вышел из машины, громко хлопнул дверцей и направился прямо ко мне. Я повернулась и пошла прочь.

— Чего ты плачешь, барышня? — услышала я за спиной. Я остановилась, обернулась и прямо посмотрела на него. Он был холеный, белолицый, с седеющими, аккуратно подстриженными усами. В насмешливых сытых глазах — противный блеск, точно такой, какой я видела недавно в глазах «таксиста». Гнев поднялся во мне, я стала вся как стальная пружина.

— Это тебя не касается, почему я плачу! — крикнула я ему, не скрывая презрения.

— Что?! — он вздрогнул, словно его ударили.

— То, что слышал!

— Обезьяна! — бросил он брезгливо. — Вся в поддонка отца!

— Мой отец стоил тысячи таких, как ты! — выкрикнула я ему в лицо, не чувствуя никакого страха.

Я слышала, как оглушительно хлопнула ^{опять} дверьца, обиженно взревел мотор. От злости у меня даже слезы высохли. Между тем дождь уже по настоящему хлестал меня по щекам.

Возвращаться домой мне надо было мимо закусочной. Приблизившись к ней, я увидела черную «Волгу» у входа. Из помещения вышли какие-то люди, я сперва не обратила на них внимания, но вдруг вспомнила, что ведь Хухун должен быть сегодня здесь... Должен был угощать новых своих «друзей»... Я подняла голову — и увидела его: он явно не мог стоять на ногах, шатался и был смертельно бледен. За ним шли Нашим-вашим, «таксист» и еще какие-то завсегдашние этого треклятого заведения. Сердце у меня оборвалось.

— Хухун, Хухун!!! — закричала я и побежала к нему.

Все остальные держались вроде нормально, один он был так пьян.

— Хухун! — заплакала я. — Что с тобой?!

— Прочь! — оттолкнул меня брат: он еле ворочал языком. — Катись отсюда!

— Помогите... — умоляла я вышедших с ним людей. — он ведь никогда не пил, ему плохо, помогите увести его домой, прошу вас!

— А Хухун и не пойдет домой, чего ему там... — отвечал презрительно Нашим-вашим и подбоченился картинно. — Ты лучше скажи, девчонка, как ты смела дерзить, как смела говорить грубости, обидеть такого уважаемого человека...

Я поняла, кого он имел в виду.

— Ты просто заживо похоронила этого парня. — пьяно взмахнул рукой Нашим-вашим, указывая на Хухуна. — Раньше твой отец занимался этим, а теперь ты начала...

— Из-за тебя он не может при людях рот открыть, слово сказать, — добавил «таксист».

— Нет, нет... — повторяла я. — это меня другие обидели, я просто со злости... я не хотела... не хотела...

— Уходи, тебе говорят! — Шатаясь, ко мне подошел Хухун. — Все сделала, что могла... Хочешь, чтобы люди от меня шарахались... сделала свое черное дело, а теперь катись...

— Они и отца угробили и тебя угробят! — Я вцепилась в его мокрую рубашку.

Он размахнулся...

Когда я пришла в себя, я лежала на земле, в луже дождевой воды. Я села. Из носу еще капала кровь.

Я поднялась, отыскала свой поднос и пошла, не разбирая дороги. Шла и знала, что в спину мне смотрят из закускойной... сытые, подвыпившие, довольные...

5. ХУХУН

Я проснулся от холода. Продрог, зуб на зуб не попадает. Голова трещит, во рту до того пересохло, что боюсь пошевелить языком. Весь мокрый... Ну да, ведь был же дождь... А сейчас небо в звездах... Вот и та яркая звезда, которую я вижу обычно за полночь. Я осмотрелся, но все не мог понять, где же нахожусь. Лежу под каким-то деревом, хорошо хоть, под ним сухо. Справа от меня чей-то большой кирпичный дом, светится окошко. Что это, сон? Может, во сне все это вижу? Я встал, пошатнулся, но удержался, ухватившись за ствол дерева. И только сейчас почувствовал, что у меня словно заноза в сердце... какая-то боль, сожаление о чем-то... Что же все это означает?

Я протер глаза и еще раз посмотрел на дом. Господи, так ведь это же дом Мады!

Так вот куда меня принесло. Да... Я сегодня выпил...то есть вчера... ужасно разобрало с непривычки. Припоминаю, припоминаю, да... там еще были со мной... Но для них то, что я выпил — с наперсток, они не пьянеют... привычные... Да, понимаю — еще не совсем протрезвел. Помню, потом я не пошел с ними, и они не очень-то настаивали... А вот я бы не успокоился, пока не отвел бы домой выпившего товарища... пусть даже и незнакомого человека — все равно... Но бог с ними, каждый сам знает, что ему делать... Так... значит, когда я откололся от них, видимо, и забрел сюда. Чего же мне скрывать, хотя бы от самого себя — я люблю Маду, очень люблю! И я уже не маленький, не мальчишка... что ж из того, что я немного младше ее. Она ведь — тоже молодая... выглядит моложе и нежнее всех окрестных девчонок. Разве не было такого, что младший берет девушку старше себя. Это даже лучше,

особенно в моем положении. Уж она-то научит ^{меня} уму-разуму!

Вдруг обожгло сердце, будто заноза ^{вошла?} — где Заира? Как сквозь туман... Эта сволочь, ^{Нашим-вашим} обругал ее, потом... потом она о чем-то их просила, они отвернулись... Потом... я ударил ее, она упала.

Я глухо вскрикнул — от боли. Ведь даже не помню, как расстался с «приятелями», как оказался здесь, на поляне. Но теперь все уже было неважно — все, кроме Заиры, она одна для меня — во всем мире... Пропади пропадом вся эта Святая поляна — лишь бы увидеть скорее Заиру, увидеть целой и невредимой!

Я добежал до шоссе, пересек его, чуть не попав под грузовую машину, выскочившую из-за поворота. Водитель резко, аж покрышки взвизгнули, затормозил, потом, уже тронувшись вперед, высунул голову из кабины и обругал меня. Мне было не до него. Я бегом поднялся к дому — Заиры нигде не было, и не видно даже было, что она приходила сюда вечером, — никаких примет.

— Заира! — во всю глотку закричал я. — Заира-а-а-

«Ра-раа-раа-ра!»! — перекликнулись несколько раз оба хребта справа и слева, и все умолкло. Хоть бы кто был поблизости, хоть один какой-нибудь сосед, пускай даже людоед поселится... Здесь и так страшно, уж людоеда-то не испугаюсь... Где похороню себя, если с Заирой что-нибудь случилось?!

Я помчался вниз.

— Заира-а-а!!! — кричал я еще несколько раз.

«Ра-аа-раа-аа», — отозвались опять скалы и умолкли.

Снова пересек шоссе, выбежал на поляну, прямо к закусочной. В будке сторожа дверь была приоткрыта, сам сторож похрапывал, зажав меж колен двустволку.

Я окликнул его, он с трудом поднял голову. Увидев меня, все ж проснулся, вскочил и в страхе схватился за ружье.

— Кто?! — испуганно выдохнул он.

— Это я, Хухун, ты не видел здесь Заиру?

— Что?! — взревел он вдруг, опомнившись. — Ка-

кой еще там Хухун, что за черт, никого я не знаю и знать не хочу! Я на посту! Застрелю! Не слышал, что ли, — нельзя сюда ночью подходить?!

Он выпалил все это с таким напором, словно давно мечтал высказаться, да возможности не было.

— Ты не бойся, — попробовал остановить его я. — Просто я ищу Заиру, может, ты ее видел...

— Это я-то боюсь?! — снова завелся он. — Никого я не видел! А теперь не задерживайся, проходи! И не советую в другой раз появляться здесь ночью...

Что с ним было разговаривать... Я побежал к Сократу. Он вчера тоже выпивал на мои деньги, если кто-нибудь и скажет мне, где искать Заиру, так это он. Подбегая к его воротам, я увидел посреди двора ту самую грузовую машину, под которую давеча чуть было не попал. Борта были опущены и какие-то люди в полутьме двора сгружали тяжелые ящики. Другие относили эти ящики в сарай. Сам хозяин стоял возле машины, опираясь на посох, и громко зевал.

— Сократ! — позвал я громко. Моментально все — и на машине и у сарая — застыли как вкопанные, словно над головой у них сверкнула молния.

— Кто это?.. — выдержав долгую паузу, встревоженно спросил Сократ и сделал несколько шагов к воротам.

— Это я... Хухун... Я потерял Заиру... Вы не видели ее?...

Услышав мой голос, все опять зашевелились, зашумукались.

— А ну-ка, погоди! — Совсем близко из темноты появился вдруг Нашим-вашим, воинственно выпятил грудь. — Ты чего здесь вынюхиваешь?

Я плохо различал в темноте выражение его лица, но в голосе чувствовалась угроза.

— А ну-ка, подойди поближе!

Я подошел.

— Пройдем дальше.

Мы прошли дальше.

— Ты что ж, тоже взялся шпионить... ночами подкрадываться к чужим дворам и подглядывать?! — спросил он, не меняя тона.

— Кто же еще этим занимался, кроме меня, кого имеешь в виду? — не удержался я. Давно он издевается надо мной, сколько можно терпеть!

— Отец твой распрекрасный шпионил за нами... да ничего, вроде, не выгадал, — сказал он и крепко взялся за воротник моей рубашки.

— Отца не трогай! Он уже больше никому не мешает... Я сказал, кажется, ясно, зачем пришел: ищу девочку, ее нет нигде...

— А я, по-твоему, сторож ей! Брось финтить! Вижу, вижу, чего это ты все терся возле нас, честных ребят, все эти дни в доверие втирался! Но теперь никуда не денешься, попался!..

— А чего ж ты себя сам выдаешь? Я тебя ни о чем не спрашивал, и знать ничего о ваших делах не хочу...

— Я себя выдаю? В чем это я себя выдаю?! Эй, ребята, вы только послушайте, какие он тут речи толкает! — Нашим-вашим все сильнее сжимал ворот моей рубахи, становилось трудно дышать.

В школе я учился неважно, зато любил спорт. В спортзале я увидел как-то боксерские перчатки и попросил преподавателя физкультуры дать мне их — захотелось попробовать себя... Заметив, что я интересуюсь боксом, преподаватель решил подзаняться со мной. Потом я еще целый год боксировал с ребятами, моими товарищами, — и всех побеждал. Но все же мне было боязно поднять руку на этого мерзавца.

— Что ты пристал ко мне... — попробовал я смягчить его, — видит бог, мне до вас дела нет. Ты же знаешь, я девочку обидел... Теперь найти ее хочу. Мало ли что может случиться с нею, она ведь еще совсем ребенок...

— Ах, ребеночек, вы только послушайте, совсем ребеночек, — заржал Нашим-вашим, — конечно, вчера только вылупилась. А сегодня уже, как бездомная сучка, побежала за кем-то. Сейчас, небось, обнимает чью-то немытую шею и знать больше ничего не хочет.

...Он повалился с первого же моего удара, однако сразу же поднялся и пошел на меня. Я ударил левой, потом правой — в челюсть, он рухнул в темноту и больше не шевелился. Думаю, что не столько был оглушен, сколько просто не видел смысла еще раз под-

ставлять физиономию под мои кулаки. Я повернулся и опять помчался к шоссе. Со двора Сократа донесся приглушенный шум мотора, видно, приехавшие с машиной торопились обратно.

— Я покажу, я вам покажу! — бормотал я на бегу. — Ах, сволочи!..

Три удара, нанесенные негодяю, придали мне силы, меня обуревала непривычная решимость.

Я вдруг понял — словно глаза открылись... Ведь почему я так унижался, лебезил перед этими подонками: все из-за работы... Да провались они к черту в преисподнюю! Если даже и устроили бы, как обещали, на хорошее место, так ведь потом живьем бы съели... И раньше или позже — а точно, пришлось бы мне горько раскаяться, что связался с ними... Эх, если бы не боль, не страх потерять Заиру, уже сейчас чувствовал бы себя легко и свободно. Я уже способен был даже поверить, что сейчас найду ее, что ничего с ней не случилось. Только... никогда себе не прощу, что смог ударить ее.

К кому бежать! Кто поможет мне сейчас? Господи — да ведь Мада! Надо было сразу к ней обратиться, ее спросить о Заире! Как же я сразу не сообразил! Заира ведь знает, что здесь приласкать, приютить, сказать слова утешения может одна только Мада, и, конечно, отправилась к ней.

Я не решился прямо войти во двор, обошел кругом, перелез через забор и оказался под тем самым деревом, где проснулся недавно. Однако окошко все еще было освещено. Я долго прислушивался, но не уловил ни звука. Да... сюда-то я летел расхрабренный, а долетел — и оробел. Под утро... постучаться к Маде... А если она обидится, примет за оскорбление... Куда мне тогда деваться? Однако отступить невозможно — Заира. Заноза снова больно шевельнулась в сердце, и я решительно направился к светящемуся окну. Приблизился к дому, остановился, замер в нерешительности. Гулко колотилось сердце. Чтобы растянуть как-то время и дать себе успокоиться, я занялся привычным делом: стал разглядывать ночное небо. Звезды светились ярко, не побледнели еще, хотя близилось утро, а эта поздняя звезда, моя знакомая — она, как всегда, выделялась среди подруг, притягивала взгляд.

Но ей было все равно, она оставалась холодна и равнодушна — что ей до моего горя, которое как соломинку принесло меня сюда...

Неожиданно — даже вздрогнул — я чьи-то голоса. Затаил дыхание.

— Всю ночь, видно, лампочка горела, — близко раздался мужской голос. Голос мне показался знакомым.

Нет, не может этого быть! Нынче мне все мерещится что-то... Может, гость какой-нибудь, родственник... Нет, не то, не то... У меня даже дыхание перехватило. В комнате послышались шаги, я прижался к стене. Задняя дверь отворилась, и кто-то вышел. Я чуть отодвинулся от стены и увидел человека в рубашке и кальсонах — он стоял на лестнице и мочился. Закончив свое дело, посмотрел на небо, зевнул и повернулся обратно к двери. Только тогда я разглядел его длинные по-обезьяньи руки — до самых колен...

Святой!

Видно, о таком состоянии говорят: хоть ножом режь — капли крови не вытечет. Застыл я. И сердца своего не слышал, и вообще ничего не слышал, — словно умер.

— Опять ты свет не погасил?

Это ее, Мады, голос!

— Забыл, да ладно... — отвечал Святой сонным голосом.

— Нет, уж очень заметно... Еще заглянет кто от нечего делать...

— Лень встать...отстань...

— Ну и лентяй! — засмеялась Мада.

Я брел по ее саду, натываясь на деревья — по лицу меня хлестали мокрые ветви с еще не опавшими листьями.

Выйдя на шоссе, я пошел по нему куда глаза глядят. Шел и ни о чем не думал, лишь чувствовал тупую боль во всем теле. Шагал я так, шагал... и вдруг услышал пронзительный сигнал. Подняв голову, я увидел большой современный автобус, плывущий навстречу в сиянии фар и ярко освещенных окон. Люди в нем сидели, как на горячих скакунах, подтянутые, гордые. Обдав меня ветерком, он величаво проплыл мимо и долго

еще светился всеми своими огнями в сырых предутренних сумерках.

Опять стало тихо. Надвинулся желтый рассвет. Почему-то и автобус этот оставил в душе непонятную боль. Сколько автобусов я видел, живя при дороге, но ничего подобного никогда не чувствовал. Вдруг поймал себя на мысли, что завидую людям, которые ехали в этом красавце... Другая жизнь...

Так я шел и шел, все дальше и дальше, и вдруг за поворотом я заметил чью-то тень. Остановился, пригляделся....

Заира!

Я так бежал, что через секунду был уже перед ней. Она посмотрела на меня и грустно улыбнулась.

— Видел автобус? Кажется, он теперь стал проезжать на рассвете...

Голос ее дрожал и слова ломались на мелкие куски — она сильно продрогла.

— Ты вся дрожишь... — Я обнял ее и постарался проглотить комок в горле. — Где ты была... Я искал тебя..

— И я тоже тебя искала... — Она опять грустно улыбнулась и снизу вверх глянула на меня, — я боялась, очень боялась... за тебя. — Глаза ее опухли от слез.

— Заира, — сказал я, — забудь... Я сам себя буду всю жизнь казнить...

— Дурачок какой...

Будто из долгого кошмарного сна выбирался я, все больше и больше раскрывались мои глаза. Боль этого состояния напоминала ту, когда снимают швы с заживающей раны. Я всегда боготворил свою сестренку. Дороже нее никого не было для меня на свете, но я привык думать, что она пока толком не знает жизни, не разбирается ни в чем. Оказалось, разбирается лучше меня, безошибочно. Ведь всегда, словно незамутненное чистое зеркало, хорошее отражала как хорошее, плохое — как плохое. А я решил, что если выгодно, можно и приукрасить плохое.

Мы поднимались по шоссе, туда, куда ушел автобус. Это та самая дорога, которую строил наш отец, строил ее и вчерашний наш гость. Я знаю, что оба они были против того, чтобы шоссе пробивали здесь,

через скалы, но ничего у них не вышло. Я слышал, как отец говорил как-то полушутя, полусерьезно: «Мои раны — как раны этого хребта, по которому прорубили дорогу». Тогда меня раздражали эти громкие слова. Но сейчас я начинаю понимать, что отец никогда не говорил зря.

Мы шли быстро, стараясь согреться. Заира повеселела наконец и настроение ее все улучшалось, Светало. Снизу доносился глухой шум моря. На шоссе — признак утра — появилось больше машин. Я чувствовал себя как-то необычно, словно бы обновленным — и в то же время это был я, именно я — настоящий. Опять и опять вспоминал все, что произошло со мной вчера и сегодня. Что-то уходило, что-то приходило... Это видимо, Абрскил воевал во мне. Похоже, он был мне под стать — еще недостаточно уверенный в своих силах, но все же это был он. И мне кажется, что я слышал звон распадающихся цепей... Выпадали проклятые звенья... Но сколько боли оставляли они! Да, видно, так оно и бывает: рана на сердце — как дорога, вырубленная в скале.

Хорошо бы, день сегодня выдался ясный...

Я поднял голову и посмотрел на небо. Откуда-то появились тучи, но там и тут еще виднелись чистые прогалины. И как камушки, брошенные в море, тонули в этих прогалинах последние звездочки... но знакомая мне крупная поздняя звезда, хоть и побледнела к утру, еще светилась...

Мы повернули и пошли обратно.

— Пока поднимемся домой, я совсем согреюсь, — сказала Заира, когда мы пересекли шоссе и перед нами, извиваясь, устремилась в гору наша тропинка.

Заира выпустила мою руку, легко побежала по тропинке вверх, вскочила по дороге на большой островерхий камень и стала там, совсем как козочка. Вдруг лицо ее просияло.

— Гость, наш гость! — радостно крикнула она мне.

Он уже увидел нас и спешил навстречу.

6. ГДЕ ТЫ БЫЛ, ДАД, ТАК РАНО, РОСОЮ УМЫТЫЙ?¹

Он торопился и даже запыхался, но выражение лица у него было спокойное, уверенное. Казалось, он собирается нам сказать что-то важное. Хорошо бы — не назидательное нравоучение... Чего не люблю, того не люблю. В этом я неисправим. Хотя вчера он, вроде, не навязывался с советами.

Только сейчас я сообразил, что вчера-то, оказывается, я видел не столько его самого, как городскую его одежду. Теперь я мог разглядеть его. Волосы уже поседел, но лицо молодое, глаза умные и задумчивые. Из местных его просто не с кем было сравнить, он был какой-то другой. Здесь, возле Святой поляны, или смеются, или издеваются друг над другом, или поучают один другого, долбя все то же: «Надо выйти в люди, надо стать человеком!» Будто сами они наконец познали, что это такое — стать человеком. А по-моему, говоря так, они разумеют вовсе не то, что обычно принято считать достойным человека — скорее обратное...

— Где это вы были так рано, — спросил гость, переводя дух, и улыбнулся, — «росою умытые?»

— «Красивая, аккуратная, сияющая... — продолжил я, — ночи темные светом озаряя...»

— Да, да, именно, — подтвердил он, уже смеясь, — такая она и была — красивая, аккуратная, сияющая — и обманула меня, как того абазина-путника.

— Про что это вы? — с интересом спросила Заира.

— А это звезда такая есть, зовут ее звездой абазина.

— Расскажите!

— Абазин должен был через горы прийти в Абхазию. Путь предстоял опасный, над страшными пропастями. По дороге пришлось ему заночевать. Он и рассчитал, что если встанет с утренней звездой, то к самому рассвету как раз окажется в опасных местах, минует их при свете дня. Однако проснулся он слишком рано, глянул на небо и увидел звезду, очень похожую на утреннюю. Он и решил, что пора ему выходить, и пустился в путь. Поверил, что это и есть утрен-

¹ Из стихотворения Д. Гулия.

няя звезда, поверил, что опасные места далеко. Смело пошел вперед — и сорвался в пропасть. С тех пор эту обманувшую путника звезду и зовут звездой ^{лабазии} лабазии.

«Обманувшая звезда, — повторил я про себя и вспомнил свою, полуночную, — наверняка это она и есть».

— А что... и с вами случилось что-нибудь нехорошее?... — спросила испуганно Заира.

— Нет, не совсем так... — засмеялся гость. — Просто я торопился к вам, чтобы наверняка застать дома, не рассчитал, сел в автобус, который прошел здесь с час назад... Но оказалось, я слишком рано приехал. Вот видите — и меня звезда подвела.

— Да, это тот автобус, я его видела! — обрадовалась Заира, не слушая уже про звезду.

Гость внимательно, изучающе оглядел нас.

— Пошли! — сказал он наконец и двинулся вниз, к шоссе.

Мы не спросили даже, куда он нас зовет, просто пошли следом. Он молчал, молчали и мы с Заирой — но, кажется, думали все об одном: нас ожидали серьезные перемены. Хорошие перемены.

Когда мы приблизились к закусочной, оттуда высыпали тамошние завсегдатаи, те, что успели явиться спозаранку.

Тут же я лицом к лицу столкнулся с Нашим-вашим. Он отвел меня на несколько шагов в сторону. То ли злость одолевала его, то ли вчерашний страх еще не оставил — только лицо его было очень бледно.

— Заруби на своем сопливом носу, — яростно выплеснул он задышающимся шепотом, — недалеко тот день, когда я заставлю тебя лакать твою же собственную кровь, оборванец паршивый!

— Не пугай меня, Нашим-вашим, — сказал я спокойно, — поживем, увидим!

— Надеешься — здесь, при людях, я не стану пачкаться? — процедил он угрожающе.

— Почему же, можно и здесь, — улыбнулся я, — да ведь ты сам не торопишься, сообразил уже, что это не такое уж сладкое удовольствие.

От злости у него просто язык отнялся.

Ничего, подумал я, ничего, это только начало. Он еще попрыгает у меня!

Я оставил потерявшего дар речи Нашим-вашим и как ни в чем не бывало подошел к гостю и Заире. Они остановились возле закуской.

— Доброе утро! — поздоровался гость.

— Доброе... доброе... — нехотя ответили два-три человека.

— Это же инженер!.. — услышал я чей-то шепот.

— Что еще за инженер такой? — брезгливо осведомился Нашим-вашим.

— Да, да... это он строил дорогу, — объявил Сократ своему соседу, воткнув наконецник посоха в землю.

— Так это вы, кажется, добивались тогда, чтобы шоссе проложили не здесь, не у нас, — спросил Сократ с явным злорадством в голосе.

— Да, я, — подтвердил гость, — и оказался прав.

— Это почему же? — спросил еще кто-то.

— Потому, что сейчас дорогу придется переносить за хребет. А можно было не мучиться — сразу провести ее там — не потратили бы зря столько труда, времени и денег. И аварий бы не было.

— Кто ж это мучился, вы, что ли?

— Видишь, и других еще мучеников нашел, — услышал я шепот Нашим-вашим, — достойная компания... Шелудивую лошадь должна чесать такая-же шелудивая...

Он шептал — я чувствовал, что ему не хочется, чтобы я услышал. Такие всегда настолько же трусливы насколько и подлы.

Гость слушал молча, словно решил дать всем выказаться.

— Как жизнь? — спросил он их затем. — Все ли хорошо?

— Не жалуемся, дад, — ответил за всех Сократ, — а что?..

— Да ничего особенного, — улыбнулся гость, — только вот что я хочу вам сказать: на следующей неделе начнутся работы по спрямлению дороги... Перенесем ее за скалы. Мест на строительстве достаточно, кто хочет, можете устраиваться.

Некоторое время люди у закуской молчали, враждебно смотрели на инженера.

— А здесь что же?

— Здесь ничего не будет, станет тихо, — сказал гость.

— Оттого, что выпрямишь дорогу, от аварий не избавишься... Надо, чтобы светлой она была для человека, благоприятствовала ему, — грустно вымолвил Сократ.

— Мое дело предложить вам, а там как хотите, — объявил гость.

— Эту работу мы уж, так и быть, вам предоставляем, с вашими дружками вместе, а для себя мы что-нибудь получше найдем, — съязвил один из завсегда-таев, скучая по выпивке.

— Лучше вы не найдете, — возразил гость.

— В чем же дело, чем мы не угодили тебе, молодой человек, — спросил Сократ, — ты ведешь себя так, словно обидели мы тебя, съели твой кусок.

— От кого другого, но от тебя, Сократ, не ожидал... думал, ты видишь глубже, — сказал гость и повернулся, чтобы идти.

В это время из закуской выглянул Святой и непривычно раздраженно и грубо окликнул Маду:

— Чего ты там торчишь, тебя работа ждет!

Мада, торопясь на место, оттолкнула меня и скрылась за дверью.

Гость и Заира отошли уже от закуской, я двинулся следом.

— Достойную подобрал себе компанию, — послышалось мне вслед; это Нашим-вашим набрался наконец смелости. — И работу по себе нашли, ничего не скажешь, кто ж еще здесь согласится месить грязь! Так что можете проваливать! Не задерживаем!

— Отец их тоже месил тут грязь, а потом вдруг взял, да и среди бела дня на самой дороге очурился, — услышал я голос «таксиста».

Я даже остановился — не столько разгневанный, сколько пораженный, ошеломленный той жестокостью, которую выплеснули нам вслед: отцу — и всем нам. Неужели так было всегда? Бедный отец!

— Я еще доберусь до тебя, дай только срок! — вырвалось у меня.

— А я до тебя хоть сейчас могу добраться, — рванулся было ко мне «таксист», но когда его никто не остановил и я не двинулся навстречу, он растерялся.

961935040
303520110333

— Ну, что же ты? Давай! Попробуй!

— Не хочется людям настроение портить, как-ни-
будь в другой раз, — попытался он вывернуться.

— Этот другой раз я тебе устрою... и скорее, чем ты думаешь.

— Не связывайся, — сказал инженер, повернувшись ко мне, — пойдем отсюда!

Мы двинулись прочь.

— Ого-о, какие!

— Видали мы таких!

— Не больно-то напугали! — неслось нам вслед.

Когда мы отошли от закуской подальше и уже не слышно было их голосов, я понял, что они не смогли отнять у меня надежду, не смогли испортить утро. Мне казалось, что я очнулся от какого-то кошмарного сна. Небывалая, неизведанная радость ожидания лучшего медленно разливалась во мне, и голова моя, и без того немного еще хмельная, чуть кружилась. Немного похожее состояние я испытал в тот день, когда впервые пошел в школу, сел за парту, — с тех пор и помню этот радостный туман в голове...

— Куда мы сейчас идем? — спросила Заира.

Как она радуется сегодня, бедная моя сестренка! Ходит за инженером по пятам — словно бы ожил наш отец.

— Хочу показать вам, где будет проложена новая дорога, — объяснил он. — Вон на тот хребет поднимемся — оттуда все и увидим.

— А-ах! — восхищенно вздохнула Заира. Глаза ее сияли, казалось, что она, вдобавок ко всему, знает еще о каком-то готовящемся для нас сюрпризе.

— За сегодняшней и завтрашней день нужно приготовить все бумаги, которые необходимы тебе, чтобы оформиться на работу, — сказал мне гость. — Через три-четыре дня ты и приступишь. Я попрошу, чтобы тебя на каком-нибудь из проходящих здесь автобусов подвозили к конторе. А когда вперед продвинемся, прямо отсюда будешь ходить, недалеко.

— Спасибо.. -- только и мог сказать я.

— Хухун, а вдруг тебе попадетя тот самый автобус, на нем будешь ездить, — как это было бы здорово! — зашебетала Заира.

— Нет, тот проходит слишком рано, — ^{сказал} гость, понимающе улыбнувшись. — К тому же ^{ему} трудно останавливаться здесь, на подъеме перед ^{пово-}ротом, а потом снова набирать скорость. ^{Для} ^{таких} машин и нужна наша новая дорога.

Мы пересекли шоссе и стали подниматься в гору.

Я шел и думал о звезде, обманувшей путника. Да, конечно, звезда, она виновата. Виновата, что похожа на утреннюю. Но если бы путник сам безошибочно различал их... Видно, он не знал как следует ни утреннюю звезду, ни эту, обманную. Хотя как же можно знать все звезды?... Такое множество... Или же просто надо точно выбрать то, что ты хочешь, что нужно тебе — и не терять? Для звезды ведь все равно, смотришь ты на нее или нет, это ты сам должен знать, которая из них тебе нужна, которая твоя... А звезда-то, ей все равно...

Нет, пока что я не в силах разобраться во всем этом. Пока что я устроюсь на строительство, буду работать, а там видно будет.

На полпути мы остановились передохнуть.

— Только имей в виду — сначала тебе придется нелегко, — ^{сказал} гость, отдышавшись. — Ты столько времени не работал... Я тебе прямо скажу, мне ведь тоже иногда приходится нелегко, а тебе на первых порах может быть особенно трудно. Но без этого, без трудностей, нельзя полюбить свою работу, свой труд, а вот полюбишь — тогда уже пойдет легко.

Я молча улыбнулся.

— Не думай, что пугаю тебя заранее, нет, я просто предупреждаю о том, как может получиться, — ^{сказал} инженер, — и главное, чтобы ты сам не испугался.

Ему кажется, что я из пугливых? А может, во мне и вправду говорил страх... еще тогда... когда я предавал отца?..

Я вдруг словно обрел второе зрение — стал видеть свое недавнее прошлое как бы другими глазами. Словно бы я нашел некий волшебный потерянный ключ, которым сумел наконец отомкнуть заветную дверь, — и мне открылась жизнь, о существовании которой я догадывался, но не увидев, не почувствовав ее, старался уверить себя, что ее нигде нет.

Да, видно, мне и вправду было страшно, и похоже, что пока еще это до конца не прошло...

Мы уже поднялись на самую вершину невысокого нашего хребта, когда Заира вскрикнула радостно:

— Смотрите, солнышко!

Я поднял голову — ослепительный луч солнца ударил из-за далекой вершины, усеянной белыми отметинами вечных льдов.

— Как далеко встает оно! — протянула Заира разочарованно. Она-то думала, что солнце встает прямо у нас над домом, из-за наших хребтов-карапузиков. Разумеется, она слышала, что это совсем не так, но все же...

Ниже вершины, куда мы взобрались, тянулась неширокая и ровная долина. Сейчас она еще пряталась в тени.

— Вот здесь и пройдет дорога, — гость повел рукой по воздуху, показывая направление.

Я посмотрел на него. Вид у него сейчас был какой-то отсутствующий, он уже словно бы и не был с нами. Конечно, я понял — он сейчас не видел ни далекой вершины с белыми отметинами ледников, немного чужой и даже пугающей в своей величавости, ни румяного осеннего солнца, — он стремился разглядеть будущую дорогу, которая ровной лентой протянется по этой спящей долине.

Долину заплотила сейчас утренняя тишина — у меня даже зазвенело в ушах.

Больше всего я удивлялся в эту минуту тому, что видел и хорошо понимал состояние души и мысли нашего гостя, инженера. Словно разрушалась стена, заграживавшая от меня жизнь.

— Для меня, — сказал инженер, словно очнувшись, — эта долина пуста и мертва, пока там не зашумит дорога. Я вот старался сейчас мысленно оживить ее... Пока что удастся с трудом... Но мы ведь не отступим? — Он улыбнулся нам.

— Нет, — сказал я.

— Не отступим! — добавила весело Заира.

Перевод с абхазского Сергея ШЕВЕЛЕВА.

ВОСПОМИНАНИЕ

...Теперь казахским двинемся подстепьем
На Невский с голубым великолепьем
Звезд августовских. Ночью или днем?
Березняком рязанским брешь залепим
И в сторону от кладбища свернем.

И снова тело женское на ложе
На всех своих предшественниц похоже.
Лишь тьма во тьме. Да, может быть, не та!
В объятьях гнется облако. Так что же,
Не покидай, Елена, пустота!

Воспоминая лоб холодный морща,
Обронишь слово в глубину пустот,
Духовной плоти раненая толща
Расступится и звуком зарастет.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Китайские деревья. Кривизна.
Скитающийся признак перекоса.
Равнина бездыханна и ясна,
Как сон тысячелетнего даоса.
По белой глади белым шелком шьет
Слепое небо морок законный.
Укрыться бы хоть в рожицу иконы,
Иль — босиком на брейгелевский лед...
Но возникают, как вещал Ван Вей,
«Далекie деревья без ветвей,
Далекie вершины без камней,
К вершинам подбегающие горы...»
Врывается алмазный снеговой
В некрасовские снежные просторы.

Широко раскрытыми глазами
Зорко смотрит девочка в себя,
Легкий мир с густыми небесами
Каждый миг лелея и губя.
С пустотой всеобщих масок споря,
Так лицо прозрачно и темно.
Вещий холод мыслящего моря,
Белизною веющее дно.
Но, должно быть, обмелеют реки,
Обнажится берега гранит,
И, смежая медленные веки,
Женщина с усмешкой поглядит.

САТУРНАЛИИ

Е. Рейну.

Словно Африкой переболев
И вернувшись в родные пенаты,
Выступает дряхлеющий лев,
Неудачливый, одутловатый.

Закативший прощальный скандал
И давно опоздавший на поезд....
Но хмелеющий дух разудал,
И трезвеющий голос напорист.

На толкучке он горькую пьет,
Закусивши растоптанной сливой,
Всласть читает часы напролет
Этот бред и шальной, и счастливый.

Словно флот сновидений и смут
В плеске жизни и нежной, и глупой,
И холсты Эрмитажа плывут,
И Тишинского рынка халупы.

Пшик продать, перещупать пальто
И раскатистым смехом залиться
Под высоким шатром шапито,
Под расшатанным небом столицы.

Подновляется зелень водой
И цветут уцененные шляпы...
Ну, а спутник еще молодой,
Что ему этих покеров крапы!

Кто же знает, что в стуче сабо,
На развале вселенского тлена
Только дружба со старым Рембо
И осталась еще у Верлена.

* * *

А. П. Межирову

— С чем остаешься и куда идешь?
Пошли в шинок!.. Мозжит... Похмелья дрожь...
Метель шипит: «Добродии шановни!»
Шампанского!.. Но бес в отлучке... Что ж
Не проезжают ни возы, ни дровни?
Сегодня — век семнадцатый. Но бес
Ушел вперед. Ни голоса с небес,
Ни отговорки конского копыта.
И в этот час в соборе Маргарита.

Взмывал метели быстрый перепляс,
Гудел литовский говор в подворотне,
Когда от литургии в добрый час
Гусарские летели полусотни...
Играли жаром хрустали зимы,
И на возах — из византийской тьмы —
Гостинцы к бесприданнице Марине
Все ехали до ночи и корчмы.
И таяли... О, невзлюбили мы
Лжедмитриевой озорной латыни!

Сбежать с горы, и выпадет из глаз,
И чистым полем станет город чванный,
Гулливый, не чуравшийся проказ...
Но где цепной медведь и тулумбас?
Иль ряженные у костела Анны?..
Пусть выпит задарма сарматский мед,
Но чист снежков неспешный перелет,
И на коленях снова и навеки
Безрадостные дети и калеки.

Моток мгновенных улиц. Вялый хор.
Но далее. Проходим через двор,
Где два семинариста-униата
Меняют наспех номер у «Фиата»
И красят верх, и смотрят виновато...
Давно ли в Риме отменили ад?
Белым-белы, остыли, не чадят
Костела электрические свечи.
Далече Рим, а все же крепок дух
Той восковой и сыромятной речи..
Выносливо отчаянье невестречи
И сумрачно твое молчанье вслух!

...Язык Литвы, язык ее князей,
Купель земли и королевен вено...
Кричала чернь, и зрителей мгновенно
Перенимал у Плавта Колизей.
И ликовал Святой Иероним,
И плакал над стихами перевода,
И львы, рыча, ходили перед ним,
Когда из гетто не было исхода.

ДВОЕ

Строгий постриг забудь, вновь себя приохоть,
Словно дерево гнуть, вожденную плоть.
В руки яблоко взять — разорвать, разделить,
Вновь и вновь благодать изумленную длить.
Словно яблоко пить, словно яблоню гнуть,
Погибая, губить эти губы и грудь.
И мгновением жить, чтобы вновь и опять
Восемь лет отслужить, десять лет воевать.
Мы лежали в пыли, обнаженные шли,
Мы до края земли в львиных шкурах брели...
На богатых лугах зацветает атлас,
На багряных конях мы поедем в Талас.
На тюльпановый плес, под шатровый навес,
Чтобы лебедь принес алый беркут с небес.
Ах, прошел камнепад, но тебя я найду,
Где каштаны горят в Люксембургском саду.
Там, где пение пчел винограда пьяней,
Где клокочущий Тмол и кипящий Пеней.

Растворен в молоке финикиянки яд,
На рассветной Оке коромысла скрипят...
Только грохот и гул от раздробленных
Среброгрудый мелькнул предо мной Герируд.
Над объятьями струй шумный ветер летит,
Что принес поцелуй от лилейной Лилит.
Но поток полетел — за волною волна,
И во множестве тел — только Ева одна.

КАМЕНЬ

Что там случилось в доме у Чаренца,
Когда, чиста, как белый сон младенца,
Черства, как память старца, и пуста,
Цвела, такое выкинув коленце,
Его мемориальная плита?
И на доске тесово-суховатой
Изобразилось вдруг паденье статуй
Иль столпников, отталкивавших столп,
Зигзаги молний под звездой хвостатой
Полночных страхов, погребальных толп.
Как запустенье Карса и Артвина,
Вся в пограничной мгле была картина.
Кремня, базальта, кварца колдовство...
Так отозвалась камня сердцевина,
Такое обнаружилось родство.

ДАР

Этот блеск тоскливо-скудный,
Звуков сблизивший ряды,
Быстрый луч иль образ чудный, —
Дар змеино-изумрудной
Оглянувшейся воды.
И все так же будет виться
Над тобой на склоне дня
Угасающая птица,
Порождение огня...
Что же взял ты у земли,
Озирая волны хлеба,
Что от ливня полегли?
Может быть, немного неба,
Незаметного в пыли.

По оврагу пройдешь — не заметишь травы,
В жаркий полдень заснешь под шатром синевы,
И проснешься в пути, может быть, через год,
И в пустыне тебя слабый голос толкнет.
В этом голосе жил нестихающий страх,
Этот голос горел на незримых кострах.
И когда он звенел, и когда угасал,
И над письмами плыл, и в словах воскресал,
Все хотелось продлить золотеющий день,
И прогнать, растопить неотступную тень.
Но когда этот голос несли провода,
Становилась прозрачней речная вода,
Было небо синее, моложе трава,
Жизнь была бесконечна и мать не жива.

ДЛИННЫЕ СТЕНЫ

На длинных стенах — времени отстой,
Блаженный, жидкий, розовый и рыжий.
Заката промежуток золотой,
Он повторится. Может быть, в Париже.

Посольский переулок, луч впотьмах
И часового сон широкоскулый
Вернутся на Маркизских островах
И вспенятся под плавником акулы.

Но ты опять уступишь языку,
Где, родины своей не покидая,
Перемигнулись в «Слове о Полку»
Созвездья Рима с жемчугом Китая.

И никогда тебе не побороть
Под скрипом пальм и шорохом еловым
Покорную, расплавленную плоть,
Мгновенье воскрешающую словом.

Александр КАЛАНДАДЗЕ

НЕЙШНЕВСКАЯ КЛЯТВА

Р о м а н

Днем Эрекле занимался государственными делами, осматривал крепости, по ночам — читал, занимался науками, дважды в месяц выслушивал секретные донесения о разбойных нападениях и настораживающих действиях князей, ложился поздно и спал не более четырех-пяти часов.

В тот вечер он зачитался новым переводом. А когда, прочитав молитву, собирался уснуть, его посетил дворцовый настоятель.

— Отец Крестесиа, что привело тебя ко мне в столь поздний час?

— Тебя грозятся сжить с лица земли вместе с женой и детьми, мой государь.

— Помилуй, что ты говоришь, отче, никогда не поверю. Я жертвую собой во имя Грузии, чего еще могут хотеть от меня? Что содеял я, кроме добра?

Священник перебил его:

— Царевич Паата одурманил не только некоторых из князей, но даже царевича Давида.

— Паата? Быть не может! Что надо ему от меня? Голого, голодного скитальца привез я сюда, принял с открытым сердцем, дал кров и хлеб, ничего без него не предпринимал. Говоришь, и царевич Давид туда же? Что я слышу? Мой воспитанник Датуна? Лелеемый, как родной сын, всегда неразлучный со мной?

— Это так, государь, и время не ждет.

— Когда собираются они свершить свое злое дело?

— Скоро, мой государь. Кое-кто из верных ему людей уже появился в городе. Мне поведал на исповеди Датуна-ткач, муж Маринэ, кормилицы вашей Кетэван.

Окончание. Начало в №№ 9—11.

Паата поделился своими планами с родичем — Барамом Орбелиани, а тот, оказывается, со своим слугой, ткачом Датунной: мол, жена твоя — кормилица царицы, ты пользуешься во дворце доверием, помоги моим людям войти внутрь, ведь карталинец, прогоним кахетинцев, а там, когда сяду я на царство, пожалую тебе азнаурство и лучшую из деревень. Не думай, я не один, со мной Дмитрий Амилахвари, Элизбар Тактакишвили, Глаха Цицишвили и многие другие.

По Кахети разослал он с Датунной письмо верным своим людям.

Датунна признался во всем жене и письма показал, зашитые в архалух, — «Скорее, надо сообщить царю!» — вскричала, оказывается, Маринэ. Пришел Датунна ко мне, открылся, достал письма — ждут, сказал, когда поправится Дмитрий Амилахвари, и тотчас начнут.

— Где сейчас Датунна?

— Тут, государь.

Вошел молодой, пышущий здоровьем крестьянин, упал перед царем на колени.

— Верно ли то, Датунна из Самшвилдэ, что говорит священник Крестесиа?

— Да, государь.

— Тогда встань, притаись в углу у окна и оставайся там, жди.

Эрекле прочел письма Пааты. Ясно — пощады от них не ждать.

— Никогда больше не обратятся ко мне их сердца, — вздохнул он и отпустил священника.

Он тотчас послал Дзаглику Цхраперангишвили с офицерами царской охраны и стражниками собрать войско. Вельможам Картли повелел немедленно явиться во дворец.

Войско Чолокашвили, стоявшее наготове, чтобы выступить против кочевников, было послано в Цхвило — занять Саамилахваро и предупредить намечавшееся восстание.

Город заполнился преданными царю людьми, в дворцовые ворота шумно въезжали срочно вызванные карталинские князья — каждого провожали в гостиный дарбази. И каждый, обращая взгляд на других, терялся в догадках — что же произошло такое, если всех их до единого созвал сюда царь. Здесь, среди прибывших, находились и заговорщики, царь знал об этом, но виду не подал — если гоняться за всеми, далеко не уедешь.

Царь не вышел встретить вельмож, и многие увидели в этом недоброе предзнаменование.

Прошло немало времени, прежде чем распахнулись двери и личный оруженосец царя ввел к царю бекаула-князя Георгия Эристави.

То, что он увидел здесь, привело Эристави в растерянность. В нише с раздвинутыми занавесками покоилось перед иконами евангелие, по правую сторону царский духовник держал в руке крест, чуть поодаль стоял с грозным лицом царь. По углам, положив ладони на рукояти кинжалов, замерли двое стражников.

Бесстрашного Эристави охватил трепет.

— Верен ли ты мне? — сурово спросил Эрекле.

— О чем вы говорите, мой государь! Пусть разверзнется подо мной земля и поглотит меня, если усомнились вы в верности моей.

— Способен ты пожертвовать ради меня своей кровью?

— Троицей святой клянусь, ничего не пожалею для вас, последней каплей крови своей пожертвую.

— Тогда подойди, дай клятву на кресте и евангелии, что исполнишь все, что ни прикажу.

Когда Эристави принес пламенную клятву верности, царь повелел:

— Сейчас, вооружившись, выйдешь ты со всей своей свитой и окружишь дом царевича Пааты. Из дома никого не выпускай. Осмелившийся ослушаться не минует моего гнева. Отнимите ружья и прочее оружие. Если станет расспрашивать, отвечайте, что ничего не знаете.

Чиновник вывел Эристави в другие двери, чтоб никто ни о чем не догадался.

Такую же клятву поодиночке дали и остальные, после чего царь разослал всех: одних — схватить царевича Давида, других — Элизбара Тактакишвили, третьих — Глаху Цицишвили.

Было далеко за полночь. Эристави окружил дом Пааты. Искатель царского достоинства почивал. Его взяли запросто, обезоружили, приставили охрану.

Так же легко был взят и царевич Давид. Азнауров, горожан, всех заговорщиков заковали в кандалы и бросили в Метехскую крепость.

К Димитрию Амилахвари направились пятеро князей с конниками.

— Я давно уже прикован к постели, вам нетрудно будет расправиться со мной.

Но пятнадцатилетний Александре схватился за кинжал:

— Отец, братья! Умрем, лучше смерть, чем такой позор!

— В одиночку собираешься одолеть государя? — крикнул на него отец.

Когда все было кончено, Эрекле вышел к давшим клятву вельможам и сказал:

— Теперь можете идти, но о том, что видели и слышали, — никому ни слова.

А рано утром он послал нарочных-сороходов и призвал в Тбилиси князей и дворян Картли и Кахети, а также особо уважаемых крестьянских семей, сам же поехал к Антонию, прихватив с собой ткача Датуну.

Весть о заговоре громом поразила католикоса — заговорщиками являлись любимые им люди и ближайшие родственники. Такие массовые аресты с наказанием стольких виновных не принесут пользы стране, но лишь обострят недоверие, окрылят врага — внешнего и внутреннего.

«Желтое чудище», наводившее на всех ужас, нарушающее покой Антония с юных лет, уничтожение которого было

целью всей его жизни, поднимало голову, обретало силу, готовясь поглотить его отчизну...

— Ты апостол, да будет благословенно чрево, породившее тебя! — обнял Антоний Датуну-ткача. Он сознавал, что значила для Эрекле его самоотверженная преданность. Это страшное событие послужит уроком скрытым врагам. Внутренний враг — капля дегтя в незапятнанной истории сынов Грузии — должен быть беспощадно уничтожен. А это значит Антонию предстоит быть безжалостным к двоюродному брату, племяннику, семье тестя, ко всему роду незабвенной Анино. Снова предстоит ему растоптать это роковое семя, порождающее предательство и коварство. Снова придется проявить чуждую ему, слугителю церкви, жестокость. И всегда должен он помнить, что рожден быть царем, но не монахом-пустынником. Ни один мускул в нем не должен дрогнуть, когда его любимцу, его Датуне, без которого он не мыслит прожить и дня, отрубят голову. Он первым должен потребовать для него казни, ибо он — тихий, скромный, такой талантливый и храбрый его племянник — и есть то самое «желтое чудище», которое жестоко ненавидел он больше всего на свете. Ему предстоит обречь на смерть прекрасного, наделенного знанием, щедро одаренного, но несчастного со дня своего появления на свет двоюродного брата — Паату, достойного украсить трон любой страны, потому что он — голова и сердце того проклятого чудища.

Тбилиси заполнился народом, съехавшимся со всех сторон. Все — в ожидании чего-то страшного, все шепчутся об арестованных, но причина ареста неизвестна никому.

Целых пять дней молчал царь, нигде ни показывался. Пять дней ожидания царского гнева для подданных непосильная пытка.

На шестой день последовал приказ Эрекле: завтра вечером всем без исключения духовным и светским лицам явиться во дворец.

И собрались: Антоний со своими архиереями и архимандритами, военачальники, картл-кахетинская вельможная знать, Яблоку негде было упасть ни в дарбази, ни на широких лестницах.

Появился царь. Мрачнее тучи. Сел. Безмолвно, никого не приветствуя.

В этой кладбищенской тишине ввели узников, поставили перед царем.

Опустился перед народом Эрекле на колени, молвил:

— Вельможи всей Грузии собрались сегодня здесь, и вот не как государь стою я перед вами — как проситель, моля — считайте, что не царь я ваш, а простой смертный, и не прощайте мне ничего. Говорите все, как сказали бы перед богом. Я молю, чтоб вершили вы праведный суд надо мной и над ними, — простер он руку в сторону узников. — Спросите, что надобно им от меня, чем провинился я перед ними, почему задумали они уничтожить меня и всю семью мою! Вельможи Грузии! Народ мой! Богом вас заклинаю: если видите вы человека, более чем царь Эрекле преданного стране своей, во имя счастья Грузии я тотчас благословлю его на царствие короною моей.

Но если нет такого человека, чем же тогда неугодны вам и семья моя? Это не пустые слова, прислушайтесь, взвесьте все! Пусть мдиванбег зачитает вам их письма.

Мдиванбег стал громко читать письма Пааты. Не закончить чтение, как забушевал народ, блеснули выхваченные из ножен кинжалы тушин, пшавов, хевсур, готовых тут же искромсать заговорщиков.

— Остановитесь, успокойтесь, горцы! — раздался призыв Эрекле, и когда воцарилась тишина, усталый, с отражавшим муку лицом, государь вышел в спальные покои.

Поднялся и Антоний. Язык не повиновался ему, и трудно было собраться с мыслями. Лицо его покрывала бледность, губы дрожали. Сейчас он должен обратиться к виновным, но выше его сил смотреть на них. Он устремил в пространство невидящий взгляд, отражавший скопившееся в сердце давнее горе:

— Какую Картли оспариваете вы у Эрекле? Где она, Картли? На кого вы ее оставляли? Кто ее спас? Картли для Эрекле — нелегкая ноша! Недужная она, но он безропотно тащит на своем горбу и будет нести свою ношу до тех пор, пока не избавится она от хворобы. Способны ли вы на все то, что по плечу Эрекле: сумеете ли дни и ночи не выпускать из рук меча, сутками напролет находиться в походах, спать на холодном камне, заботиться о каждом подданном? Если вражда между Кахети и Картли будет продолжаться и дальше, ее жертвой станет вся Грузия — всех и вся погубит она!

Ничто не необходимо нам так, как единство!

Брат мой Паата! Любимый брат мой! Что заставило тебя пойти на это, почему ты так поступил? Что одурманило тебя? Почему без ножа зарезал нас, отравил жизнь своим ближним? Сын мой Давид, Датуна, свет очей моих, для чего предал ты нас, почему изменил Эрекле, воспитавшему тебя, простившему твоему отцу обречение Картли на истребление и гибель, встретившему тебя с открытым сердцем, привязавшемуся к тебе и полюбившему тебя?

Выряженный во фрак, в щегольских штиблетах, Паата оставался спокоен, и невозможно было понять, слушает или нет он католикоса.

Высокий, хрупкого сложения, осунувшийся от горя Датуна Багратиони незаметно сглатывал слезу.

— Довольно, разбойник! — загромыхал восьмидесятилетний старец Элизбар Тактакишвили, всю свою юность проведенный в кровопролитных картл-кахетинских войнах. — Ты — проигравший свою жену в кости! Продавший свой трон! Продавший весь род свой! Ты, объявивший доносчика апостолом! Ты позабыл все доброе, ты — безбожник и жалкая игрушка кахетинцев!

Народ содрогнулся. Величественный, убеленный сединами Элизбар Тактакишвили, измученный, истерзанный любовью, обнял Паату, пал перед ним ниц, коснулся устами его колена.

— Он — сын царя Вахтанга, его признаем царем! Диву даюсь, как могли забыть карталинцы о своих правах и чести, как не изгнали до сих пор силой водворившегося на троне ка-

хетинского разбойника! Зовите сюда — куда подевался отец Кахетии и отчим Картли?!

Накануне Ниниа Папуашвили привез из Ксанского уезда, где укрывал их от черной чумы, жену и детей.

Сметающая все на пути чума опустошила страну настолько, что по совету горожан царь, пожаловав щедрые дары, заранее благодаря и заверяя в безмерном своем уважении, просил разрешения вывезти на время из армянского монастыря в Эчмиадзине священное «Копье Всевышнего» с тем, чтоб возложили его вартапеты в Сионском кафедральном соборе как надежду всенародную. Дабы не покусилась чья-либо злая рука на святыню, днем крест покоился в Сиони, а ночью его переносили в церковь Ванки. Черная чума шла на убыль. Кинувшиеся было спастись от нее бегством постепенно возвращались в город.

Скоро «Копье Всевышнего» столь же почтительно и торжественно вернули в монастырь, однако вспыхнула эпидемия оспы.

На сей раз царь доверился обученным в Европе эскулапам — приказал в обязательном порядке провести среди населения прививку. К счастью, именно в тот день, когда приступили к прививкам, в день удивительно спокойный и ясный, произошло такое сильное землетрясение, что народ потребовал нового водворения в храм «Копья Всевышнего».

Эрекле, не обращая внимания на слезы и рыдания, выставил на улицах паличников. Есаулы хватили и старых и малых, а прославленные в городе лекари — Антон Карашвили, Татула-армянин и патер Никола делали сопротивлявшимся упрямам прививку.

Вечером к Нинии в гости заглянул Шио Сидамонидзе. После Аспиндзской битвы они не виделись и очень обрадовались встрече. Предались воспоминаниям, и перед взором их встали незабываемые события минувших дней. Наконец заговорили о тяготах, выпавших на долю их и страны.

— Не стану скрывать от тебя, доконал меня гнев Эрекле, всю душу царь мне вывернул.

— Чего же он хочет?

— Устал, мой Ниниа, государь. Много тягот и зла вытерпел, много горя, много измен видел и уже не доверяет никому.

— Всему тот иаранал виной! Если приключились с Грузией беды, в том его лишь вина.

— Думали мы, улеглась суматоха, поднятая им, а как бы не так. Нынче сказал Львов царю — нанеси новый удар паше. Сделал своим союзником Эрекле вождя Хертвиси, собрал ополчение, захватил сильнейшую из крепостей атабега, выставил в ней свою крепостную стражу. Но сказал Львов снова: не выставляй своих часовых, ненароком явятся османы, отобьют, и ляжет тогда на нас позор. Отошел Эрекле — кинулся за нами в погону паша, и вот, — ты сам видел — что он с нами сделал. Одержал все-таки победу Эрекле, но до то-

го чего только с нами не приключалось. Колеблется царь Эрекле, никак не решит, куда ему следует идти. Ушел в минувшем году вместе с Соломоном в Ахалкалаки и очутился лицом к лицу с врагом, один.

Послав сына и брата к императрице, он отправил Энасколопашвили послом к султану. Многие с ним не согласны. Он сомневается во всех, даже в представителях рода Мачабели, а тут еще кто-то донес, что я друг эристава.

— Ты — и изменник царю Эрекле?!

— Его не переубедить. Он пожаловал в Кахети и на Иори был — ниже Каписи. Потом прибыл в Твали. Полотенце стамбульское, кошелек плетеный золотой нити и другие мелочи преподнес я ему. Меня пугала справа. Последовал я за уходящим войском. Меч и оружие повесил на мальчишку. Сел я на коня в наряде приговоренного к наказанию — нагишом. Увидел меня на Мцхетском мосту, царь, пришлась ему по душе моя проделка, и он милостиво допустил меня к целованию колена.

— Как же нам быть в лапах стольких врагов, если паранал со своим войском совсем бросил нас?!

— Помалкивай, ведь и стены имеют уши...

— Помню, во времена Теймураза много золота, серебра да драгоценных камней с жемчугами было у наших князей и дворян, и куда только все подевалось?!

— Царь наш на одно мужество уповает, но разве же это достаточно?

— Достигло это его ушей, и разобиделся он очень. Выклянчиваем у государыни тысячу туманов на создание двух батальонов, тогда как в прошлом году наш Тер-Гукашвили внес в тегеранский банк несметную кучу золота. А на них такое войско можно бы сколотить — не то что кызылбашей — османов в рабов своих обратили бы. Царь только дивился — как нашлась в моей стране такая сумма? Советовали ему — наши это деньги, отбери у него. Но вознегодовал царь — не могу, мол, купеческий народ обидеть. А купцу-то этому что? Ему каждый грош через месяц обернется туманом. Мы урожай снимаем, хлеб добываем, а торгуют другие, виноградники наши в чужих руках, и вино наше тоже другие продают, а ничего-то больше у нас и нет, и ходим мы потому в отретьях.

— В минувшем году ученый немец приезжал из Петербурга, дай бог памяти — не припомню, как его величали... Меня и мой отряд царь с ним отправил, в службу. «Богаты вы несметно, а живете бедно», почему, мол? Удивительные и замечательные залежи обнаружил он в Ахтале, приволокли мы оттуда двенадцать вьюков земли, получилось из нее тридцать литров свинца да серебра тридцать золотников.

— Золота, серебра, меди, свинца, железа у нас много. Выписал царь греческих рудознатцев и плавильщиков, вот и поглядим.

— Очень не понравился ему тбилисский ружейный порох. Удивился, что толкут его в деревянных ступах.

— Всем этим заправляет Исайя Такуашвили, крепостных заставляет работать. Что путного может тут получиться?

35340
02.01.1933

— Похвалил наши лезвия, дескать, нигде в Европе таких не делают, и, уезжая, ничего другого в дар не пожелал.

— Еще хвалил очень воды наших бань — от многих лезней-де исцеляют — от желтухи, от воспаления суставов.

— Э-эх! Теперь бы нам все, а когда пометим, много чего после нас появится.

— Чуму, оспу и лихорадку он объясняет нечистоплотностью, грязью. Просил его царь, останься у нас врачевателем и горноискателем, так нет же — не согласился. Потрудился в меру своих возможностей и отчалил.

— Ну и глупый же мы народ, Нинна, хоть и немалый. Всяк в свою сторону гнет да тянет!

— Гм, ничегошеньки я не разумею!

— От моих деревень дохода пока никакого. Что ж делать? Пока не хочу облагать крестьян налогом, иначе хочу успокоить, — еще взбунтуются, чего доброго!

— И все-таки не след корить царя Эрекле — в лютое время пришлось ему царствовать.

— Никто и не корит. Самый кровавый из его врагов, и тот дурного слова о нем не молвит. Немало сделал он для исправления нравов грузин — работоторговлю запретили.

— Многих еще продают, а когда они плачут — утешают: скоро станете египетскими бегами!

— Неужто всевышний хочет погубить Грузию? Неужто закатилось ныне светило, чтоб никогда больше не взойти? Неужели навек угасла надежда? — бил себя по голове Антоний, узнав о внезапной кончине царевича Леона.

Вернувшись из России, Антоний уже не представлял будущего Грузии без Леона, и смерть царевича повергла его в отчаяние. Всегда сдержанный, он плакал навзрыд, не стесняясь даже царевичей.

— Погибла Грузия, и ничто ей уже не поможет, — рыдал он, как рыдает над сыном мать. Он со слезами взывал к богу, писал скорбные стихи, рассылал полные печали письма.

«Мир лишился такого человека... Ни смерть матери, ни смерть сестер, ни другие потери не пронзали такой болью мое сердце.

Отрока, подобного Леону, еще не видела земля наша — не было равного ему ни всадника, ни храбреца, ни мыслителя.

Говорил, оказывается, паша Сулейман: в годину старости Ираклия была у Грузии надежная завеса, с четырех сторон надежно прикрывающая ее, но пала она, и нет ее боле у Эрекле-царя!

Год не снимали в Грузии траур по царевичу Леону. Распадалось постепенно его «дежурное войско». В годовщину смерти умерла от родов героиня Чартискари Кетэван, жена царевича Георгия.

«Теперь уж окончательно погибла моя семья», — со слезами вырвалось у царя Эрекле.

От скорбного колокольного звона содрогнулась страна... Из Тбилиси и до Гареджи несли на руках Кетэван. Последний путь ее был усыпан срубленными ветвями, убитым зверьем и

птицами — то был символ непрочности мира сего. Она была погребена у восточных врат большого храма Иоанна-благовеста, рядом с могилой некогда постригшегося в монахи царя Александре...

Над царским дворцом в Телави, где собралась высшая знать Кахети и Картли — светская и духовная — на торжественное празднование годовщины открытия семинарии, занималось майское утро.

Телавская семинария, созданная Антонием по структуре Московской славяно-греко-латинской академии, могла считаться высшим учебным заведением. В ней выработан был свой, национальный устав и программа. За счет сокращения часов уроков богословия Антоний заострил внимание на изучении математики, физики, геометрии, грамматики, истории. Грузины, получившие образование в Европе, говорили: семинария станет в его руках университетом. Он и впрямь лелеял мечту о создании грузинского университета и даже разработал проект основания в Гори высшего учебного заведения. Из иностранных языков, наряду с греческим и латынью, там должны были преподаваться русский и французский.

В Телавской семинарии он осуществил многие из своих просветительских замыслов: учиться надлежит всем, независимо от происхождения и сословной принадлежности, доступ в семинарию открыт детям из любого края Грузии. Ректором нового учебного заведения Антоний назначил одного из своих учеников — архимандрита Гайоза, члена дискатерии, окончившего Московскую духовную академию.

На торжество прибыло большое количество образованных грузин, многие из которых получили образование в учебных заведениях России и Европы. Лет десять-двадцать назад об этом нельзя было и мечтать.

Сверкали очарованием и нарядами благовоспитанные и знатнейшие дамы своего времени.

Были здесь высочайшие государственные советники и чиновники, а также епископы, митрополиты, архимандриты, настоятели...

— Историю этой книги мне поведали здесь! — говорил одетый по-европейски доктор барон фон Рейнегс — с напудренным, изъеденным оспой лицом и в черных очках — Соломону Леонидзе и Чабуа Орбелиани.

Настоящая его фамилия Элегх, ему было около сорока. По происхождению он саксонский гражданин, изучил в Лейпциге медицину, не избежал модного недуга — страсти к алхимии — был замешан в темных делишках, и вот — укрывался на Востоке, где был известен как «барон фон Рейнегс»... В Венеции и Вене он успел побывать актером балаганной труппы, изучил турецкий, потом перебирался из Константинополя в Смирну, оттуда в Арзрум и Карс, пока не нашел приюта в Эчмиадзинском монастыре у армянского патриарха, откуда и пригласил его Эрекле в качестве врача в Тбилиси.

Он сумел за короткий срок сблизиться с царем, и в благодарность за излечение царевича Георгия тот определил его

на службу и поручил выписать из Венеции типографию. На монетном дворе барон обучал мастеров технологии получения драгоценных металлов.

Вскоре «барону Рейнегу», в совершенстве овладевшему к тому времени и грузинским языком, Эрекле пожаловал Нижний Болнис, но дольше скрывать свою безнравственность и алчность «барону» не удалось — у него случилась неприятность, после чего он принял григорианство и отправился на жительство в Эчмиадзин.

Чиновникам государыни императрицы было прекрасно известно обо всем, происходившем при дворе царя Эрекле: кто прибывал, кто отбывал. «Барона» вернули с дороги и определили к генералу Потемкину.

В связи с обострением отношений с османами и новыми военными планами при императорском дворе опять вспомнили о Кахети и Картли. Вспомнили и о представленном десять лет назад Антонием и царевичем Леоном «покровительственном» договоре.

Рейнегу пожаловали чин полковника с тем, чтобы он возвратился в Грузию и посоветовал Эрекле снова просить приема под покровительство России с представлением проекта соответствующей клятвы и «просительных пунктов»...

Объявившийся в лике посла «барон» натолкнулся на сопротивление молодых дипломатов. Чабуа Орбелиани и Соломон Леонидзе советовали царю воздержаться до поры до времени от решения этого вопроса. Будущее Грузии мыслилось ими в объединении грузинских царств и княжеств, но не во вмешательстве внешних сил.

Рейнег был заметно встревожен и раздражен, промедление царя его настораживало.

— Любим мы царя и католикоса Антония очень, однако не сегодня-завтра страна останется на нашем попечении — и нам, кому сейчас всего двадцать пять — тридцать лет, следует поразмыслить о судьбах родины.

Немец окинул Чабуа Орбелиани, царского советника, ироническим взглядом и едва не бросил ему в лицо: «Не ты ли намерен исправить необдуманный поступок царя?»

— Союз этот навеки отторгнет Грузию от азиатской тьмы и приобщит к европейской культуре. Но не думайте, что императрица допустит воссесть на троне Картли потомкам Вахтанга — не жалует ее величество царевича Александре.

— И мы, любезный посол, не против дружбы и братства, однако следует хорошенько рассудить, прежде чем принять решение. Наш соотечественник, окрыленный свободой и горными просторами, одинаково смело встречал и радость и беду. Он высосал мозг у персов, пережил Римскую империю, как говорит Плиний, и Византию, и уцелел сам, спاسся от врагов, возжаждавших уничтожить его. Враг не страшен нам.

— Изнемогла и отстала Грузия! — с фальшивой озабоченностью посетовал Рейнег.

— Столь благоустроенное царство, как Грузия, имеющее свое вероисповедание, церкви, монастыри, советников, науку и искусство, пуг и ниву, сев и жатву, обладающее столь бли-

стательным и прочным царским престолом, князьями, дворянством и духовенством, богатое ружьем, пушками, отвагой и стойкостью народа своего, может ли потерпеть владычество над собой? И все-таки союз пойдет на пользу нам, чтоб поддержать победу над злом общими силами.

«Жалкие азиаты! — улыбнулся посол. — Неужто не разглядели, что дело ваше пропащее! Екатерина и император Австрии заключили союз о взаимопомощи. «Греческий проект» Потемкина вскружил императрице голову. На ее знамени реет двуглавый орел, а эта удивительная птица когда-то украшала герб Византии».

Соломону и Чабуа вспомнился последний «царский совет», где обсуждали вопрос о «покровительственном договоре». Тогда разгорелся крупный спор: довольно, — настаивали многие, — наконец-то наступил покой, наконец-то вернули доверие соседям, и незачем нам искать новые пути...

А царица Дареджан просила Чабуа: «Я готова на союз с Россией, если на царство благословен будет мой родной сын Юлон, но не пасынок мой и не его дети».

— Нет, царица! — ответил тот. — Не могу быть изменником царю и советовать злое, я — сын своей страны и верный слуга государя!

На пятый день царь вызвал из Кизики войско, чтоб прогнать с Зедазенских гор лезгин. Но они прочно засели в развалинах крепости и за крепостными оградями. Кизикцы не посмели атаковать их и возвратились ни с чем.

Вздохнул тогда Эрекле: «А еще говорят мне — не зови в помощь русских. Будь мы единым царством — никому бы нас не одолеть!».

Когда царь, царевичи, члены их семейств, католикос, архиерей заняли свои места, хор семинарии грянул «Царствие небесное!..»

Слушатели семинарии прочли вирши собственного сочинения, сложенные в честь Эрекле и Антония, стихи Антония, отрывки из его проповедей. Все это перемежалось песнопениями семинарского хора.

Зачитали приветствия царей, царевичей, архиереев, после чего ректор, поднявшись на кафедру, произнес хвалу царю, его верноподданным и науке...

Ректор говорил долго. О прогрессе в стране, об обновленных деревнях и селах, о мире, об умножении числа ученых и художников, о заслугах Антония.

Печально и тихо слушал Антоний. Муки его и заботы не кончались на этом — все сделанное им лишь капля в море по сравнению с тем, что еще предстоит сделать.

Царевич Георгий, не дождавшись даже сороковин вседостойнейшей супруги своей, сбросив траур, сочетался новым браком...

Леона давно нет среди живых... Во дворце — интриги. Зятья царя, царевичи, царские чиновники не считаются с законами...

После выступления ректора разгорелся целый диспут в грамматике. Когда страсти поутихли, была прочитана лекция: «Об различии науки от невежества»... Празднество завершилось песнопениями и театральными представлениями.

Стараниями искателя царского звания взаимоотношения страны с соседями столь обострились, что барону Рейнексу не пришлось прилагать особых усилий: Эрекле возобновил «Положение о вхождении Грузии под покровительство России» и послал императрице «просительные пункты».

Двадцать четвертого июля 1783 года на Северном Кавказе в Георгиевской крепости именем императрицы граф Потемкин и уполномоченные царя Эрекле — Иоанэ Мухранба-тони и Гарсеван Чавчавадзе подписали «Дружественный договор» — «Трактат о союзе». Титул Эрекле: «Царь Картли, царь Кахети, наследник-владелец Самцхе-Саатабаго, князь Казахи, князь Борчалинский, князь Шамшадала, князь Шаки и Ширвана, владетель и повелитель Ганджи и Эривана».

Императрица давала обещание, что Эрекле будут возвращены те части Восточной Грузии, владетелем которых он упоминался в вышеназванном титуле.

Привезли из России знаки инвеституры: корону, скипетр, порфиру, знамя. И для католикоса: крест бриллиантовый на чело и панагию бесценную.

Ректор Гайоз произнес в Сионском соборе слово в честь вхождения Грузинского царства под покровительство Российской империи.

«Уважим это великое дело, будем чтить сие благотворительное предприятие боголюбивого царя нашего и владетельницы обширнейшего государства — императрицы Екатерины Алексеевны, повелительницы Руси, которая под своим предводительством переступила через горы Кавказские и пришла к нам на помощь».

Перекинули мост через Терек и вошли в Тбилиси два егерский батальона с четырьмя пушками.

Тбилиси встретил союзные войска фейерверком и приветственными возгласами:

— Слава возлюбленному Христом войску!

Прибыл с батальонами назначенный резидентом Грузии инженер-полковник Степан Данилович Бурнашов, сменивший барона фон Рейнегса.

Главнокомандующий кавказскими войсками генерал-поручик Потемкин поручил откомандированному к царскому двору Кахети, Картли и Имерети Бурнашову восстановить и укрепить крепости и составить стратегическую карту этих краев.

Престолонаследником признан был царевич Георгий, которому пожаловали орден Александра Невского.

Не понравилось это братьям, невесткам и зятьям и их многочисленным близким. Недовольной осталась царица.

Возник повод для пересудов среди подавленных было противников — отпрысков упраздненных княжеств, семей казненных, завистников, направленных против активных участников заключения договора... Одни говорили — обманываются грузины, изменяют себе. Другие — продали, мол, предательски страну и престол, и ждут вознаграждения. Глядите — вот и завершил царь дела свои и гибель Грузии. Не по силам было ему править страной, и несет она за него тяжкое наказание. Вырвали у него согласие! Мы побеждены внутренним врагом! Меч грузин закален в битвах и войнах, так неужели ничего лучшего не могли придумать!

- Во имя Каргли сделано это!
- Не хотим никого!
- Хотим братства с русскими!
- Хотим оставаться сами собой!
- Угробили Грузию!
- Все дело рук католикоса!
- Ничего особенного не произошло — был Иран, теперь будет Россия!
- Все останется по-прежнему!
- Это западня!
- А потом — щелк!

...В соответствии с «Договором о союзе» императрица потребовала у дагестанского хана Фатали выдачи генералу Потемкину, как подданных России, царевича Александра Бакаровича и Александра Амилахвари.

Фатали-хан возмутился: как предать гостей?!

Потемкин послал ему подарок — пятьсот туманов и золотую табакерку.

Фатали-хан без слов отослал «гостей» Потемкину.

Неугомонного соискателя трона бросили в Смоленскую тюрьму. Амилахвари — в Выборгскую. Так, легко и быстро, завершилось это таинственное деяние, унесшее за собой много горя и много надежд.

По поводу «покровительственного трактата» императрица Екатерина писала генералу Потемкину: «За грузинские дела прими еще раз мою благодарность, ты мой верный друг. Сколько дел — и за столь короткий срок! На зависть Евropy взираю спокойно! Пусть себе болтают, что заблагорассудится, мы же — делаем свое...»

Неужель не ведаешь,
Что любовь, которую я питаю к тебе,
Как цепь червонного золота,
Не разомкнет ничто,
Кроме сияния небесного...

Антоний.

Антоний почувствовал недомогание. Приехав из Мцхета в Тбилиси, он слег в постель.

Он уже давно был тяжело болен. Однако размеренный образ жизни, ограничение в еде и сила воли помогали ему сохранять трудоспособность.

Двадцать лет назад он ощутил приступообразную боль в правом боку, в области печени, а в последние годы участились подлопаточные спазмы. На теле и лице появилась багровая сыпь. Надежды на выздоровление он никогда не терял, однако почувствовал — на этот раз жизнь его, пожалуй, кончилась.

Временами боль притуплялась, и тогда на смену ей приходили расплывчатые мысли — воспоминания чередовались с печалью и горем от сознания беспросветности и неудовлетворенности. Будто был он не болен, а лишь утомило его тяжелое, продолжительное, безрезультатное путешествие.

Он лежал с раскрытыми глазами и думал: уничтожить вражду и раздор мне не удалось; зависть и недоверие не развеял: не смог я избежать ни крови, ни слез ближнего. Для чего же тогда явился я в мир?

Что оставляет он своему народу? Какую пользу ему принес, какова цена содеянного и сотворенного им?

Слезы наплывали, когда думал он — вот и промчался мимо, быстро и незаметно, преходящий мир, и истек отмеренный ему в этом мире срок его бытия. Как же мало расстояние, отдаляющее детство от старости, и какой радостью сверкнули для него годы юности. Какими любимыми предстают перед ним лица ушедших уже в небытие; как причудливо манит его желание присоединиться к ним, и как поразительно разны приход в эту жизнь и расставание с нею!

Порой слышался ему материнский голос, успокаивающий и утешительный. И в этом было единственное его спасение, когда обреченные им люди являлись из мрака небытия, осуждая его и упрекая...

И появлялась напоминанием счастливейших его дней, проведенных на этой земле, бледнолицая и милая белокурая гостья-девчушка...

На десятый день болезни Антоний выразил желание причаститься. Митрополит Германэ, справив молебен в Анчисхатском соборе, вышел со святым потиром — свершить обряд причащения.

Антоний ожил. С помощью близких сел в постели, умылся, расчесал волосы и бороду, застегнул на все пуговицы платье.

Германэ, пострадавший некогда вместе с ним за «унию», разразился слезами и, рыдая, выбежал вон.

— Завещание! — слабым, но чистым и четким голосом распорядился Антоний.

Когда подали ему свиток-завещание, с тихой покорностью покидающего сей мир взял он его в руки и внес несколько дополнений об увеличении суммы на учебные заведения.

Потом надел поручь, накинул амфору и сам причастил себя святых тайн.

...Рыдали, били себя по голове...

— Не надо слез. Молитесь за меня, грешного, ибо я смертен, и наступил ныне мой черед.

К умирающему ввели семинаристов. Молодыми ветвями и первыми цветами весны убрали они келью и начали песнопение по тропарю и по служебнику.

Приятны были его слуху светлые, звонкие голоса.

«Я умираю, но жива моя Грузия... Этот мир покидают не удовлетворенными не в страхе перед смертью, но ^{недовольны} ми несбыточностью надежд.

На нас — ничему не конец. Всем — свое время, у каждого — свой долг. Каждый может заботиться, созидать, улучшать... Быть может, больше и лучше, чем мы. Мы же, кроме содеянного, не сумели ничего».

Семинаристы внесли переписанные ими научные труды Антония и его стихи. «Драгоценный камень», «Готовое слово», «Грамматика», «Физика», «Риторика», «Основы новой философии», «Мерная речь», «Метафизика» и еще много и много других... Аккуратно сложили одно на другое, а стопку эту увенчали надписью, сделанной заглавными буквами и завершающуюся концовками и орнаментом:

«Имел я досуг от добрых дел и не было мне досуга от служения родине... Не вычеркните же имя мое из книг сих, и да будет оно с добротой и любовью упоминаемо...»

В этих книгах заключены были вся жизнь его и сила, радость и любовь, думы и мечты... Надежды... все, что оставалось ему в этом мире, что оставалось им родине, что смог он создать, все — что успел...

Пригодится ли? Полезно ль? Станет ли для родного народа хоть одной самой малой ступенью на дорогах его продолжительной и многострадальной жизни?

— Пусть бог воздаст вам!

Беззвучно, шепотом повторял: «Помилуй мя, боже, великим милосердием своим, очисти мя грешного. Спаси, владыко народ твой и благослови владения свои; даруй победу крестом своим народу нашему, пребывающему под покровительством твоим, над барбаросами, и защити правительство и войско его заботой своей, чтоб могли мы глаголить и впредь — слава тебе, господи!..»

Едва коснулся Тбилели его пульса и запечатлел лобзание на его руке, как на пороге возник царь Эрекле, облаченный в боевые доспехи.

Он остановился у смертного одра... Несколько минут недвижно смотрел на удивительно покойное, бледное лицо, и казалось ему, что умирающий чувствует — Эрекле здесь, в его изголовье...

Эрекле резко повернулся...

Владетель Хундзаха Омар-хан, Сулейман-паша, Гангати Али-султан, верховный судья Ахоши, Абдулла Рапи-оглы с тридцатитысячным войском вторглись в пределы Грузии, перешли через Урдо, окружили Кварельскую крепость. И если он со своим наспех сколоченным шеститысячным войском не поспешит, они разорят его страну.

И тут он ощутил, что остался совсем один. Вот ушел, последовал за Леоном и Антоний — и никого уже у него не оставалось. Эрекле в последний раз оглянулся и на еще теплых устах побратима прочел невысказанное:

«Грузия — жизнь моя»...

Перевод Аллы ПЕРИМ

Теймураз МАМАЛАДЗЕ

ОТ ИНГУРИ ДО АНГАРЫ ————— Очерк

Удивительные речи звучали в аэропорту Усть-Кут летом 1974 года.

— Послушай, ты устал? Я свеж, как в начале пути. А ведь мы пролетели больше семи тысяч километров.

— Ты свеж от пионерского энтузиазма. Пионерский энтузиазм снимает любую усталость.

— Подожди, я серьезно... Дома, когда в деревню еду, — чувствую себя разбитым уже на десятом километре. А сейчас будто не всю страну, а улицу Ленина у Земмеля перешел.

— Сегодня и на Земмеле устанешь переходить улицу. Я не шучу. Твоя свежесть — от энтузиазма. Прилив сил от нетерпения попасть на Стройку века. В тебе происходит биохимическая перестройка, ты на подъеме. Понял?

— Брось, какая биохимия? Я говорю не о физической усталости. Я свободно преодолел душой это пространство.

— Да, это, конечно, не биохимия. Это поэзия. Довольно часто она бессознательно формулирует оригинальные идеи. Развиваю твою мысль: ты не устал, потому что твоей душе не за что зацепиться в этом пространстве. Оно пока пустое для твоей души, невозделанное. Ты в нем не сеял, не жал, не терял, не находил. В нем для тебя нет ни человека, с которым ты встречался, ни крова, под которым переждал непогоду, ни дерева, в тени которого прятался от зноя...

— Кто из нас двоих поэт? Ты заключил в образ мою догадку. Действительно, для нас наши грузинские десять километров — густая концентрация истории, воспоминаний, мест, имен, лиц, дат, развалин, сооружений, ландшафтов... Пробираешься в этой вязкой среде, испытываешь сильное сопротивление — буквально все вокруг останавливает тебя, привлекает внимание, напоминает, заставляет напрягать память, зрение, душу... А здесь как будто и нет расстояний. Ты прав: душе не за что зацепиться.

— Ей обязательно надо за что-нибудь зацепиться. Для начала — хотя бы за койку в гостинице.

— Койка в гостинице — роскошь. Несбыточная мечта. По трое спят на одной — сам видел.

— Пошли. Мы будем четвертыми.

Так в сибирском аэропорту Усть-Кут, на плоскогорье, словно нарочно приподнятом над тайгой, чтобы каждый рвущийся на Западный БАМ мог соотнести ее необозримость со своими силами, стояли и разговаривали два грузина, а автор, неузнанный ими сосед их и товарищ по Верийскому кварталу, слушал, потрясенный созвучием сделанного ими открытия его собственным дорожным думам. И он, как они, пролетел несколько тысяч километров, и он, как они, не испытывал усталости, и он, как они, размышлял, отчего бы это. И вот услышанное так обрадовало его, что он простил им плохое зрение и забывчивость, помешавшие им разглядеть в нем товарища детских игр.

Впрочем, и он сам с большим трудом узнал их.

Ровно год спустя, ожидая поезда на сибирской станции Падунские Пороги, автор встретил еще одного соседа по Верийскому кварталу, и, теперь они с большим трудом узнали друг друга. Это было уже из ряда вон выходящим делом: регулярно встречать в сибирских пространствах соседей по Верийскому кварталу, да еще из той его нагорной части, что ограничена улицами Петриашвили и Казбегской, и с трудом узнавать их. Было от чего потерять голову. У этого бывшего мальчишка из детских игр автора ныне имелась густая черная борода и одет он был, как матерый таежный волк, но не новое это обличье делало его неузнаваемым.

Что же тогда?

И только год спустя, в поселке Ния-Грузинская, вновь повстречав соседей и товарищей по Верийскому кварталу и Дигомскому массиву и другим местам Тбилиси, где автору довелось жить, он наконец понял, что именно настолько изменило их и его самого, что они и узнавали и не узнавали друг друга.

Любая крупная стройка, а тем более такая, как Байкало-Амурская магистраль — достойный объект для описания. Но самая интересная, самая благодарная для пишущего стройка — это та, что происходит в человеке. Единственно ради этой стройки существует литература, пишутся и издаются книги. И единственно ради нее автор берется за свои очень личные заметки о Байкало-Амурской магистрали, сооружение которой он наблюдал лишь на одном ее участке.

К моменту, когда автор решился на очерк, он уже испытывал счастливую усталость от ее пространств. Были в них для него люди, дома, дороги, вещи...

КОМАНДИРОВКА ПЕРВАЯ. ИЮНЬ 1974 ГОДА

ВИЛЬ ЛИПАТОВ

Командировку выписали только до Иркутска. До Иркутска и обратно.

В Иркутске была жара, июнь обволакивал метелями полевого пуха, участники семинара бродили по городу, томимые

предчувствием скорой литературной славы. Вчерашние вальсера, лесники, шоферы, бульдозеристы, шахтеры, культработники, бурильщики, геологи, пожарные, пастухи оленьих стад, погонщики собачьих упряжек, а ныне молодые поэты и прозаики Сибири и Дальнего Востока подавали нам свои мозолистые ладони как пропуска в великую советскую литературу. Они раскрывали в своих писаниях свой недюжинный жизненный опыт, трудно избавляясь от той мучительной немоты, которая так хорошо знакома влюбленным и одержимым. Они писали жадно, неостановимо, изобильно, но жизнь, обострившая в них писателей, не исчерпывалась, не кончалась в поле листа. И та неожиданная, нечаянная, но желанная жизнь, что зашумела вдруг вокруг них на писательском семинаре в Иркутске, шумела, казалось, только для них, только для их творений.

В этом шуме явственно выделялся колокольный звон. Звонили к заутреням и вечерням в иркутской церкви Знамени. Рядом шла Ангара, река яростной, какой-то негородской голубизны, звон стлался над этой живой, физически осязаемой мощью, сливался с ней, с голосами судов, вскриками буксиров, и сама звонница, казалось, вот-вот сдвинется с места, сойдет в воду и поплывет по реке.

Протяжный звон шествовал мимо нас, сквозь нас, как протяженное, ничем не рассекаемое, непрерывное Время. И все громче начинал звучать, заглушая все остальные звуки, другой каменный колокол — массивный, и впрямь напоминающий колокол, гранитный памятник в ограде Знаменской. От него, от написанных на нем слов, казалось, исходил ровный, на долгой, протяжной басовой ноте тянувшийся звук. Торжественная медь державинских строк «Коломб здесь русский погребен», трогательно-возвышенная вдовья эпитафия, высеченная в камне «с пролитием слез», признание в любви к «матерой земле» наполнили сердце смутой, непокоем.

Наш гид, историк Оля Шепелева — внешность курсистки, близорукой, доверчиво погруженный в слушателя взгляд, высокий рассекаемый волнением голос, цитаты из чеховских писем об Иркутске, произносимые таким тоном, словно ей они были адресованы и она хочет, чтобы и мы порадовались им — вела нас по иркутскому пантеону, от могилы к могиле, от судьбы к судьбе. Надгробие-памятник «Колумбу русскому», первопроходцу морских путей в Америку Григорию Шелехову, могилы Екатерины Трубецкой, декабриста Муханова — о, как сжималось сердце от осознания громадности жизни, и поныне проживаемой похороненными здесь людьми. И уже неизбежны стали, необходимы и, как ни тяжелы, а желанны соотнесения с собственной жизнью, собственным бытием, как вдруг возникла иная, географическая, а может быть, духовная параллель между оградами Знаменской и камнями Мтацминда, произошла вспышка, высветившая мысль о всеместности, вездесущности гения или просто отважного человеческого сердца. Так однажды в Крыму при виде обелиска с барельефом Пушкина меня вдруг пронзила догадка о том, что он везде, повсюду, куда мы несем с собой выстроенный им мир. Мы идем по Ленинграду и ощущаем рядом его, незримого, и в

Тбилиси он с нами, и под кипарисами Гурзуфа. Как далеко, как быстро распространяет себя по свету гений, как сильно насыщает собой вдыхаемый нами воздух!

— И-и-и, мы здесь огурцы посадили, а вы и загоптали, молодцы — и-и, — пронзительно выпела прямо в ухо черная монастырская приживалка, невесть откуда возникшая у могилы Трубецкой, и мы отпрянули от памятника.

— А вот здесь погребен декабрист Муханов, — прозвучал спокойный, чуть скорбный голос Оли Шепеловой. — В бытность свою в сибирской ссылке он рассчитал энергоресурсы Ангары, и спустя век проектировщики Братской ГЭС подтвердили точность мухановского баланса.

Ровная протяженность единого Времени вновь возвращалась к нам.

Шла мимо Ангара, и вид ее яростной голубой мощи пересиливал гул и грохот ее вод. Она казалась безмолвной, потому что безмолвствовали мы, молча шли берегом, каждый думал о своем. И только у входа в гостиницу «Ангара» нарушил молчание Виль Липатов:

— Умершие ведут живых...

А спустя час за обедом он произнес громко, на весь ресторанный зал:

— Надо почтить память вставанием. Вставанием и движением.

И встал.

— Завтра утром я улечу в Усть-Илимск. Там у меня брат. Или в Ербогачен. Или в Маму. Или в Зиму... У меня везде братья. Кто со мной? Не обязательно со мной, можно и самостоятельно. Рядом — Усть-Кут, БАМ... Ну, кто рискнет оторваться от полированных столов?

Так вот и продлилась моя командировка от Иркутска на север Восточной Сибири. А вечером ко мне присоединился молодой, но уже довольно популярный поэт Ш. Он собирал впечатления для очередного сборника, а заодно намеревался поискать в таежных сельпо неразобранные дефицитные издания и столовый хрусталь. «Хрусталь здесь намного дешевле, чем в Москве...»

Рано утром нас разбудил телефонный звонок Липатова. У подъезда «Ангары» нетерпеливо урчал «газик» милицмейской масти с антенной и рацией, в ней приглушенно звучали позывные и клички из детективных фильмов, могучий водитель-старшина обладал хорошей фамилией Кирпичев. Виль Сергеевич весь как-то подобрался, в его движения просочились ухватки знаменитого сыщика, отправляющегося на задержание особо опасного преступника.

— Куда поедет, товарищ генерал? — слышалось мне в вопросе Кирпичева.

— В аэропорт имени Виля Липатова! — приказал Виль Липатов.

— Слушаюсь! — и Кирпичев рассмеялся, счастливый.

В милиции Липатова любили какой-то нежной и пылкой немиллицейской любовью. Наверное, за деревенского детектива Анискина, но не исключено, что просто за Липатова как такового.

Аэропорт Усть-Кут. Первые дни творения, хороводы и кабинета начальника порта, вокруг гостиницы, столовой, метеостанции, а больше всего — вокруг вагончика «Ангарстроля». Столпотворение — крепкая смесь надежд, веры, отчаяния, тоски, беспыбашности, злости, гнева, тупой покорности судьбе.

Есть необходимость кое-что объяснить. Весной 1974 года, после того как на XXV съезде ВЛКСМ впервые прозвучало слово БАМ, отряд строителей-добровольцев высадился на берегах таежной речки Таюры, в нескольких десятках километров от Усть-Кута. Усть-Кут, он же речной порт Осетрово на Лене, он же железнодорожная станция Лена — точка отсчета, первый километр Западного участка Байкало-Амурской магистрали. В аэропорту Усть-Кута в семьдесят четвертом было грунтовое взлетно-посадочное поле, крошечный зал ожидания, кирпичная гостиница и столовая с отличными, едва ли не домашними борщами и оладьями. Незыблемый порядок вещей царил в Усть-Куте. И вдруг он затрещал по швам, зашатался, задрожал под напором всеююзного внимания к БАМу. Только из Усть-Кута и только по воздуху можно было попасть на трассу, но только грузы и строго ограниченное число людей возили туда вертолеты.

— Не могу, никак не могу, товарищи! — с какой-то умоляющей злостью в голосе отказывал нам в содействии Володя Семин, секретарь Устькутского райкома комсомола. — Не имею права. Знаете, каким людям отказываю в путевках?

И он мотнул головой в сторону окна.

Там, за окном, вокруг бревенчатого здания райкома потерянно бродила молодая пара. Он — на все руки мастер, семь специальностей высших разрядов, она — библиотекарь, повариха, закройщица, «могу холодную укладку делать, а если надо — цементный раствор замешу...». Плыли, летели, ехали в Усть-Кут из Челябинска, приехали — отказ!

— Поселки пока рассчитаны на маленькое население. Соответственно и продуктов питания только для него завезли. Потому что пока маленький фронт работ. Лишняя паратов и лишние пары рук — обуза...

А мы, газетчики, не знали в те дни удержку в пламенных призывах на БАМ. В откровенной семинской неприязни к нам сквозит злость человека, расхлебывающего навороты чужой благоглупости.

— Что же нам делать, Семин?

— Не знаю. Что хотите. Лучше летите обратно в Иркутск...

И — скалившись вдруг:

— Езжайте в аэропорт. Я позвоню. Может, получится.

Аэропорт Усть-Кут закрыт. Закрыт до конца светового дня. Никакой надежды на вылет. И оттого совсем уж безжизненным кажется жестяной голос в динамике: «Отменяется... отменяется... отменяется...» Тайга на взгорьях набухла тучами. Тучи выбираются из тайги, оставляя на ветках елей

истонченные верховым ветром ключья. А ночью, ночью, ночью повалит снег, и опять кто-нибудь скажет в сердцах: «Эх, Анашкин, чтоб тебе!»

В аэропорту Усть-Кут Анашкин — самая популярная личность. В известном смысле он равен богу, а моментами превосходит его. В зависимости от обстоятельств Анашкин то молятся, то проклинают его, матерят, чествуют на все корни. Доверив Алексею Анашкину ответственнейшее дело комплектки грузов для БАМа, руководство «Ангарстроя» столкнуло его с миллионом терзаний и надежд.

Честно говоря, быть Алексеем Анашкиным страшно. Мороз по коже, когда я думаю о том, сколько людей, знакомых и незнакомых, заочно и в глаза говорят ему все, что они о нем думают. Проблема Анашкина — глобальная проблема человека, на которого обстоятельства и история возложили тяжкий груз ответственности за множество человеческих судеб.

Как он с этим грузом справляется? Улыбающийся, веселый, легконогий человек, вознесенный на самый гребень событий, он и гибок, и железен одновременно. Всем, кому следует отказать в вертолете — отказывает, всем, кто имеет на это право — дает согласие. Имеющих на это право — немного. Избранные, счастливые — люди с БАМа — в отличие от несчастливцев и отверженных, молчаливы, несуетливы, уверены в своем праве и в обязательном его осуществлении. Они знают: будет вертолет, и Алексей Анашкин отправит их. Не будет — не отправит. И нечего зря энергию расходовать, она нужнее им там, на просеках, на прокладке лежневок, сооружении временных причалов — беречь ее надо.

Исторический Анашкин, сознавая важность момента, кое-что обещает нашему брату. Но когда сдержит обещание — не знает.

Мы умоляем его войти в наше положение, он умоляет нас войти в его...

К полудню следующего дня его вызывает на разговор секретарь райкома Володя Семин.

— Можешь в Магистральный пианино забросить?

— А зачем?!

— Надо, Анашкин. Валентина Толкунова из Москвы прилетела, «Стою на полустаночке в цветастом полушалочке...» петь будет...

— А под баян не может? Все-таки в оба конца пианино на вертолете тысячу шестьсот рублей потянет.

— Ты про баян, Анашкин, дело говоришь! Пойду спрошу. Подожди у телефона...

Анашкин, прикрыв трубку ладонью, подмигивает нам:

— Вместо пианино, ребята, я вас отправлю!

Благословен будь, Анашкин, исторический человек!

ДУМЫ НА БЕРЕГУ КИРЕНГИ

В субботу 15 июня 1974 года из дремучей тайги на окраину поселка Магистральный вышел адмирал. Черный с золотым шитьем мундир, золотого же цвета пуговицы, много-

ступенчатый набор планок советских и иностранных орденов прекрасно смотрелись на фоне вечнозеленой хвои и свежесрубленных, истекающих янтарной смолой бревен.

Голые по пояс бородатые лесорубы, прекрасные, как молодые античные боги, побросали топоры и уставились на адмирала в немом изумлении. Если бы из тайги вышел медведь, они встретили бы его спокойно. Медведь в Сибири — это нормально. А адмирал...

Адмирал был настоящим. Бутафорию на БАМ тогда не посылали. И хотя уже в те дни трасса познакомилась и с поддельными людьми и фальшивыми специалистами, Николай Михайлович Харламов знал великий толк во флотоводстве и в дипломатических играх. Во время второй мировой войны в Лондоне, представляя там наши Военно-Морские силы, он бил прямой наводкой из орудий главного калибра своей энергической природы по противникам открытия второго фронта. О чем тогость и поведал строителям поселка Магистральный, выйдя на срубленную из берез эстраду. Ему хлопали оглушительно.

Затем под белесое северное небо вышла петь Валентина Толкунова; баянист Михаил Швецов играл виртуознее, чем когда-либо, композитор Илья Катаев улыбался мефистофельской улыбкой, по нашей милости он остался без пианино; чтец-декламатор из Баку Рауф Ханджанов читал Блока, мой попутчик поэт Ш., приревновав классика к аудитории, полез на эстраду читать свои стихи... Ему тоже аплодировали, здесь жили щедрые на аплодисменты люди, тренированные, каждая ладонь с лопату.

...А мне не хлопали, — дела не нашлось мне в выступлении участников агитперелета ЦК ВЛКСМ по трассе БАМа. Мое дело было глядеть, слушать, запоминать эти низкие тонкие луговины в междуречье Киренги и Акукихты, окоренные бревна и долбенки на травянистом берегу, каре палаток и вагончиков, белые дощатые мостки на черной, чавкающей земле, березовую, срубленную перед нашим приездом эстраду, охапки жарков, никогда не виданных прежде ярко-оранжевых цветов с горящим в глубине венчика огнем. С рек наплывал туман, болота незримо трудились в сумерках, силясь вернуть захваченное строителями, но палатки уже вросли в вечную мерзлоту этой земли, пустили корни, отогрели холодный воздух теплом человеческого жилья. На брезенте палаток черной и белой краской были выписаны имена городов и поселков, откуда вышли хозяева этих зыбких пологов — Братск, Усть-Илимск, Ангарск, Черемхово, Абакан, Тайшет... Это было лучше всяких характеристик: в междуречье Киренги и Акукихты высадился Иркутский отряд — сплошь сибиряки, люди этой трудной, неласковой земли, имевшие за спиной опыт не одной таежной стройки. Толкунова пела для них, Швецов играл, Рауф читал Блока, адмирал Николай Михайлович рассказывал о сухопутных схватках с лорд-мэром Адмиралтейства, а мне предстояло войти в жизнь этих людей, увидеть ее всю изнутри и так поведать о ней, чтобы ни в единой ноте не сфальшивить, не оболгать ее...

Киренга несла мимо свое литое гибкое тело. Что я знаю об этой реке? Приток Лены — и только. За такой ответ в

школе мне была бы гарантирована пятерка. Школьные пятерки по географии — похвала за остроту зрения, за то, что среди множества рек разглядел на карте именно эту и запомнил ее название. А как мне быть с речкой моего детства — Убазой? С речкой моего отчества — Верз? Я ведь и их не знаю, как должен бы знать, я ведь не прошел их от истоков до устья, как мечтал когда-то. Так имею ли я право вступать в воды этой быстрой реки, незнакомой, чужой, неведомой и уверять потом друзей, что я переплыл ее? Что я досконально знаю людей, которые пошли строить эту магистраль, мотивы, которыми они руководствовались, надежды, которые лелеяли?

На берегу Киренги я нехорошо думаю о людях, с легкомыслием неведения пишущих о реках, на которых они никогда не бывали. Твердо уверовавших в то, что за одну лишь срочность сочинения общество выставит им пятерку. Сверхбыстрое движение руки с пером — явление, увы, легко объяснимое: ударная стройка — ударная тема — ударные строки. Явление как будто бы неопасное. Подумаешь, десятки и сотни скоротечных пьес! А ведь «Иркутскую историю» играют и сегодня. Подумаешь, тысячи оперативных поэм! А ведь читают сегодня «Братскую ГЭС». Настоящее осталось, настоящее останется. Только не надо забывать о том, что пьесы-однодневки, поэмы-скороспелки, романы молниеносного реагирования уже в момент появления на свет способны своей ложью окорбить правду.

— Бухает в песнях именитых и безвестных авторов: «БАМ!.. БАМ!»... Благовест стоит, тусклый перезвон, бедные рифмы тренькают. А тем временем в междуречье Киренги и Акуихты, в палатке «Ангарск» и в палатке «Черемхово» в неспешном гитарном переборе рождается песня. Рождается из этой ночи, из этого неба, из гула рек и шепота в крови — неказистая, неуклюжая, но настоящая песня, хорошая для певца уже тем, что сложена им. И песню со стороны он примет лишь в том случае, если она скажет всю правду о нем. Настоящую правду, а не искусную подделку под нее.

ИНТЕРВЬЮ

— Я, Владимир Цветков, комсорг Иркутского областного комсомольско-молодежного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, приехал в Магистральный из Братска. В Братске у меня семья, квартира, жена работает администратором ресторана «Тайга», дочь растет. Мои профессии — слесарь, электрик, литейщик, верхолаз-монтажник, тракторист, с ними я везде принят как самый желанный человек... Жена спрашивала: «Ну, что тебе в Братске не сидится?». А я не мог остаться. Ну, прямо места себе не находил: как там это дело без меня сделают?

Зарботки мои здесь намного меньше, чем в Братске. И еще долго будут меньше. Живу я в палатке на сорок человек. Наверное, жена нескоро ко мне сюда придет, если вообще придет. Но из Магистрального, пока не построим станцию, я не уеду.

В Братске я ходил в драму. В народном театре Дворца культуры лесохимиков играл Гаврилу в «Егоре Бульчеве», шутил в «Золушке», Николая в «Поисках радости». Есть у меня мечта: театр в Магистральном. К зиме обживемся маленько, будет у нас драмкружок...

— Иван Киселев, студент-историк, бригадир плотников. Приехал в Магистральный с женой. Надеюсь пустить здесь корни. Интересно начинать жизнь с нуля. Эти мостки я своими руками сбил, и каркасы для палаток, и вот эту эстраду — первую опору себе под ноги положил. Начал фотографировать — потом буду смотреть, как создавал свою жизнь из ничего...

В Магистральном мне поручили организовать библиотеку. Книги есть, но пока не до чтения — работаем весь световой день.

Надя С., подсобная рабочая в бригаде плотников:

— У меня обеспеченные родители, отец — летчик гражданской авиации, мать — учительница, хорошие, любящие меня люди. Но их любовь сковывала меня. Я ушла из дома, записалась в отряд, чтобы испытать себя. Чтобы узнать, могу ли я правильно воспользоваться полученной свободой.

Я не скрою от вас: иногда я жалею о том, что приняла такое решение, что поменяла уютную и теплую квартиру на эту сырую палатку. Но я знаю также: настанет время, когда я буду гордиться собой. Я хочу дождаться этого времени...

Владислав Пименов, тракторист:

— Лучше я вам свой дневник дам. Прочтите сами — там все сказано.

Читаю: «Несколько палаток на голой земле. Кругом болото.

Спали кто где. Постелей нет. Трелевочных тракторов тоже. Разгружали баржу со щитами. Целый день лил дождь. Много чистого воздуха и дождя.

Разгрузка барж до полуночи. Все размыто. Кругом грязь. В палатке поставили печку. Стало тепло. Ура! Привезли сигареты.

Ловили рыбу. На берегах еще лед.

Ведем дорогу к пристани. Своими руками нагрузили три машины рубероида. Вечером пошел на танцы.

Работали на дороге по пояс в воде. Бревна таскали на себе. Сделали. Дождь не перестает. Под ногами — вечная мерзлота.

Цветет черемуха...»

— Я Шичев Геннадий, второй секретарь Ленско-Казачинского райкома комсомола, родом из Красноярского края, коренной, значит, сибиряк, имею одну могучую мечту. Я хочу поставить на берегу Киренги хороший дом, жениться на любимой девушке и писать маслом картины здешней жизни. Дом я срублю не только для моей семьи — для каждого, кто любит искусство. Пусть приезжают и живут у меня сколько хотят. Когда построятся дороги — приехать будет просто.

Вон идет она. моя невеста. Учительница. Самому себе завидую, так ее люблю!

Что бы для тебя сделать? Хочешь, завтра пойдем ^{вверх} по Киренге до Тарасова? Увидишь, где пройдет магистраль, в какую глухомань врежется! Ну, пойдем, договорились?

УМН 133 3-10
302 2-1110333

«ПЕСНИ ЮЖНЫХ МОРЕЙ»

В Юхту мы пришли к полудню. Заглушили мотор, стало тихо, остановились берега, и я увидел, как под тяжестью темной, набухшей тишиной тайги проседает материк. Лодка по инерции шла к берегу, впереди бежала волна, ударяла в островную низину, от нее бесшумно отваливались и уходили под воду ломти черной земли. Если бы не деревня, подумалось вдруг, если бы не эти избы, то и приставать к берегу было бы страшновато, таким слабым, ненадежным казался материк.

Мы вышли из райцентра Казачинское в восемь утра. Пошли на двух моторках. Впереди — Гена Шичев и поэт Ш., на второй — Саша Макаров, журналист из районной газеты и я.

Вверх по течению и на северо-восток, вдоль непроложенной пока трассы БАМа. Низкие тучи поливают дождем, лицо секла острая снежная крупа, солнце ослепляло вдруг нечаянными ударами по протокам. Так продолжалось четыре часа — дождь, снег, солнце. Ледяная вода за кормой обжигала кисть, щеки, цвет волны менялся от изумрудного до аспидно-черного. Я выкуривал самые вкусные в своей жизни сигареты. Саша Макаров кричал в ухо, силясь перекричать мотор:

— Первая станция — Лена. Потом будет Таюра, за ней пойдет Киренга. Гляди, проходим Улькан — тоже станция будет. Киренгу будут ростовчане строить. Улькан — азербайджанцы, а там, на сто втором километре — Ния, там твои грузины обоснуются..

Не верилось в такое многолюдье. За четыре часа хода вверх по течению мы не встретили на реке ни одной лодки, на берегах не увидели ни души. Деревни-призраки возникали то справа, то слева от нас. Пустовали зимовья. В правобережных сельпо томились безвестностью полные собрания сочинений классиков мировой литературы и дубленые полушубки, в левобережных распадках вспархивали глухари. Молча жили необозримые леса, — тысячи гектаров на душу населения, в глаза не видевшие этой самой души. У впадения Окунайки в Киренгу дымились на высоком берегу радоновые источники. «Ни одного радикулита на весь район! — печально произнес Макаров. — Небось в твоём Цхалтубо очередь у радоновых ванн стоит?».

И вот мы пришли в Юхту и увидели на берегу девушку. Она даже не глянула в нашу сторону, стояла себе в независимой позе и читала книгу. Будто все это в московском метро или троллейбусе происходит и вокруг нее десятки людей, и никому до соседа нет дела.

— Что читаем? — спросил Макаров, выпрыгнув на берег.

Не поднимая глаз, девушка заложила пальцем страницу, отвернула голубую обложку, и мы с Макаровым хором прочли: «Песни южных морей».

Брезентовый плащ с капюшоном и омытые приливной волной резиновые сапоги досказали возникшую от «Песен» версию. Примерно в ста километрах ниже по течению, у Си-данкина стояли пришедшие по большой воде баржи. С баржи на берег ступала будущая станция Байкало-Амурской магистрали. Там, в болотистом междуречье Киренги и Акукихты, взржал тайгу комсомольский отряд. Неблизко-недалеко оттуда вбиты в вечную мерзлоту окоренные бревна — мост будет. А там и поверить недолго, что местечко Конец Луг — уже не край света. А там и до океана рукой подать — веселая, многолюдная, обильная городами, встречами, событиями, чудесами жизнь нанижется на эту магистраль.

— Ошибаетесь, коллега, — ласково сказал Макаров, — додумываете маленько.

И, повернувшись к девушке, спросил, озабоченный ходом заготовки кормов:

— Бригадир где?
Она повела глазами к скоплению изб, и Саша Макаров безошибочно угадал, где ему искать нужного райгазете «Путь Октября» бригадира.

Мы пошли в деревню, спинами ощущая, как это наше появление заглушает песни южных морей.

— Все! — обреченно сказал Саша. — Заработал сарафанный телефон. Безотказный какой!

Наверное, этот телефон и впрямь работал лучше настоящего, потому что бригадира в избе не оказалось. Зато прибежала молодая женщина в платочке, отомкнула огромный замок на дверях сельпо, пустила в тлен и темень магазина. Через час мы вышли на свет. У Ш. было счастливое лицо первооткрывателя. Он купил изъеденный мышами двухтомник Хемингуэя, книгу стихов Антокольского, хрустальную пепельницу и дубленую, на овечьем меху, душегрейку.

В заливных лугах звенели комары, а пора уже было звенеть косам. Бригадир исповедовался Макарову с выражением муки на потном лице: «На кой мне хрен это бригадирство? Косить кому? Некому! Хорошо еще ребяташки выручают на граблях, на копнении...»

Макаров захлопнул блокнот, словно в бригадира выстрелил.

— Досуг плохо организуете. Баян надо купить.

— Баян есть. Да баяниста нету.

— Скоро будет, — веско заверил Макаров. — Скоро у вас все будет. И люди, и песни.

Вспомнив что-то, захохотал.

— Песни южных морей!

Но вокруг на сотни, на тысячи верст до самого океана стояла великая тишина. Лишь изредка толстые пласти земли, отламываясь от материка, с плеском уходили в воду.

В Тарасове, конечном пункте нашего путешествия, предсельсовета Антипин обрадовался нам несказанно как и послал домой мальчика сказать хозяйке, чтобы уху варила из хариусов: «Гости будут». Хозяйка оказалась буряткой, она выглядела много старше своего костистого светловолосого Антипи-

на, а он разговаривал с ней, как с ребенком, медленно и выговаривая слова. Вокруг стола сгрудились дети мальчика и девушка-подросток — во все раскосые глаза наблюдая за нами, одобрительно кивали головами, едим мы уху и маринованную черемшу, как пьем водку.

Глядя на добрые, бесхитростные лица Антипиных, Гены Шичева, Саши Макарова, вспоминая Володю Цветкова, Ивана Киселева, Славу Пименова и скольких еще людей с берегов Киренги, я мысленно дал себе твердое слово вновь вернуться сюда и посмотреть, как сложится их дальнейшая жизнь. Она была мне уже небезразлична, и в этом было мое счастье.

За час до восхода солнца Саша разбудил нас. «Скорее пошли. Туман вверх идет. Дождь будет». Мы быстро оделись и пошли вниз по течению.

КОМАНДИРОВКА ВТОРАЯ. ИЮНЬ 1975 ГОДА

ДЖЕМАЛ ПАГАВА

26 июня 1975 года в 13 часов 30 минут в поселке Ния на 102-м километре трассы Байкало-Амурской магистрали вспыхнул пожар. Огонь пошел на пилораму, где были заготовлены материалы для жилых домов. Поселок готовился к зиме, и до наступления холодов в дома должны были вселиться строители поселка и их семьи.

Ко времени этого события поселок уже был известен на Западном участке БАМа как Ния-Грузинская. Несколько десятков строителей из Грузии, высадившиеся на станции Лена 2 апреля того же года, быстро добились права называть строящийся поселок Грузинским.

Тогда я ничего этого не знал. 26 июня 1975 года на станции Падунские Пороги, что близ Братска, я дожидался поезда до станции Лена. Оттуда совсем уже близко до поселка Магистральный, где жили встреченные мною год назад люди. Я хотел повидаться с ними, поглядеть, как обстроились они на берегах Киренги, что нового в поселке, какая в нем растет жизнь.

Станция Падунские Пороги — Сибирь обжитая, относительно благоустроенная. Здесь есть вокзал, а в нем — зал ожидания, какой увидишь на любой железнодорожной станции в европейской части страны, а в зале — бесконечное мельканье лиц. Тем не менее каждый новый человек вызывает острый к себе интерес. Для Падунских Порогов я был новым человеком. Падунские же Пороги были для меня сродни джек-лондоновскому Доусону, где каждый встреченный несет в себе тайну золота мерзлой, неподатливой земли. Я всматривался в лица, зная наперед, что многие из этих людей станут моими попутчиками, нет, больше, чем попутчиками: у нас одна страсть. говорил я себе, одно стремление, одна тяга и поэтому каждый из них и все они вместе — мое огромное вечное богатство. Сколько лет с того дня прошло, а я все тем же высоким шти-

лем о них говорю, даже не пытаюсь сказать потише и поприще и не стыдясь своего пафоса. Потому что я действительно верую: самое большое счастье — это движение в неизвестную жизнь, а вершина этого счастья — встреченные в пути люди.

...И тут в мои раздумья вступил он. Нет, не вступил, а вполз, скрюченный, судя по фигуре, жесточайшим приступом радикулита. Густая черная борода едва ли не мела по неопрятному полу, закинута за спину правая рука удерживала боль где-то между поясницей и крестцом, а в левой он сжимал голубую авоську с круглым белым свертком, авоська раскачивалась, как маятник, отмерявший часы его страданий. При сем одет он был не по июньской духоте в овчинный полушубок, что усугубляло ощущение его великомученичества. И окончательно довершали портрет жертвы невралгической атаки шесть высоких ящичков, обшитых холстиной и перехваченных белейшим канатом. На маленьких сибирских станциях нет носильщиков. Очевидно, здесь не без основания считают верхом безнравственности таскать свои грузы на чужом горбу. При одной только мысли о шести ящичках на больном горбу этого бородача становилось страшно. Страх еще сильнее обострял зрение. В ящичках, в любовности, с какой они были снаряжены в дорогу, угадывалось что-то очень знакомое. Так упаковывают дорожные грузы только в одном городе, ибо только в этом городе живут безумцы, способные везти через всю страну сорок бутылок вина, двадцать килограммов зеленого лобю, большой арбуз, глиняную банку фаршированных орехом баклажанов и десять стеклянных банок с айвовым вареньем. Что находилось в авоське, угадать не удалось, но хозяина я, наконец, узнал.

— Здравствуй, Джемал, — сказал я.

Он поднял на меня глаза. В них была пелена неузнавания.

— Здравствуй, — неуверенно и с какой-то опаской ответил он.

Станным, обновленным показалось мне звучание грузинской речи здесь, за тысячи километров от мест ее векового обитания. Я понял вдруг, какую великую силу родства может даровать человеку язык его родины.

— Ты ведь Джемал Пагава, тбилисец. верийский? Из седьмой мужской, со строительного ГПИ?

— Да, все так, — слабо улыбнулся он. — А ты... Нет, не узнаю!

Я рассказал ему о себе, о нашем детстве, прошедшем на двух соседних улицах, о дворах, где играли в футбол, о сверстниках и однокашниках, с которыми играли...

— Все правильно, — извиняющимся тоном произнес Пагава. — Все помню. Только ты прости меня: тебя не помню...

И, сбросив руку с поясницы, потер пальцами лоб, словно пытался оживить угасшую память.

— Ты прости, это все радикулит виноват. Знаешь, как болит?

Я не знал, но чувствовал и поэтому простил ему забывчивость.

Он рассказал о себе. Был в отпуске в Тбилиси, отсюда и едет в Нию-Грузинскую, где работает начальником производственного отдела специализированного строительного поезда «ГрузстройБАМ». В дороге случился приступ радикулита, боль не отпускает вторые сутки. Как он с нею и с этим вот грузом до места назначения доберется — даже не представляет...

...Я забрасывал ящики в вагоны ушедшего поезда, а он стоял на подножке и кричал:

— Не смей оставлять ни один!

Голубая авоська с таинственным свертком раскачивалась над перроном, и я бежал за ней, чтобы впрыгнуть на ходу в поезд, который привезет меня на станцию Лена, откуда рукой подать до Магистрального.

Однако спустя несколько часов я изменил маршрут. На 102-м километре Байкало-Амурской магистрали горела Ния-Грузинская.

ГАЛИЛЕЙ, «БАТЯ», САНТЕХНИК ИЗ НАХАЛОВКИ И ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Репортажи на пожарные темы должны «вспыхивать» с первой же строки, с самого же начала помещать читателя в гарь и жар, в атмосферу героизма и самопожертвования. Но сейчас, по прошествии целых пяти лет, мне меньше всего хочется делать это. Описывать детали, приводить факты, анализировать обстоятельства противостояния стихии. Все это я еще успею сделать несколькими страницами ниже, а сейчас почему-то в памяти всплывает зеленый жилой вагон, поставленный на задворках аэропорта Усть-Кут, его обитатели и тот растворенный в воздухе горький запах тревоги, который не давал нам спокойно дышать...

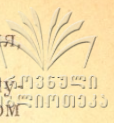
...Второй день пытаюсь попасть в вертолет до Нии. Пока никакой надежды. Изю всех поселков и строительных подразделений Западного БАМа в аэропорт съехались отряды, которые летят в Нию тушить пожар. Для посторонних мест нет. Я посторонний? Да, вы посторонний, — говорят мне. Но я журналист, и должен быть там! — возражаю я. В первую очередь там должны быть люди, способные одолеть огонь! — отвечают товарищи...

Какое несчастье — моя профессия! На что способна она? Разжечь огонь? Загасить огонь? Кого-то спасти? Кому-то помочь? Способна? А разве я знаю?

Все вокруг меня заняты делом. Руководят делом и дело руководит ими. А я? Сажу в вагончике, слушаю стоны Джемала Пагава, пытаюсь помочь шоферам в загрузке вертолетов, но толку от меня мало.

Одного из шоферов зовут Галилей. Родом он из Мтатушети и сногшибательным для сына алванского овцевода именем обязан крестному отцу, сельскому учителю астрономии. О, эти сельские учителя — звездочеты и романтики!

— Галилео Галилей? А уменьшительное имя как? Гало?

— Просто Галилей. Галилей Нацвалаидзе зовут меня, чтоб ему пусто было, моему крестному!

Галилей говорит о тушинском знатоке астрономии с хмурым усмешкой. Не от чего ему хохотать. Сообщение о любом пожаре наполняет душу тревогой, а от вестей из Нии Галилею так плохо, словно горит его родная деревня. И быть бы ему сейчас там, в самом пекле, так спокойнее душе и легче жить, но начальник приказал: оставаться в Усть-Куте и вместе с другими товарищами обеспечивать быструю загрузку вертолетов противопожарными грузами — и Галилей остается здесь.

Другие товарищи — это начальник отдела снабжения, Владимир Двалишвили, бывший метростровец Темур по кличке Батя, откомандированный из Нии в Усть-Кут по причине производственной травмы (ранение кисти руки), два или три шофера и еще одна весьма любопытная личность, о которой Батя говорит, что другого такого человека Сибирь не видала.

Я не все имена и фамилии тогда записал, а те, что не записал — не запомнил, за что и приношу извинения товарищам, но имя этого человека помню. Невозможно не запомнить имя человека, который подходит к тебе в охваченном тревогой Усть-Куте и предлагает слетать на озеро Байкал.

— Как слетать? — ошарашенно спрашиваешь его ты.

— А вот так: на вертолете, — спокойно отвечает он.

— На каком вертолете? — беснуешься ты, зная, что вертолетов нет и в ближайшие сутки не будет.

— На моем персональном вертолете. Вот сейчас заправимся и полетим...

И тут на мое и его счастье подходит Галилей и говорит: — Пошел отсюда, обманщик! Не хватило тебе того, что Варламыш из Нии прогнал? Теперь мы тебя отсюда прогоним...

Варламыш — это начальник ГрузстройБАМа Анзор Двалишвили, рассказ о нем впереди. А имя усть-кутского «вертолечника» (он уроженец прекрасного тбилисского района Нахаловка) я называть не стану — наказание ему и без того суровое определили. Тогда мне показалось: слишком суровое, не наказание, а казнь. И сказал об этом в вагончике. Все промолчали, и лишь спустя несколько минут Темур-Батя подал голос:

— Он хороший сантехник, дело свое знает. Но этого здесь мало. Думаешь, его за болтовню, за трепачество выгнали? Кто из нас потрепаться не любит? Нет, просто все увидели: ненадежный он человек.. А здесь ненадежный — это опасно не только для самого человека — для всех опасно.

— Что же он теперь делать будет?

— Мы собрали ему деньги на обратную дорогу. Не берет. Я, говорит, и без вашей помощи устроюсь. Меня на Курнерму, говорит, заместителем начальника мостопоезда зовут. Врет, как обычно. И все равно жалко. Вместе сюда ехали, вся Грузия нас провожала...

Они прибыли на станцию Лена 2 апреля 1975 года. На станции скопилось восемьдесят пять неразгруженных составов. Не было крана, нечем было снимать с платформы технику. Ап-

рель в Сибири — не тбилисский апрель. Старожилы предупреждали: «Еще три-четыре дня, и кончится зимняя переправа через Лену. Начнется ледоход, а моста нет и не скоро будет. Вам на тот берег надо? Не разгрузитесь сейчас, а лучше вам сидеть на этом берегу». Как же быть? Как снять с платформы без специальной эстакады пятнадцатитонные бульдозеры? На руках будем носить, — невесело пошутил кто-то.

На руках? Это идея!

Они подобрали шпалы, перевязали катаной проволокой, получились эстакада, самодельная, но прочная.

В ту же ночь весь тяжелый транспорт был переправлен на правый берег Лены, а к утру они уже шли зимником к Ние. У мужчин ныли спины и руки, а на женщин стыдно было глядеть, ведь им работать пришлось наравне с мужчинами, наравне с ними делать эту адски тяжелую работу. И вдруг кто-то выкрикнул в морозный воздух лукавый заповедь имеретинской дорожкой, и все разом подхватили ее. Они пели, осознывая, что поют хорошо и согласно, высказывая в прихотливом, непростом многоголосии охватившую всех радость. Еще далеко было им до первых палаток, первых просек, первых улиц в тайге, еще дремала в них будущая слава Нии, и никто не помышлял о грузинской ее приставке, а они уже знали, что Варламыч все сделал правильно, когда принял решение положить на них. Они все знали друг друга несколько лет, потому что несколько лет работали вместе, строили курорт Пицунду, и когда Грузии доверили право построить на БАМе одну станцию и пристанционный поселок, а Анзору Варламовичу Двалишвили поручили возглавить это дело, он выбрал их. Сколько человек прошло перед ним в Тбилиси, сотни, а может, тысячи желающих поехать в Сибирь, на БАМ, и он разговаривал с каждым, всматривался в каждого, желая понять, что за человек и можно ли ему доверять, а костяк коллектива составили все-таки они, люди из «Пицундстроя». И слово Двалишвили стало для них законом, потому что они давно разобрались в справедливости этого закона, в его разумной силе, неизменно завершающей любое дело успехом, который они могли поровну разделить на всех.

Представляете, он сказал им в дороге: «Теперь у нас будет сухой закон», и никто, кроме несчастного сантехника из Нахаловки, не нарушил это установление. Представляете, чтобы грузины, да еще в дороге не выпили ни капли вина домашнего розлива из бездонных своих бочонков и канистр.

В то утро 3 апреля 1975 года они были пьяны без вина, от бессонницы и счастья. Они ехали тайгой и пели имеретинскую дорожную, пели про милую и нежную соседку, поджигательницу сердца, о, знать хотя бы, кто поцеловал ее спящую, кто отдал реке ее белое платье, арало, арало, аудилдэла — пели они, хмельные от счастья осознанной своей силы, и никому не казалось странным звучание этой песни в неведомом дремучем окружении, в таежной, нетронутой человеком тишине, в дали, в такой непостижимой дальней дали от родных мест — теперь и эта земля становилась родной им, они чувствовали ее неподатливость, но знали, что осият ее, надеясь обживать умно, деятельно, красиво...

Теперь на Ние пожар, а здесь, в Устье-Куте, в вагончике ССМП «ГрузстройБАМа», не имея вестей со стройки, нарушают сухой закон. Володя попросил Джемала распаковать один ящик, но тот так на него взглянул, что всем стало страшно-вато. Нет никакой надежды вырвать из рук скрюченного радикулитом Пагава авоську с таинственным свертком — он и спит с ней. Шофер Баграт с Галилеем выходят из вагончика и через час привозят несколько бутылок «чернил» — скверного, липкого портвейна. И Батя приводит в вагончик маленькую миленькую девушку, галантно держа ее под руку, а свободной рукой помахивая перед ней, словно расчищая ей путь в смрадное мужское логово.

— Роза Вологжина, — жеманно представляется девушка.

— Твоя судьба, твоя звезда, твоя надежда, — подмигивает мне Батя. — Постарайся понравиться ей...

Понравиться ей? Да, да, обязательно надо понравиться...

Ровно год назад я, как и сейчас, сидел в этом аэропорту. Короткий стремительный год, сколько перемен ты наделал на этой земле! В поселке Магистральный живут уже не двести, а две тысячи человек, но от красоты междуречья почти ничего не осталось. Гена Шичев женился на своей сибирской Юноне и стал первым секретарем райкома комсомола. Володя Цветков поставил в клубе «Город на заре», но покинул стройку, убитый прощальным письмом жены. Вообще из отряда первопроходцев в Магистральном остались единицы, и мне грустно от этой вести. Причины?

— Плохие жилищно-бытовые условия в поселке, — рассказал встреченный в аэропорту знакомец из Магистрального, — Люди мирились с тяготами романтической поры освоения, но отказываются мириться с головоутием и равнодушием иных начальников, привыкших списывать неуют на особые сибирские условия.

Ваня Киселев живет с семьей в доме № 1 по улице Первопроходцев. По-прежнему все фотографирует, даже снял по-лостью во льду Киренги, куда чуть не провалился, когда вел жену в роддом рожать. Поэт Ш. опубликовал бамовский цикл стихов, заключил договор на новый сборник, получил квартиру и украсил ее юхтинским хрусталем. А что у тебя, журналист? Сто тысяч телеграфных строк и стенокардия, нажитая в тысячах зрящих потрясений? Нет, обязательно надо понравиться этой миленькой девушке. Откуда она только взялась?

Стремительный год промчался по этой земле, но внешне в аэропорту Усть-Кут мало что изменилось. Все тот же жестяной голос в радиодинамике и все та же толпа, водоворотом закрученная вокруг диспетчера «Ангарстроя». Только вместо прошлогоднего друга Алексея Анашкина обязанности вершителя судеб выполняет вот эта самая Роза Вологжина, что сидит сейчас передо мной и, поблескивая мелкими зубками, цедит тягучие «чернила». Моя фортуна непреклонна, но милостива, что лишь сильнее оттеняет ее решимость не давать волю чувствам. Она отказывает мне в любви, она отвергает мои домогательства завоевать ее сердце и место в вертолете. Она раскрепощает душу лишь при виде женщины с ребенком. Женщину с ребенком она отправляет в полет в первую очередь, ну, если не в

первую, то во вторую непременно. А я, увы, не женщина. Пожалуй, вот она, главная, не сразу замечаемая в сумятице Усть-Кута перемена: по сравнению с прошлым годом больше стало в аэропорту женщин и детей. Женщины и дети — первый признак победы человека на трудной земле, его укоренения на ней, отвоеванной им для жизни, для дорогих людей, для будущего. Но сегодня у Розы не дрогнет сердце: все вертолеты и только с пожарными грузами должны идти на Нию.

Однако в три часа ночи по местному времени приходит Роза Вологжина и отдает мне свое непреклонное сердце.

— Завтра утром на рассвете, — сухо, словно приговор вынося мне, произносит она, — вы будете отправлены на Нию...

Боже, как прекрасна жизнь, когда сводит тебя с такими людьми, как Батя и Роза!

ЧАС ТРЕВОГИ

Кто знает, когда он пробил? Как? Была жара. Осколок ли бутылочного стекла отразил солнечный луч, направил его на сухую траву? Или, может, кто-то по нерадению оставил на стоянке окурков, уголек недавнего костра, только что отгоревшую спичку? Кто знает.

Мы летели в вертолете, загруженном аммонитом и ящиками Джемала Пагава. С нами еще летели какие-то парни с топорами, баграми, пилами, было тесно, Джемал страшно злился на парней, шипел, кричал, сверкал глазами: «Убери ноги с ящика! Не сиди на ящике! Не касайся ящика!». Таинственную голубую авоську с белым свертком не выпускал из рук.

Под нами была тайга, зеленое море тайги, как поется в одной задорной молодежной песне. Но в этом зеленом море было много огромных черных островов, иногда так много, что, казалось, они выпили все море. Поначалу я подумал, что это тени от облаков, в тенях гаснут серебряные нити речек и иссыкает алая вена дороги. Но небо было безоблачным, а тени дымилась.

И только у самой Нии, когда земля накренилась под нами, подставив иллюминаторам террасы с вагончиками и палатками и ржавую, обескровленную огнем хвою лиственниц, я понял, что это были выжженные пожарами леса. Вертолет завис над деревянным настилом посадочной площадки, а в сотне метров от нее дымился черный хаос поваленных гигантских стволов — место рождения огня, и пилот старался так посадить машину, чтобы воздушные потоки от лопастей винта не оживили тлеющие в золе искры. Завал дымился, а неподалеку от него нетронуты золотились свежими досками навесы пилотамы, и штабеля распиленного леса, и жилые вагончики, и склад, и столовая, и широкая лежневка из лиственничных стволов — Тбилисская улица, как узнал я впоследствии, и высокий флагшток с государственным флагом Грузинской ССР — все было в целостности-сохранности.

К вертолетной площадке хозяйской походкой шел высокий мужчина. На нем была аккуратная брезентовая куртка.

наброшенная поверх белоснежной накрахмаленной сорочки. Это был Анзор Варламович Двалишвили, начальник ССМП «ГрузстройБАМа» и командир штаба по тушению пожара. Мы ли друг другу руки так, словно виделись в последний раз не двадцать два года назад, а вчера вечером, и Анзор сказал:

— У меня сегодня хлопотный день. Народу, видишь, сколько понаехало? Надо всех разместить, накормить, к делу приставить... Ты пока займись чем-нибудь, а вечером встретимся и поговорим...

АНЗОР ДВАЛИШВИЛИ

У меня нет сейчас под рукой сводной таблицы результатов лучших легкоатлетов Грузии пятидесятых годов. Спортивной специальностью Анзора Двалишвили среди прочих видов был и барьерный бег. Если память мне не изменяет, на дистанции 110 метров с барьерами он никогда не «выбегал», как говорят легкоатлеты, из 16 секунд. Высшие достижения были уделом других атлетов. Однако где они сейчас, эти атлеты? Высшие уровни, высшие школы духовности, человековедения, жизненного и профессионального опыта скрыты от посторонних глаз, не взрываются рекордами, не блещут вспышками сиюминутной славы, однако настает день, когда всем становится очевидно: человек многого добился в жизни. Я думаю, что на той дистанции с препятствиями, которую Анзору Двалишвили уготовила судьба, он добился рекордных достижений. И едва ли не лучший свой результат он и показывает сейчас на Ние. Пламя того давнего пожара лишь ярче высвечивает этот факт.

— Когда в апреле 1975 года мы перебрались на правый берег Лены и пошли в направлении Нии, я сказал себе, что отныне никакие трудности мне не страшны. Что теперь нам осталось только строить, хорошо делать дело, готовиться к зиме. Но этот огонь...

Он закрывает глаза, и я представляю себе, каким должен был быть огонь, заставивший зажмуриться этого человека.

Он ударил по поселку в час обеденного перерыва. На вертолётной площадке шел футбольный турнир. Команда «Антрекот» побеждала... Огонь поднимался со стороны реки в двух направлениях. За пятнадцать минут преодолел просеку шириной в тридцать метров. Все бросились к реке в надежде погасить пожар у реки, но огонь взметнулся вверх по стволам, и лиственницы запылали, как огромные свечи.

Когда Двалишвили убедился, что погасить пожар невозможно, он бросил все силы на отсечение пламени от поселка, от пилорамы.

— Не спаси мы пилораму, — скажет он потом, — и нам пришлось бы покидать Нию. Зиму в палатках мы бы не пережили...

...Три часа они оставались один на один с огнем. В штабном вагончике радист безуспешно пытался выйти на связь с Усть-Кутом. Всего в тридцати минутах лёта ничего не знали

об их беде. Не стыдясь слез, плакал старый бухгалтер. Возможный ущерб он подсчитает потом, а в те страшные миновения он оплакивал сгоравшую в огне пожара веру людей в возможность преодоления. Но вокруг пилорамы уже шел бульдозер, вспахивая и углубляя кольцевую заградительную полосу. Заместитель Двалишвили Нугзар Мгеладзе, начальник участка Мурман Чения, бригада Бакура Гургенидзе организовали осадный заслон, перенесли пиленный лес в безопасное место, валили горящие деревья, а остальные цепью стали вдоль кромки огня, направляя его в сторону от поселка. К счастью, и ветер взялся за дело как надо.

В три часа дня нащупалась связь с внешним миром. В пять начала поступать помощь: вертолеты с пожарными десантами из Усть-Кута. Пожарные повели организованную смотажку с огнем. Установили мотопомпы, проложили рукавную линию от реки. К ночи 27 июня Двалишвили впервые вздохнул с облегчением.

— Все! Перевели огонь в партер. Спасли поселок. Теперь надо спасать тайгу...

ИНТЕРВЬЮ

— Я, Федянин Александр Григорьевич, главный лесничий Таурского лесхоза, имею под началом 790 тысяч гектаров леса: лиственница, сосна, кедр сибирский, ель. Кедр шишку набирает, смолистый, горит как свеча, выбрасывая огонь в небо метров на полста. Это был устойчивый низовой и верховой пожар, он шел со скоростью 30 километров в час по направлению к Звездному...

Грузины отвели его от поселка, а он рванулся в тайгу. Девять бульдозеров пошли к Нисе, но застряли на хребте. А у меня всего 200 лопат, 150 топоров и никакой техники. Грузины и тут на помощь пришли...

— Я, подполковник Иванов Геннадий Иванович, начальник отдела государственного пожарного надзора Иркутской области, свидетельствую: они — молодцы. На таком пожаре редко встретишь такую организованность, такую выдержку и знания. До нашего приезда все делали правильно, а главное — никакой паники.

— Я, старший лейтенант Маглеванный Михаил Сергеевич, инспектор госпожнадзора Усть-Кутского района, говорю так: больше всего мне понравились действия начальника поезда Двалишвили. Сразу организовал штаб, возглавил его, повел за собой людей. А ведь на таком пожаре и бывалому человеку трудно растеряться...

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО:

— Я видел Грузию на БАМе!
Там как в тбилисской серной бане
от пота ярого мокры,
грузины строили поселок

без причитаний невеселых
в кусачих тучах мошкеры.
Шагая даже по трясинам,
грузин останется грузином!
Как и всегда, был на большой
госеприимный дух грузинства,
а из семян всходила киндза
в обнимку с нашей черемшой.
О, витязи в медвежьих шкурах,
изящные на перекурах!
Когда их с треском грозовым
пожары пламенем прижали, —
бежали робкие пожары
от наших доблестных грузин...

(Из поэмы «Просека»).

ЧАС ТРЕВОГИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Мы уходим в тайгу группой в пятьдесят человек. Ведет нас главный лесничий Таюрского лесхоза Федянин. «Надо отрезать пожар, чтобы не дошел до дороги». Идем вверх по просеке, проложенной взрывами аммонита. Эта, так называемая минполоса протянулась вокруг поселка и по лесу на тринадцать километров.

На самой опушке нагорной тайги меня догоняет какой-то парень с защитной каской в руках.

— Вы в Тбилиси не в Дигомском ли массиве жили?

— Там. В шестнадцатом корпусе четвертого квартала...

— А я в семнадцатом. Не узнаете?

— Простите, я...

— Ничего, ничего, потом поговорим. Дигоми вспомним, наши воскресные матчи. А сейчас берите эту каску, она вам пригодится...

Под подошвой пружинит мох, иногда проваливаюсь в него по пояс. Федянин говорит, что огонь прячется под ним и ползет невидимый десятки километров, чтобы где-нибудь неожиданно выбиться наружу. Обгоревшие у корня кедры беззвучно валятся впереди, образуя черные шлагбаумы. Быстро выбиваюсь из сил, трудно дышать, но останавливаться нельзя. Через каждые тридцать метров Федянин расставляет ребят, не уставая повторять каждому: «Добивай огонь. Ищи его под мхом, в глубине. Наблюдай за сухостоем, за колодником, подгорающими деревьями...»

Я вспомнил того парня из Дигоми, моего соседа. Его зовут Юра, фамилия Илуридзе. Как чудно устроен мир! Во всем гигантском мироздании находить одну мельчайшую точку, чтобы в ней пересеклись пути двух близких друг другу людей.

Вокруг меня была тайга, огромная и темная как ночь, она уже слилась с ночью и не имела четких, видимых границ. И я встух подумал о том, как мало нас нынче в тайге, чтобы одолеть пожар.

— Много нас! — тотчас откликается Федянин. — Очень много. Со всех поселков Западного БАМа, изо всех поездов Армяне с Таюры приехали, минчане прилетели, одесситы... Агнарска тоже... Одолеем пожар!

Мы возвращаемся в поселок к полуночи, пройдя в оба конца двадцать четыре километра. Двалишвили заканчивает последнее в эти сутки заседание штаба, потом достает полученное утром письмо младшей дочери, распечатывает конверт и читает друзьям:

«Папа, если на тебя полетит большой комар, ты пригни голову...». В приоткрытой двери соседнего вагончика блестит таз, пощелкивает зеленое лобно, полная женщина в байковом халате размеренно делает заготовку на утро. На кухне горит свет. Как непривычно и как приятно видеть здесь милые лица грузинских женщин! По моей маме знаю: они все такие домоседки и вдруг — Сибирь, тайга. Но и здесь, в тайге, живут давным-давно заведенным укладом. Пекут мчади. Разминают фасоль с орехом. Нарезают толстыми ломтями сулгуни и подают мне.

— Теперь ты понял, что Пагава вез в своих ящиках? — говорит Анзор Двалишвили. — На весь поезд кукурузную муку и лобно вез. На один обед...

— А в авоське? Что было в авоське?

— Вот этот самый малосольный сулгуни...

Никаких тайн на свете не существует, если разгадана тайна человеческого сердца.

— Пошли выпьем по стакану вина, — предлагает Анзор. — Сегодня можно. Пожар потушили. После столько лет встретились. Не каждый ведь день вот так встречаемся. Только по одному стакану. Завтра у меня непростой день.

И уже в вагончике, разглядывая на просвет рубиновое «Киндзмараули»:

— Ну, если после всего этого мы не построим лучший на БАМе поселок...

Утром из первого вертолета вышел Галилей Нацваладзе. У него было растерянно-огорченное лицо.

— На кухню работать вызвали. Говорят, женщины устали кормить столько людей. А я разве повар?

Пожар кончился. На вертолетной площадке возобновился футбольный турнир. Команда «Антрекот» снова повела в счете...

КОМАНДИРОВКА ТРЕТЬЯ. ЯНВАРЬ 1977 ГОДА

СНОВА УСТЬ-КУТ

На Семине было толстое драповое пальто, оно делало его важным, заматеревшим. Впрочем, метель и ветер, превратившие рассвет Усть-Кута в темные сумерки, не способствовали точности восприятия людей и обстановки.

Против моей воли мотив незнания стал ведущим в этих заметках. Такова, однако, реальность нынешней жизни.

Слишком быстро, отчаянно, стремительно меняясь, она бесповоротно многое меняет в нас самих. Вот и Семина я почти не узнаю. Да и удивительно ли это, если его город, еще вчера маленький и тихий, дремотная обитель речников и путевцев сегодня стал большой звездой на карте пятилетки, точкой отсчета неисчислимых перемен, последствия которых невозможно предсказать?

— Нет, вас я не узнаю, — сухо и решительно сказал он, явно опасаясь неумеренных моих просьб, продиктованных сентиментальными воспоминаниями. — Много вас тогда, в семьдесят четвертом, здесь перебивало...

Я простил ему это, ибо скромная моя просьба могла оказаться для него невыполнимой. Куда уж более скромная: довести специального корреспондента «Комсомольской правды» до поселка Звездный, где у него были дела и откуда он рассчитывал добраться до Нии. Обо всем этом Семину сообщили по телефону из Иркутска.

— До Звездного, однако, я вас не доведу. У нас нынче слет рабселькоров, встреча с призывной молодежью, семинар молодых писателей района, конференция друзей охраны природы. Мое присутствие везде обязательно, так что...

Так что, подумал я, Усть-Кут активно выдвигается в штатные города, успешно схватывая черты их бытия. Однако метель била в лицо и областное бюро погоды пообещало минус сорок пять.

— А сделаем мы так, — успокаивающе продолжил Семин. — Я доведу вас до двадцать пятого километра, а там пересажу на попутку. «Магирус» — отличная машина, с обогревом кабины, не то что в этом «козле»...

В «этом козле», действительно, стоял адский холод, в щели наносило ветра со снегом, и толстое пальто Семина с полушубком его шофера оказались всего-навсего обязательной принадлежностью райкомовского автомобиля.

— Как там наши на Ние? — спросил я Семину, только чтобы не молчать.

— Ваши? — Семин иронически хмыкнул. — Ваши, — он сделал заметное ударение на этом слове, — великолепные ребята.

И вдруг его словно прорвало:

— Без них наш район был бы совсем другим! Без них нам труднее было бы работать!

Мне захотелось его обнять...

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТЕПЛЫЙ ТУАЛЕТ!

«Магирус» — и впрямь отличная машина. Ярko-оранжевый гигант мягко катит по схваченному стужей зимнику, на фоне ослепительного синего неба, расшитого белоснежными кружевами заиндеветшей тайги. Каждая древесная ветвь, каждая еловая игла скованы ледяным панцирем, а все вместе образует рисунок, заставляющий думать о бессилии слова воссоздать неисчерпаемую красоту мира.

По-сибирски этот рисунок называется «куржак».

Минус сорок пять за ветровым стеклом, а на стекле нет наледи, потому что специальное устройство гонит на него теплый воздух, и в уюте кабины можно хорошо работать, видеть далеко окрест.

Великое дело — тепло. Тот, кто сказал, что энергия — это мир, имея в виду жизнь человечества — настоящий гений.

«Магирус» мягко катит по зимнику, справа за занавесью куржака горит оранжевая лампа солнца, слева, опадая в длинные синие тени от блестящих на солнце сугробов, бежит железнодорожная колея. Это и есть БАМ, воплощенная мечта о дороге к океану. Четыре года назад трудно верилось в ее возможность. Те, кто осуществил эту мечту, нуждаются в стабильных источниках энергии — в тепле и свете. Больше, чем нам с вами, жителям благодатных, благополучных краев, им нужны свет и тепло.

Вчерашнюю ночь я провел в гостинице поселка Звездный. Спал под тремя шерстяными одеялами в шерстяном же свитере, двух парах кальсон, трех парах носков. Утром, стуча зубами, спрашиваю соседа, зубного врача, где тут у них, извините, туалет.

— По коридору, направо и на улицу — отвечает, — только не забудьте полущубок, шапку-ушанку, рукавицы и валенки. Как-никак, а на термометре — минус сорок девять...

— Так это же... — растерянно начинаю комментировать я.

— Так это же трасса мужества, — совершенно серьезно завершает он.

Если это трасса мужества и стойкости, то надо вознаграждать за них мужественных и стойких не только высокими заработками. Высокие заработки за такую работу — этого мало. Необходимо дополнительное вознаграждение — тепло, и свет, и уют, и прочие нормальные условия для работы и отдыха.

Любая крупная и громкая всесоюзная стройка рождает мощный приток людских сил. Но на любой крупной и громкой стройке после стартового периода начинается мощный людской отлив, объясняемый, в основном, бытовой неустроенностью и неуютом. Кое-кто из начальников склонен по традиции обвинять уходящих в дезертирстве, рвачестве, малодушии, недостатке патриотизма и сознательности. Какой парадокс! Оперировать высочайшими нравственными категориями в защиту собственной нерадивости и бесхозяйственности! И пусть никто не говорит о том, что дела у него на стройке идут хорошо, когда коммунально-бытовые ее тылы отстают от ее инженерно-технического фронта. И пусть никто не сетует на необъяснимую текучесть «кадров», на «дезертирство» и «рвачество», когда рабочие люди лишены тепла и света.

В год пожара на Ние, пробившись-таки после него в Магистральный, я дословно записал несколько невеселых разговоров.

— Детский сад вот построил. А теперь не знаю, достанется ли моему Петьке место. Неужели не достанется?

— Что-то ты занудливым глядишься. На Акукихте условия были посложнее, а не плакался.

— Где? В палаточном городке? Там — другое дело. Мы рились. Знали: так надо. А сейчас — надо ли так? Чувствую: опять начальство лето проморгает, как в прошлом году. Пристань стройматериалами под завязку забита, а дела нет. Нет хорошей, толковой организации дела? Так что же мне, — за чужую дурость страдать?

Вот оно: «за чужую дурость»!

Еще один характерно-показательный разговор:

— Мы в первые же недели спортплощадку построили, геодезию сделали, а они взяли и поставили там склад. Вот ребята и зовут бывший стадион кладбищем Лысевского, по имени старшего прораба.

— Я поживу еще с год, посмотрю, если будет такое же отношение к рабочему классу — уеду. Нормального жилья — нет, фронта работ — нет. Просить — обвиняют в иждивенчестве. Я уже их и добром, и матом — не помогает!

— Если нет фронта работ, я его беру сам...

— Ну разве это дело на такой стройке?!

Да, люди не желают расплачиваться за чужую «дурость» еще и потому, что им теперь известна мудрость иных руководителей, обеспечивающих своим коллективам оптимальные в этих местах условия для плодотворного труда и нормального отдыха. По всему Западному БАМу гремит слава Анатолия Фролова из Улькана, начальника СМП-571, бывшего секретаря Усть-Илимского райкома комсомола: он и стадион с беговой дорожкой построил, и молодежный оркестр создал, и сам всегда с ребятами — то на стометровке первый, то в хоре запевала. И по всему Западному БАМу идет слава о Ние-Грузинской и ее руководителях.

— Люблю к грузинам летать, — признавался мне старший инспектор линейного отдела областного управления МВД на БАМе Тихон Алексеевич Сухинин, — у них такой ароматный супчик!..

Это он о чихиртме — «ароматный супчик».

Чихиртма в тайге — совсем неплохо.

— У них там очень удобные тротуары. Так построены, что ни за что в сугроб зимой не провалишься, — рассказывал мне писатель Валерий Поволяев. — Я восхитился ими, а Двалишвили говорит: «Я такие на Пицунде строил. Почему бы и здесь не построить?».

Действительно, почему бы не построить удобные для рабочего человека сооружения там, где они всего нужнее?

Вот и шофер «Магируса», усатый узбек Жора из Северобайкальска подтверждает справедливость этой мысли:

— У них там, знаешь, какая столовая? Лучше любого ресторана!

...И вот уже все ближе Ния, надвигается завалами давней гари, огромным щитом у въезда со строкой Евтушенко «Я видел Грузию на БАМе...», положим, от реки начинающего восхождение склоном, на котором останавливается временный, деревянный поселок и начинается поселок каменный, вечный.

с островерхими шатровыми крышами. Золотятся на январском солнце стены школы, дети в ней изучают грузинский язык, коренные сибиряки говорят по-грузински, а коренные тбилисцы по-сибирски растягивают «о» в русской речи. Жилье и хозяйственные постройки поставлены так, чтобы человека не валил с ног ветер, связаны удобными переходами, в подъездах сделаны тамбуры, чтобы, открывая дверь, не нанести со двора холода.

Медленно восходят в голубое небо дымки из труб. Дымом окутана строительная площадка. Горячий раствор доставляют каменщикам прямо к рабочим местам. Работа идет вопреки минус сорока трем. Вокзал, поселок на восемьсот жителей, объекты культурно-бытового назначения должны быть сданы в срок.

— В срок? Постараемся и пораньше...

Двалишвили нет в Ние, повез делегацию иркутян в Тбилиси. По поселку меня ведет Буба Улуханов, главный инженер «ГрузстройБАМа». Приводит в гостиницу: «Вот здесь и поживешь». Гостиница — уют, чистота, порядок, на окнах — тюлевые гардины, белоснежные хрустящие простыни и полотенца, туалет и ванная выложены кафелем, радиаторы обжигают ладонь.

— Горячая вода?! Как вам это здесь удалось?!

Улуханов загадочно улыбается.

— Секрет фирмы. А в общем все очень просто. Совсем немного инженерной смекалки и...

Потом, становясь серьезным:

— Без этого здесь никак нельзя.

— Без инженерной смекалки? Или без горячей воды?

— И без того, и без другого...

Он подводит меня к сверкающему ребристым алюминием ангару: «Входи!». Я толкаю дверь и — о, что я вижу! Голые по пояс бородачи гоняют мяч по просторному залу, пре-красная грузинская речь цветет под высокими сводами спортивной оранжереи.

— Без этого здесь тоже никак нельзя. Переоборудовали финский склад под спортзал. Большое начальство обещало большие неприятности. Анзор Варламович все на себя взял, отстоял идею... Хочешь поиграть?

Я снимаю полушубок, включаюсь в игру, принимаю мяч на грудь, мягко сбрасываю на правое колено, потом на носок, откидываю вправо и вверх и хлестко, с лета бью по нему. Растрепанным шелестом отзывается сетка ворот. Всю свою гордость за моих земляков, все восхищение ими я вкладываю в этот удар.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК. 1980 ГОД

В «палаточный век» Нии-Грузинской в поселке был установлен щит с надписью: «Неутомимым трудом прославим в далекой Сибири родную республику!».

Прославили.

«Я тебе открою секрет: ты — мой идеал. Я считаю тебя героем». (Из письма дочери А. В. Двалишвили отцу).

«Мы, посланцы Грузии, уже более пяти лет работаем рука об руку с трудящимися Усть-Кутского района. За эти годы мы сами стали сибиряками. Нередко нас называют морозоустойчивыми грузинами. Нам это нравится, потому что в этом мы видим уважение к нам, чувствуем тепло сердец наших друзей, коренных сибиряков, чувствуем силу, которая называется дружбой народов, силу, которая доказала здесь, на БАМе, что для нее нет преград...»

(Из выступления А. В. Двалишвили на митинге строителей 25 июня 1980 года, посвященном повышенным социалистическим обязательствам в честь XXVI съезда КПСС).

Николай Опарин, бригадир ССМП «ГрузстройБАМа»:

— Работая на сооружении вокзала станция Ния, наша бригада берет обязательство досрочно, с высокой оценкой сдать объект. Вызываем на соревнование бригаду Сергея Рудых, строящую общественно-торговый центр.

Авандил Ломидзе, секретарь комитета комсомола, делегат XVII съезда ВЛКСМ:

— День открытия XXVI съезда КПСС мы, молодые строители Нии, ознаменуем ударным трудом.

«Коллектив специализированного строительно-монтажного поезда «ГрузстройБАМ» в честь XXVI съезда КПСС принял на себя повышенные социалистические обязательства: досрочно, к 23 февраля 1980 года — началу работы XXVI съезда КПСС, почти на год раньше намеченного, сдать на отлично в постоянную эксплуатацию поселок Ния... Бюро горкома КПСС, рассмотрев эти социалистические обязательства, постановляет: одобрить патристическую инициативу коллектива ССМП «ГрузстройБАМа», обязать партийные, комсомольские, профсоюзные организации, руководителей предприятий и организаций города и района поддержать ее...»

(Из постановления бюро Усть-Кутского горкома КПСС).

«Все подвластно воле человека... Лучше всех на Западном БАМе доказал это строительный отряд из Грузии...»

(Из телевизионной передачи ЦТ о БАМе).

Мы вступаем в неизведанные пространства, открываем их и исподволь открываем, познаем самих себя. Мы на собственном опыте убеждаемся в том, что способны быть лучше, сильнее, мудрее, чем думали о себе прежде. Мы вступаем в неизведанные пространства, обживаем их, отдаем им свое тепло, и они становятся нам родными. Однажды, беседуя с Валентином Григорьевичем Распутиным, я услышал от него горькие слова: «К Сибири многие приезжие относятся как к гигантской строительной площадке, а надо — чтоб и как к родине...». Честь и хвала вам, мои земляки, за то, что берегли, отогревали землю Нии как землю родины. Отныне рожденная на ней жизнь навечно отождествлена с Грузией, с вашим братством и мужеством, сердечностью и добротой.

Вступая в неизведанные пространства и изменяя их, мы преобразуем себя...

Тамаз ЧИЛАДЗЕ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Поэтическая колыбель Галактиона Табидзе — грузинский язык, и самобытная поэтичность этого языка — неиссякаемый источник его вдохновения. Образцами для Галактиона служили: «пламя — Акакий, герой — Важа, мудрец — Илья»¹, но он был одержим поиском нового и сам заявлял: «Поэты пьют лучшие вина, оставшиеся от прошлого, но при этом следят за собой — чтобы не захмелеть».

Галактион Табидзе смело вводил приемы и средства, прежде неведомые, внедрял их в грузинскую литературу. В молодые годы с помощью шедевров мировой поэзии он, как ваятель, лепил свою душу, готовясь к великой, истинной песне. Страх влияния — свойство маленьких, слабых поэтов. Настоящие мастера никогда от влияния не отказывались, ибо настоящий художник знает — его душа сумеет переплавить все так, что сохранит собственное неповторимое свечение.

И полон свежести фиалок
Возвышенности катафалк

О свет луны в начале мая!
О нежных призраков Самая!

Населенный тенями и символами поэтический мир вдруг освещается глубокой человеческой печалью:

Разрублен сад на два куска
Родными братьями...

(Перевод В. Леоновича).

«Лиловый снег», голые деревья, дождь и «белые ветры», странные ассоциации и обрывки музыкальных фраз звучали,

¹ Имеются в виду классики грузинской литературы Акакий Церетели, Важа Пшавела, Илья Чавчавадзе.

как ветер в заброшенном доме, и в невероятно напряженных строчках слышался голос поэта, переходящий в крик.

В этом листопаде, дождях, в «битве» колоколов и порывах ветра поэт, казалось, внимал другим, более явственным дождем сам.

Поэт слушал, страдал, искал, не находил и снова возвращался к «Артистическим цветам»¹. Он отождествлял мелодию стиха с музыкой и средствами музыки достигал высокого эффекта.

Галактион Табидзе многому научился у импрессионистов: «Как люблю я девственное паденье лилового снега с моста».

И все же основой его поэзии было реалистическое восприятие мира, впитанное им с традициями грузинской классики и в последующие годы — развитое и обогащенное.

Галактион Табидзе в слове чувствовал трепет своей души, и стих для него был не чем иным, как собранием вариаций душевного волнения. Этого он достигал путем интуитивного синтеза. Форма его стихов в высшей степени артистична и для грузинской поэзии очень нова. Стих для Галактиона Табидзе был не формой выражения мысли, он мыслил стихом так же, как художник мыслит в цвете и скульптор — в глине.

Стихи Галактиона Табидзе обладают магической притягательностью предметов, постоянно зовущих к разгадке. Один из исследователей стиха сказал: содержание стиха — в словах, а дух между слов. Слово Галактиона похоже на акварель, размытую по мокрой бумаге, и окрашенное им (словом) пространство незаметно складывается в гармонию других цветов. Так создаются притягательные подтексты его стихов. Слово для Галактиона несет не только функцию передачи мысли — оно является «пластическим контуром», музыкальным звуком и цветом в одно и то же время. Музыкальный синтаксис стиха Г. Табидзе выявляет слова во всей их полноте и полнозвучности.

Да уж поздно. О, милая, стыну
И старею.
О, взлет наших лиц —
В снегопаданье, в бархат, в пустыню,
Как в уют старомодных кулис.
Было ль это? Как чисто, как крупно
Снег летит... И, наверно, как встарь,
С январем побрататься нетрудно.
Но минуй меня, брат мой, январь.

(Перевод Б. Ахмадулиной).

Эти строфы, разумеется, не умещались в узких рамках какого-либо литературного направления и живой, осязаемой печалью и волнением завораживали читателя. Здесь поэт высказывал все, ничего не скрывал в глубине души и тем самым становился нашим братом по духу.

¹ Так называлась вторая книга Г. Табидзе, вышедшая в 1919 г.

Стихи этого периода источают головокружительный аромат жизни. Каждое стихотворение исполнено нервной дрожи и выражает бескрайнюю душевную смуту.

061935340
3023110333

....Упавшее дерево на Тверском
бульваре...
Упавшая лошадь на Тверском
бульваре,
Пулемет на большой колокольне...

(Подстрочный перевод).

Рухнувший и свергнутый старый мир... Революция, которая, как наводнение, захлестнула страну, наполнила и зарядила собой землю и воздух, мысли и стремления людей, которая смела все то, что так мешало новому, светлому, прогрессивному!

Г. Табидзе довелось собственными глазами увидеть морозные алые рассветы, предрекавшие новую жизнь, несущие новую мысль и веру, несущие самое важное, наконец, — свободу людям.

Зачем слова? Я верю!
С какой-то жаждой и безумием,
Как жизнь и судьба —
Вы призываете меня к весне.

(Подстрочный перевод).

Поэт чувствовал, что для прихода весны нужно было разрушить старый мир, старые русла и плотины, отринуть те вялые, мутные настроения, ту рутину быта, о которой он сам так точно сказал в двух строках:

Мы же дорогие попивали вина
И щедро проигрывались в карты.

Для утверждения весны на земле приходил новый человек, прямой и искренний, и честными руками наводил порядок. Этого человека не было в поэзии еще вчера, «когда с полотенцем на плече и с гребенкой в руке к роднику спешили феодалы», когда подсахаренный стих сладко пел, как салонная канарейка. Этот трудовой человек теперь смело входил в стихи настоящих поэтов, словно распахнул закрытые ставни и открыл доступ солнцу. Для больших поэтов тема революции стала жизненной темой. Словно поднявшись на баррикады, призывал Александр Блок «слушать музыку революции». Галактион Табидзе принял революцию как спасение мира. Его стихи перекликаются с революционными стихами Блока. На это сходство указывал сам Галактион: «Двенадцать» Александра Блока и мои «Несколько дней в Петрограде». Когда Блок говорил: «Ветер, ветер — на всем божьем свете», этот новый ветер Галактион Табидзе ощущал всем существом и подставлял грудь его сильным порывам. Это было схожее восприятие

и воплощение определенных исторических явлений у двух крупных поэтов. Галактион Табидзе знал, что в то великое время обновления место поэта было в передовых рядах борцов. Его стих и впрямь развеялся и полыхал, подобно знамени:

Знамена... Знамена... Скорее — знамена!

Революция для Галактиона Табидзе была не только символом разрушения прогнившего, старого. В яростном столкновении валов он видел силы жизни и добра и считал революцию носительницей красоты:

**Разве не будет ужасной ошибкой,
Если такой стране — как наша Грузия,
Революция не принесет красоты.**

(Подстрочный перевод).

Революция принесла поэту ощущение необходимости поиска новых путей и новых песен. Познавший бурю поэт уже не может довольствоваться камерными мелодиями, ибо в ушах его звучит свист ветра. Теперь появился новый смысл и в его новаторских поисках в области формы стиха, и Галактион нацелил на большие свершения свое поэтическое слово. Перед ним — как идея творческая — встал вопрос о судьбе народа и его будущем. Тема «бессмертного и могучего народа» стала лейтмотивом его поэзии. Галактион Табидзе в те годы писал: «Мы всегда были с народом, но впредь с ним надо общаться смелее. В нем накоплено множество чувства: жажда любви, жажда мечты. Мы дадим людям все благородное, новую этику; новое, провидческое освещение проблемы. Мы найдем там новых людей, которым противно все неэстетичное и уродливое, которые жаждут сами стать произведением искусства. Наше сближение с народом показывает, с какой жадностью припадает он ко всякому художественному слову. Именем народа мы должны отвергнуть поэзию кафешантанов. Она характерна для периода жуткого упадка, декаданса. Тут поэзия становится искусством «скандалов», потехой людей, у которых нет никакой моральной идеологии. Мы должны также полностью освободиться от того консерватизма, которым частично сковано сегодняшнее сознание поэзии, нужно найти новый ритм для движения слова и ни на минуту не следует забывать, что грузинская поэзия имеет свою жизнь, свой исторический процесс». И немного ниже:

«Век созрел для тех, кто идет в народ, век вступает в расцвет вместе с ними».

Любовью и верой в народ, восхищением его творческим гением продиктовано замечательное стихотворение Галактиона Табидзе «Песнь песней Никорцминде».

**Крыльев бы, крыльев нам,
Силы — живым крылам,
Правь же пространством, храм,
Цари, Никорцминда!**

(Перевод М. Синельникова).

Именно эти крылья, эти сильные крылья поднимали поэта все выше и выше и лишь тогда давали ему мгновенную передышку, когда его «существо постигало высоты».

Мое сердце сегодня — Черное море,
Зарывшее голову в берег аджарский.

Это острое ощущение единения с морем, небом и землей, превращения в их живую, пульсирующую частицу — наполняет стихи Галактиона грандиозностью и достоверностью природы. Природа для поэта — часть его тела и души, и он жаждет ощутить радость нового слияния с нею.

«Морской» цикл Г. Табидзе своей новизной заслуживает особого места в грузинской поэзии. В этих стихах картины моря отнюдь не конкретны. Здесь вы не увидите и восхищения морем, не услышите восторга пораженного первой встречей с морем человека. Для Галактиона Табидзе море — сама поэзия, возвышенная и очищающая, владеющая магической силой и вдохновляющая, как молитва или клятва. Несмотря на интонационный покой, эти стихи написаны не под «благоприятным ветром». Эти стихи написаны для «путников и моряков»: написаны для тех, кто чего-то ищет и для кого морские бури стали родной стихией.

Для Галактиона Табидзе море — что-то очень близкое, вечная изменчивость моря родственна настроению поэта. Галактион Табидзе создал поэзию моря и кораблей и словно бы призывал нас, читателей, полюбоваться этим новым чудом: «Морякам раздадут вино, собирайтесь!» Кто произнесет такую энергичную фразу, тот наверняка сможет и раздать вино. Нас пьянит этот неведомый напиток, сохранивший привкус просоленных бочек. Нас изумляют контрастные краски, которыми написаны эти стихи:

И облако стояло, как фрегат
В спокойном море. Небо было сине:
Воображенья вдоль прибрежных линий
Влекло меня — увидеть бы фрегат!

(Перевод Г. Маргвелашвили)

И вдруг:

Как усталые серафимы,
Летели тоскующие мечты.

Пространства... просторы... дали... Матросы «искромсанных кораблей» — философы и мечтатели, и в их памяти вдруг возникает, подобно прерванной мелодии:

Дочь короля — босоногая смуглая Эмма.
Эмма ко мне обращает янтарные очи —
Я покидаю один побережье Эдема.
Ярок корабль, как созвездье тропической ночи.

(Перевод В. Леоновича).

«Маленькая гавайянка» Эмма наполняет стих экзотическим ароматом и приносит с собой призрак тропической лунной тишины. В этих стихах корабли везут диковинные грузы. Они нагружены юностью, любовью и красотой, и их белыми тенями» осенены размышления поэта.

Стихи полны радостью встреч, печалью разлук, нетерпением ожидания. Полны мерцанием далеких огней, к которым стремится моряк. Напряженной, как «горла перехват», фразой поэт создает настроение невыразимой тоски: «И корабль опоздал бесцельно, на века». Ожидание, долгое, бесконечное ожидание любви и радости, покоя и блаженства окутывает опоздавший корабль сказочным, почти мистическим туманом, и поэт шепчет ему, как живому существу:

Ты опаздываешь,
другие корабли подошли к берегу,
опущен парус.

И глядятся в спящий берег
тяжелые тени крейсеров,
Отсвечивающее красным море потягивается,
валы пены не сдвигают фрегатов,
И вдали ты воздушно лиловеешь.

(Подстрочный перевод).

Иногда ощущения моря и любви перемешиваются друг с другом, и тогда блистательный стих похож на взрыв этой великой радости.

Потом в этот поэтический, изысканный мир моря врываются страстные голоса жизни, и море для поэта становится символом его тревожной судьбы:

О, Черное море, взметни корабль,
И пусть опять будет похоже мое плаванье
На бурю моей жизни.

(Подстрочный перевод).

Поэт слушал эти новые голоса, слушал ритмичный гул нового дня и говорил радостно:

И я ощутил вдруг, сурово,
Что не пеплом и не золой
Прожитых дней —
Не вовне и не где-то,
А во мне зашумело море,
Море зашумело.

(Подстрочный перевод).

Галактион Табидзе — великий лирик. Лирика напоминает нам поиски человеком своего места под солнцем. Порой это сомнение и грусть, вызванная бессилием, порой — радость победы. Поэт ищет во внешнем мире явления, соответствующие

его настроению, и его «красочное перо» с удивительной силой заставляет говорить и постигает предметы, человеку до того недоступные.

Я вспоминаю стихотворение Г. Табидзе «Кукла»

Бедная кукла,
Наряженная в пеструю парчу,
У нее густые золотистые волосы,
Голубые большие глаза,
Маленькие алые губки
И неподвижные руки и ноги.
Скажи, кукла,
Спой, кукла!
Как тебя зовут?
Может, ты отведаешь
Губками вишен?
Но ты хочешь лишь одного:
Освободиться от проклятия.

(Подстрочный перевод).

В этом маленьком свободном стихе обнаруживает себя желание вдохнуть душу во все окружающее, заставить говорить предметы — и таким образом овладеть миром. В этом стихотворении неожиданными ассоциациями и проникновенным лиризмом донесен до слуха вздох заколдованных принцесс из наших сказок: «Как долго я спала!».

Вечерние тени, как сумерки ветерка,
Ложатся на окрестности,
Вы видели цвет заиндевшей сливы? —
Это горы моей родины!

(Подстрочный перевод).

Галактион Табидзе пытается превратить в одно целое поэзию, живопись и музыку.

Альберт Швейцер пишет:

«Душа художника — очень сложная единица, в которой талант поэта, художника и музыканта переплетается в постоянно меняющихся пропорциях».

Разве не глаз художника побеждает в этих поэтических образах:

Холод снял траур с деревьев,
Явились краски медленного янтаря,
Бледное солнце нарисовало на болоте
Стебли пожелтевших тополей.

(Подстрочный перевод).

Язык поэзии — это речь эмоций, и он имеет собственную поэтическую грамматику, в свою очередь опирающуюся на поэтическую лексику и поэтический синтаксис. Язык поэзии очень напряжен и значительно отличается от обычного разговорного языка. Это различие заметил еще Пушкин, который с величайшей скромностью говорил: «Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже».

Все вышесказанное подводит нас к вопросу поэтического мастерства, если, разумеется, возможно выделить этот вопрос из всего творчества поэта. Творческий труд — огромное счастье и, как говорил Эредиа, каждый поэт желал бы, чтобы читатель испытал такое же наслаждение, читая его книгу, какое испытывал он, когда ее писал.

В стихах больших поэтов нас завораживает естественность характера и настроения, свобода ритма и мелодии.

Упал ребенок — в пыль на мостовую.
Ударился — отчаянье в глазах.
Как будто душу бросили живую,
На камни бросили, в дорожный прах.

Река шумела где-то и когда-то,
И сестры пели... Зрела алыча...
Родной мой ангел. Каждая утрата
Тебя зовет — свежа и горяча.

(Перевод В. Леоновича).

Или такие стихи:

Помнишь дни Каралети,
Помнишь синие дали,
Помнишь, как на рассвете
Горы гордо блистали?

(Перевод Д. Голубкова).

Слово «Каралети» освещает все стихотворение.

Музыка... Музыка... Музыка...

Конечно, я имею в виду не те стихи, которые легко поются. Можно утверждать, что «напевный» стих, чьи истоки следует искать в устной народной традиции, сегодня уже теряет свое прежнее место в нашей поэзии, и это произошло, в первую очередь, благодаря Галактиону. В его стихе лирическая мелодия старается не выделиться в песню, а растворяется в ней, как нечто необходимое, питающее энергию, она является стержнем структуры стиха, стимулом развития. В стихе Галактиона музыкальное звучание мы воспринимаем не как прекрасный мотив, а как составную часть поэтического образа, освещающую его изнутри.

Фраза Галактиона Табидзе чувствительна и трепетна, как крыло летучей мыши. Она никогда не теряет равновесия между прозаическим и поэтическим и всегда нацелена на создание цельного настроения.

Поэт требует от читателя большого терпения и внимания, и когда вы постигаете его мелодию и поэтическую мысль, тогда-то он начинает властвовать над вами, становится неразлучным спутником вашей жизни. Полная «картинности» поэзия Галактиона постепенно завладевает читателем, и поэтому его стих растет вместе с возрастом и умственным развитием читателя. Как уже было отмечено, стих Галактиона, в основном, опирается на мелодию, но зрительная сторона его, живопись, также играет большую и важную роль. Французский художник Домье сказал об одном поэте: «Из него получился бы

великий художник, если бы он не предпочел стать великим поэтом». Написанные Галактионом пейзажи очень близки к живописи и так же осязаемы, как картины природы, вернее, написанные на холст. У поэта острый и быстрый глаз, замечательные им детали четко отпечатываются в памяти: «Кура течет, как лестница», «ветер несет ястреба», «с лодкой, молча лежащей в песке»....

Г. Табидзе — несравненный мастер грузинского пейзажа. Природа, «полная надежд и встреч», как будто неустанно призывала к себе поэта, пленяя его новыми красками. Гармоничное распределение этих красок было постоянной заботой поэта, и поэтому создавать что-нибудь он умел так же просто и хорошо, как природа. Вечный круговорот красок в природе в представлении поэта всегда оставался чудом, ибо он видел в этих переменах неповторимую прелесть. Солнце, звезды, луна для него всегда сверкали с дивной самобытностью и в его стихотворениях, будучи связанными «поэтическими нервами», создавали блистательную поэтическую галактику. Поэт словно верил, что природа слышит его, и часто открывал ей свое сердце:

О, звезды, о белая луна,
Отец и мать,
Слышите вы меня или нет...

(Подстрочный перевод).

Природе поэт часто доверял тайну своей любви. В стихах Галактиона тема любви имеет свою «подкладку», горечь разлуки и измены, и сделано это настолько обобщенно, что исчезает самый след конкретной личности. Можно сказать, что это скорее плач об одиночестве. Любовь поэта изменчива, подобно мартовской погоде — ненадолго выглянет солнце и снова набегают тучи. В эти «солнечные» мгновения поэту красота любимой предстает в неразрывном единстве с природой, и он рисует ее ясными, светлыми красками:

В саду, где укроп и киндза
Радостно цветут рядом с чайными розами,
Волнуется твой раскрытый ворот.

(Подстрочный перевод).

И этот земной, дурманящий аромат, эти краски, замешанные на солнце и земле, остаются в нашей памяти, как прекрасная картина единства человеческой страсти и природы.

Галактион Табидзе по своему мироощущению — современный поэт, и сегодняшняя реальность — источник его вдохновения. Галактион сформировался как поэт в эпоху индустрии, и ритм города органично слился с ритмом его творчества. Он чувствовал город всем существом и в своей новой поэзии был его кровным сыном. В стихах Г. Табидзе естественно разместились площади, мосты, улицы, гул автомобилей, заводской гудок и далекий крик паровоза. Галактион и на природу смотрел глазами горожанина, и созданный им поэтический образ был сложным и многогранным.

Галактион Табидзе любил Тбилиси не только как родной город, для него Тбилиси был центром его поэтического мира и корнем его музыки:

И как Христос, избравший Галилею,
Себе в удел избрал Тбилиси я, —

(Перевод Г. Маргвелашвили).

говорил поэт, и в самом деле, Тбилиси без Галактиона так же невозможно себе представить, как Петербург без Пушкина и Москву — без Маяковского.

Улицы Тбилиси он знал как свою собственную ладонь и до конца оставался верным рыцарем их красоты. Его стихи превратились в мелодии Тбилиси. Эта разноцветная земля и небо — «исполненные грузинского благородства», казались ему вечно не написанными стихами и толкали на творческое соперничество с природой. Ночами гуляя по улицам, поэт часто ощущал прикосновение «души Тбилиси», и это сильное чувство, впоследствии преображенное в любовь, он пронес по дорогам своей жизни бережно, как горящую свечу.

Мы часто видели гуляющего по тбилисским улицам человека библейского облика, с утомленным бессонницей лицом. Иногда он касался плечом стен, словно желая убедиться в реальности этого опозитивированного города. Его шаги звучали, как ритм нового стихотворения, а мы верили, что каждое мгновение он был воспламенен и полон новыми стихами, ибо он не знал, что такое покой. Ведь он сам сказал:

Руставели и покой?
Спокойствие и Важа?

Он шел по следам великих грузинских поэтов и обладал такой же неиссякаемой энергией, как они. Галактион не походил на тех писателей, которые «гений используют для собственной жизни, а для творчества — только талант». У Галактиона не было другой жизни, кроме стиха, и в стих он вложил весь свой огонь и дар. Г. Табидзе до последнего вздоха оставался поэтом, горячо влюбленным в свой народ и в свою родину:

Родная моя земля,
Клянусь твоим любимым именем,
Что защищу твое величие,
Защипу кости предков.

(Подстрочный перевод).

Стих Галактиона Табидзе с каждым днем сияет все ярче, ибо с каждым днем он овладевает все новыми любящими сердцами.

Имя Галактиона Табидзе останется гордостью грузинской поэзии, ибо он относится к числу тех поэтов, которые, говоря его словами, «...на протяжении веков ставили честь выше смерти, славу этого мира считали суетной и помнили лишь об одном величии — вечном».

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕТАФОРЫ

НА МАТЕРИАЛЕ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Да будет прощено автору этой статьи незнание грузинского языка и необходимость пользоваться подстрочниками и художественными переводами и да будет дозволено привести заключительную строфу стихотворения Б. Пастернака, посвященного Паоло Яшвили:

**«Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник...»**

Метафора чрезвычайно сложное, многогранное явление, которое всегда было и останется предметом вечных споров, основой самых противоречивых мнений.

На протяжении уже двадцати веков метафора является объектом исследования самых различных наук и прежде всего литературоведения и языкознания, а также логики и психологии, философии и этнографии, общей эстетики (изучение метафорической природы художественного мышления) и искусствознания в конкретной, практической форме.

Однако, несмотря на обилие литературы о предмете, на огромное множество книг, статей самого различного характера, многие вопросы теории и практики метафоры остаются нерешенными. К ним относится в первую очередь вопрос об образной функции метафоры, о степени ее интенсивности по отношению к «мертвой», поблекшей метафоре, о дифференциации метафоры поэтической и языковой.

Неопределенность, зыбкость границы метафоричности особенно проявляется при любой попытке отличить метафору от метонимии, а тем более от символа, аллегории, эмблемы.

А ведь существенным является не только вопрос разграничения метафоры и других видов переноса, установленных многовековой традицией, так же важно установить случаи их сближения: метафорический эпитет, образное метафорическое сравнение и т. д., как промежуточные формы образного выражения.

Так или иначе, метафора в различных модификациях присутствует во всяком поэтическом тропе.

В общей системе изобразительных средств языка метафора занимает центральное место как наиболее типичный случай переносно-фигурального значения, как наиболее яркое проявление категории образности, одно из средств языка, позволяющее в сжатой, предельно краткой форме создать конкретный, емкий образ (основанный на ассоциативных представлениях). Она включает в себя, наряду с функцией номинации, и возможность выразительно, с максимальной наглядностью характеризовать предмет, явление, создать определенный подтекст.

По сравнению с другими тропами метафора чрезвычайно гибка, она способна сближать по сходству или по контрасту самые различные, далекие друг от друга явления, соединить в одном образе элементы одушевленного и неодушевленного мира, абстрактного и конкретного при сохранении **двуплановости** прямого и переносного значения.

Особенно активна метафора в области языка художественной литературы — наиболее широкой, универсальной разновидности общенародного литературного языка. Здесь проявляется по-особому неповторимость каждого слова, «подвижность» его значений, бесконечные его сдвиги в сторону метафорического переосмысления. Именно в литературном творчестве с наибольшей силой приходит в движение весь арсенал выразительных средств языка. В формировании художественных образов, в особой образности и заключается специфика художественной речи, она составляет ее неотъемлемый, важнейший признак.

Однако даже в отношении поэтического искусства, области неперемемного, казалось бы, господства метафорической образности, существуют спорные, а подчас и крайне противоположные высказывания. Остановимся подробнее на яркой, содержательной работе известного грузинского поэта С. Чиковани «Мысли. Впечатления. Воспоминания» (М., 1968). Его эстетическая программа, как это будет показано ниже, связана с особым характером образности и образной системы поэтического мышления, основанной на метафоричности.

Метафора, по мнению автора (стр. 25—26), «не просто поэтический аксессуар и тем более не декоративно-украшательный прием... а своего рода телескоп или микроскоп, через который раскрывается мир... Именно поэтому становится поэзия орудием открытия и познания мира, его далей и глубин...

Вместе с тем метафоричность — могучее средство выражения душевного строя поэта, одно из самых органических средств лирики...

Метафора — это специфическое поэтическое средство открытия и утверждения сложной связи предметов и явлений, она орудие ассоциативного мышления образами». В современной критике он противопоставляет так называемой «поэтической двуверстке» — «метафорическую масштабность»).

Исходя из этих положений, С. Чиковани анализирует специфическое проявление метафоричности на поэтическом материале Ш. Руставели («поэт необычных метафор», стр. 167), Г. Табидзе, В. Маяковского, а также современных советских поэтов А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной и др. («Метафора, в

том числе и метафорический сюжет, является для них острой. шим орудием познания мира», стр. 27).

Подобного рода метафорические сюжеты — «закрепляющие своей композицией движение и развитие метафоры, ее реализацию» — встречаем и у Чиковани.

Так, благодаря концентрации на «площади» небольшого поэтического текста неожиданных метафорических образов, связанных общей сюжетной линией: «звезды вечерней ртути зазубилась», «поседельный мрамор моря», «в смарагды моря падают сапфиры, как будто ночь блаженной вязью слез связала сноп из всех сокровищ мира», С. Чиковани создал вдохновенный «ночной мегрельский пейзаж», отмеченный высоким лиризмом. (Мы остановились подольше на взглядах и поэтической практике С. Чиковани, ибо подобная позиция характерна для многих современных грузинских поэтов, например, для И. Абашидзе — «...Был миром полон я, его горнила то озаряли жизнь мою, то жгли»).

Можно, конечно, привести бесконечное множество высказываний в этом духе. Так, А. Вознесенский назвал метафору «мотором современной художественной формы». По его мнению, метафора помогает связать расчлененную картину мира в художественное единство. В метафоризме видел суть поэзии и Б. Пастернак.

Но наряду с апологетами метафоричности можно назвать и крайних ее противников.

Известный польский поэт, драматург Т. Ружевич утверждает (в ж. «Акценты»): «...ритмичность, метафорическую образность я ощущаю не как крылья, а как балласт» и далее: «метафоричность не только не способствует, а скорее препятствует контакту читателя с подлинным смыслом поэтического произведения». Отсюда и программное стремление ликвидировать метафору как излишний «декоративный элемент». Правда, эти высказывания относятся к определенному этапу творчества поэта, и как раз склонность к метафоре одна из основных черт его драматургии. (Но и у других современных польских поэтов заметна тяга скорее к метономии, как более рационалистичному акту сознания — у Герберга, Харасимовича и др.).

Такие же «ликвидаторские» тенденции заметны и в современной немецкой поэзии, особенно среди «молодых» поэтов ФРГ. Они проявляются в отношении к метафоре и ее функции в художественном произведении как к элементу, искусственно привносимому и лишь усложняющему изображение.

Еще более резкие, «боевые» лозунги можно отметить в поэзии Латинской Америки — «Войну метафоре, смерть образу да здравствует конкретный факт и еще раз ясность!» — требует Н. Парра. (Сущность «неоавангардистских течений» в определенной степени сводится к выталкиванию метафоры из поэтического языка. Присущему им скептицизму чужды «красивость», «полет фантазии» метафорического мышления).

Конечно, выбор того или иного стилистического приема в основном зависит от творческой индивидуальности поэта, но

может подчиняться и преходящей «моде», зависеть от определенного течения.

Именно как дань моде можно рассматривать в какой-то степени названные выше «ликвидаторские» устремления по отношению к метафоре, подобно, как и с другой стороны, формалистические изощрения грузинских «голубороговцев» — на определенном этапе их развития с преувеличенным увлечением метафоричностью.

Мы не можем не согласиться с мнением большинства исследователей проблемы, критиков (и что не менее важно — самих поэтов), утверждающих, что принцип метафоры — это художественный принцип, прежде всех других определяющий искусство поэзии. Соответственно можно рассматривать метафору как элемент художественного мира поэта, его «универсума».

Так или иначе, в распоряжении поэта имеются лишь языковые средства — слова, их огромные возможности устанавливать новые, неожиданные ассоциации между иногда очень далекими явлениями, предметами: поэт — мастер слова — способен увидеть в окружающем мире «ассоциации, порождающие образ», недоступные неискушенному читателю. Поэт может использовать и расположение слов в словосочетаниях, фразах, в пределах более узкого или широкого контекста. Поэтическая метафора всегда контекстуальна, ее смысл постигается до конца в контексте всего произведения, а иногда и всего творчества поэта (а есть и метафоры, основа которых, их ассоциативные связи наиболее понятны лишь в образном контексте всего периода).

Слова составляют ту реальную базу, на которой может развернуться мастерство поэта. В зависимости от общего идейного замысла формируется система образных средств, характерных именно для данного поэта, определяется и его метафорический «почерк». Языковые средства образности, и прежде всего — метафора, должны донести с максимальной краткостью, четкостью идейно-художественное содержание поэтического произведения, в этом суть их использования как элементов формы.

Так в гармоническом сочетании метафор, образных сравнений, эпитетов в творчестве Галактиона Табидзе, одной из существенных сторон которого был принцип музыкальности слова, мы видим тщательно продуманную систему художественных изобразительных средств, рельефность, чувственно-конкретную осязаемость поэтической живописи поэта.

Поэтическая речь представляет собою специфическую сферу максимального воздействия на эстетическое восприятие, на чувства читателя, с помощью метафоры поэт взывает к его воображению, стремясь передать ему свое поэтическое видение мира. Ценность метафоры в ее тенденциозности, она позволяет поэту с большей силой концентрации выразить мысли, ощущения, охватывающие разносторонние явления мира, дать их субъективную трактовку. Благодаря этому метафора несет в

себе и определенную общественную функцию, как средство познания и оценки многосторонних явлений действительности.

Метафора не просто называет, а характеризует, на первый план выдвигается какой-то характерный признак предмета, он и является основным мотивом переноса, который затемняет другие признаки, вытесняя их целиком или частично. Метафора не остается в пределах внешнего сходства. Сравнивая между собою предметы и их качества, она углубляется в их внутреннюю сущность.

Элемент образности, непременно сопутствующий переносному употреблению слова, и связанная с нею наглядность, эмоциональная окрашенность способствуют сохранению метафорических слов и выражений, их обновлению и появлению все новых форм.

Метафорическая лексика составляет не только источник обогащения языка, но и эстетический его элемент, определяющий в значительной степени его красоту, выразительность. Образная речь точнее, нагляднее выражает мысль, доставляет эстетическое удовольствие читателю и увлекает его, заставляя переживать.

Вопрос об эстетической функции языка, об особых языковых и речевых формах выражения прекрасного относится к наименее изученным.

Когда речь идет об эстетике конкретного, а именно грузинского языка в части его лексического материала, нужно учесть и эстетическую сторону отдельно взятого изолированного слова, восприятие слова как «красивого» или «некрасивого». Ведь в грузинском языке функционирует множество лексических единиц, поражающих нас своей яркостью, смысловой емкостью, насыщенностью разнообразными стилистическими оттенками и просто своим звучанием. Н. Тихонов отмечал, что в слове «цхали» (вода) слышится плеск воды.

Слово само по себе может быть эстетически значимым и служить средством создания образа, с помощью которого воспроизводится какой-то кусок действительности¹.

Уже Аристотель, основатель «метафорологии», отметил, что предпосылкой хорошей метафоры является умение поэта-художника увидеть «сходное» в «несходном», направить внимание на новые ассоциации, сочетания.

В стремлении к художественному изображению человека, явления, предмета по законам красоты, к созданию поэтического образа языковыми средствами проявляется не только основа возникновения метафоры, но и ее эстетическая функция, особенно в области поэзии.

Для правильного восприятия метафорического образа требуется встречная работа мысли читателя — «получателя речи», а иногда и определенное созвучие эстетического вкуса.

¹ Можно привести образное выражение известного немецкого поэта и переводчика Фр. Рюккерта — «В каждом слове, если его взвесить, умещается целая книга»; К. Паустовский («Золотая роза») восхищается многими словами, которые «сами по себе излучают поэзию».

1935040
1910333

Следовательно, проблема поэтической образности связана непосредственно с вопросом о сущности восприятия тех элементов языковой структуры, которые привлекаются с целью экспрессивно-эмоциональной интенсификации высказывания, с ответной реакцией читателя.

«Раскрытие», «декодирование» метафоры требует в значительно большей степени определенной подготовки, ведь читатель должен постичь не только значение образа, но и «расшифровать» его эмоциональные, эстетические «обертоны», чтобы они не остались незамеченными.

Исследования из области психологии творчества свидетельствуют о том, что художник слова не всегда (а может быть и никогда!) не может объяснить «механизм» создания той или иной метафоры, она может возникнуть как «одномоментный процесс» (по определению известного психолога П. Анохина). В настоящее время можно считать доказанной теорию мгновенности рождения поэтической метафоры, а также мгновенности, непосредственности процесса ее восприятия.

Стихийность создания метафоры (а также ее восприятия) — «непредвзятость образного видения», «нечаянность поэтического открытия» (по выражению И. Андроникова) с особой наглядностью проявляется при образном ее употреблении для зримого выражения движений духовной жизни: чувства боли и радости, гнева, страдания, предполагающих «сопереживание» со стороны читателя.

Было бы, конечно, неверным, исходя из многогранности, широких потенций процесса метафоризации, сложности ее возникновения и восприятия, предполагать неограниченные ее возможности. Всякий метафорический перенос ограничен какими-то определенными семантическими рамками. Любое, даже самое дерзкое, сочетание, в котором осуществляется сопоставление сопряженных в метафоре далеких друг от друга понятий, нуждается в логической оправданности, в определенной смысловой точке соприкосновения.

Использование метафоры должно быть обосновано соответствующим контекстом, в состав которого она входит как его структурный элемент. Более того, должно быть оправдано соответствующей сферой речевого общения, т. е. в пределах соответствующего функционального стиля. Совершенно очевидно, что определенная метафора, уместная в поэтической речи, может показать вычурной, излишней в разговорной речи и наоборот. Изошренность в выборе метафорического материала влечет за собою обычно и опасность искажения смысла слова и его экспрессивной окраски. Стремление к нарочито осложненной, многоступенчатой метафористике может носить программный характер и быть связанным с определенным литературным направлением (период барокко, поэтика французского символизма, немецкий экспрессионизм).

Метафора как способ выражения понятия средствами образности — «метафорическая природа художественного мышления»¹ — является также категорией универсальной по своей природе.

¹ См. Ю. Боров. Эстетика. М., 1975, стр. 195 и др.

Следовательно, мы сталкиваемся в этой области с проблемой межнациональных взаимосвязей, параллелей и аналогий т. е. с кругом вопросов «образной» типологии, задачи которой связаны с выявлением универсальных черт, общих элементов образного изображения действительности, с установлением одинаковых семантических мотивировок на материале разных языковых систем.

Метафоризация слов — явление, присущее всем языкам как высокоразвитым, так и бесписьменным и во все исторические эпохи, а также любой сфере языкового общения. (Можно привести остроумное замечание французского лингвиста М. Бреалья: «...европейские языки так же не могут уйти от метафоризации, как араб в пустыне от своей тени»).

Сходжения в области метафористики могут быть объяснены и генетическими связями языков, литератур; в процессе формирования «интернационального» фонда немаловажную роль сыграло культурное сближение и взаимодействие между народами, имеет также значение сходство культурно-исторических условий, подобие общественно-политической жизни. Большое количество общеупотребительных тропов связано с общими для всех народов ассоциациями, заключенными в основах типа — ночь, день, солнце, звезда, море, весна, осень и т. п. В поле зрения стилистики находится огромная масса выразительных фактов поэтического языка, возникших путем метафористического переноса во всем их стилевом многообразии. В этих широких границах занимают особое место метафоры разной степени «стертости» типа, например: поток слез (уже в грузинской народной песне), солнце мира, гроза врагов (у Руставели). Вследствие частого употребления их экспрессивная окраска бледнеет, разрушается параллелизм основного и переносного значения, что приводит к их шаблонности, обычности.

Наиболее многочисленные, широко распространенные, они все же сохраняют определенное эмоциональное воздействие, их воздействие можно объяснить подсознательным восприятием легшего в их основу образа.

Общим для всех языков является переносное употребление названий животных, птиц для образно-иносказательного обозначения определенных качеств и поведения человека. Конечно, могут быть расхождения в метафорических переосмыслениях отдельных слов и выражений, которые неодинаково проявляют себя в разных национальных языковых сферах.

Так, например, в индийской поэзии величественная женская походка ассоциируется с походкой слона, в азербайджанском — походка, взгляд женщины уподобляются с таковыми у джейрана, серны, куропатки.

Многие слова наполнялись особым идейным содержанием, так, например, журавль — «крунк» стал традиционным для армянской культуры символом изгнанника. (В Брюсов в переводе стихотворения Наапета Кучака сохранил слово «крунк», чтобы сделать более ощутимым смысловой оттенок изгнанничества).

Широкое распространение получили «интернациональные» метафоры, восходящие к общим источникам. Наряду с эпитета-

ми, образными сравнениями такого же характера они вливались в систему художественной изобразительности, их пути развития на народной почве зависят уже от определенных исторических условий.

Параллельно с универсальными переносами возникали и все вновь возникают метафорические слова и выражения, связанные с жизнью самого народа, его бытом, его общественными и культурными традициями. В течение многих веков отбирались и закреплялись образы, обладающие наибольшей наглядностью, емкостью. Этот вечно живой, непрерывно действующий, ведущий к постоянному обновлению системы образных средств процесс подчинялся определенным закономерностям. Именно на национальной почве решается вопрос о тех слоях жизненного материала, об ассоциативных сферах, которые становятся материалом образного воссоздания действительности.

Следовательно, для изучения метафористики в аспекте ее национального своеобразия следует принять во внимание и функции отдельных лексико-тематических групп — их удельный вес, поскольку они отличаются особой потенциальной экспрессией метафорически-переносных значений.

Выше говорилось уже об особом виде универсальных метафор, широкое распространение они получили, подвергаясь специфической трансформации и на грузинской почве. Речь идет о «звериных» метафорах, основой которых являются наименования животных, а также и птиц, рыб, насекомых. Они заимствованы из окружающей природы. В этом залог их конкретности, наглядности. Путем образно-переносного их использования возникали и закреплялись яркие метафоры, используемые для обозначения людей, особенностей их характера, поведения, для выражения отрицательной, главным образом, экспрессии или же одобрительной характеристики. Создавалась определенная символика наименований.

Немаловажную роль в процессе формирования этих образных иносказательных наименований сыграла популярность басневого жанра. Басня, один из древнейших жанров, восходящий своими истоками к образной притче о зверях, уподобленных людям, к древним категориям образного мышления, сохранившим элементы анимизации, основывается на определенном символическом образе.

В басне, благодаря присущей ей иносказательности, аллегоризму, на фольклорной базе, в поговорках, пословицах выработался традиционный круг типичных персонажей, образов, в которых за определенными представителями животного мира были закреплены и определенные качества.

Многие такие образы повторяются в поэзии самых различных народов и в различные времена, они стали своего рода «интернационалистами». Здесь уместно отметить интересные наблюдения А. П. Баранникова¹, который указывает на то, что

¹ См. А. П. Баранников. Изобразительные средства индийской поэзии. Изд. ЛГУ, 1947.

индийская поэзия оперирует только образами своего внутреннего круга, не выходя из рамок своей природы, жизни и быта (стр. 22), и если в индийской поэзии неизвестно ни одно животное, растение неиндийского происхождения, то в европейской поэзии выступают и являются наиболее яркими образы, связанные с животными, растениями, мало или совсем недоступными повседневному быту.

И в грузинской поэзии такие метафорические слова и выражения со значением животного и т. п., соотносенные с человеком в образно-фигуральном употреблении, приобретают какую-то новую стилистическую окраску или добавочные национальные смысловые оттенки. В них находят свое отражение специфический народный юмор, склонность к насмешке, иронии, стремление высмеять определенные пороки (такими являются шакал, волк, лиса).

Но они могут нести и другие, противоположные стилистические функции. Так, с помощью названий птиц создаются преимущественно характеристики положительных качеств. Многие такие наименования стали традиционными символами (ласточка — вестник весны), широко употребляемыми в переносном смысле в фольклоре, народной песне с определенным идейно-эстетическим значением. Например, уже в средневековье сокол носил условный характер символического обозначения благородства, храбрости, так же как и орел (здесь уместно напомнить, что в античной мифологии с этими наименованиями связывались атрибуты царской власти). Впоследствии под пером мастеров поэтического слова они видоизменялись, подвергались метафорическому переосмыслению и приобретали новое образно-символическое назначение. Так, в поэзии В. Пшавела орел стал символом героя, вдохновенного поэта, иногда и просто вдохновения, а образ раненого орла и стаи черных воронов в поэме В. Пшавела «Орел» стал «одним из прекрасных образов грузинской патриотической лирики».

Огромная роль в процессе формирования грузинского поэтического мышления, его образных элементов, и даже сюжетных мотивов выпала на долю таких животных, как тигр, барс, лев, тур, ставших эталонами мужской силы, отваги, и рядом лань, олень — эталонами нежности, ласки.

Подлинными «действующими лицами» стали названия многих деревьев, олицетворяющих близость поэта к родному краю, его влюбленность в родную природу, как, например, чинара — «Горделиво высится чинара, чуть-чуть качая головой шатра» (Бараташвили).

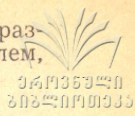
У Галактиона Табидзе:

**Ветвистый дуб, как часовой в дозоре, —
Он со своей столетней высоты
Встречает первым утренние зори
И смотрит на Кавказские хребты.**

И как заключительный аккорд:

**Могучий дуб свершил свой ратный труд.
(«Дуб», пер. А. Межирова).**

В поэзии А. Мирцхулава тополь используется как раз-
вернутое метафорическое сравнение поэта с могучим тополем,
который как часовой стоит на страже утеса — родины¹.

**Я — тополь! Стою на краю стремнины,
руки ветвей широко раскинув...**

(«Тополь»)

Образ тополя в лирике Мирцхулава выступает как постоянный мотив, получая все новые поэтические осмысления: так, вереница молодых тополей — для него образ молодого поколения.

Не менее важна функция, хотя реализуется совершенно по-иному, наименований цветов и растений. Наряду с наименованиями драгоценных камней, материй они употреблялись преимущественно в языке поэзии для символизации определенных качеств человека, его переживаний, явлений природы, а иногда в качестве декоративных средств для украшения речи, они были всегда связаны с символикой устной поэзии, фольклора и образностью живой, устной речи.

Характерной особенностью таких метафор является то, что в их основе не всегда лежит сходство с внешними признаками предметов, в отличие от других видов, не в этом состоит их сущность, в них находит свое отражение своего рода эстетическая философия, «постигающая многообразные внутренние взаимосвязи явлений».

Эти традиционные метафоры-символы относятся в значительной своей части к античной и средневековой риторике и поэтике, конечно, многие из них исчезли бесследно, другие подвергались резким изменениям. Можно привести примеры контрастного их преобразования: **змея** была символом то мудрости, то сатаны, а также символом вечности, вечного движения, обновления (змея меняет шкуру), в грузинской поэзии появились новые ее метафорические возможности — эластичности, гибкости; «Мрамор шеи обвивают косы змеей» (Бесики). «О, змеи кос над розами ланит» (Гр. Орбелиани), у Бараташвили: «Как змеи локоны ее распались», **пчела** — в Библии — для переносного изображения врагов, у греков и римлян — символ прилежания. **Чаша** у Руставели: библейская чаша горя, у Церетели: сладостная чаша жизни, у Бараташвили — застольное веселье.

В качестве источников метафоризации можно выделить еще и другие лексико-тематические ряды. Например, явления природы. И в этой области создавались определенные традиции, восходящие к народному творчеству, к античным поэтам. Так, небесные светила послужили основой для создания положительных светлых образов, для переносного воплощения высокого, хорошего: **солнце** символизирует не только свет, тепло, но и нечто дорогое, источник жизни, счастья; **луна** в соответствии с мифологическими представлениями в Грузии

¹ См. Г. Маргвелашвили. Свет поэзии. Тбилиси, 1965, стр. 132—133.

имеет особое значение — от нее во многом зависит судьба человека.

Широкое распространение в поэтическом творчестве получили вариации традиционных метафор — переносные наименования явлений природной стихии — гроза, буря, гром, море, ветер — использованные для поэтической символизации, для выражения настроения, тревоги, сильного душевного волнения. Так, в поэзии Г. Табидзе природа, ее явления выражают увядание, старение, закат чувств, тревогу ожидания.

**Ветер плакался неистов
На поле ночном,
Подхватив охапку листьев
Сломанным крылом.**

(пер. Т. Цагарели)

Они относятся к арсеналу образно-переносных средств речи, используемых для поэтизации, символизации, т. е. для воплощения в конкретном, наглядном образе различных явлений жизни, проявления внутреннего мира человека. Здесь мы сталкиваемся уже непосредственно с проблемой символа, его сущности, источников возникновения, и, главное, его функции на определенном этапе в развитии поэтического мышления (в определенной национальной сфере).

Универсализм миросозерцания, идея единства и цельности мира, охватывающая и область человеческой психики, составляет, как известно, основной характеризующий элемент творчества Ш. Руставели, она находит свою опору в цельной системе символических образов.

«От единичного к универсальному, от малого к монументальному» развертывается поэтическая мысль С. Чиковани, — как отмечает критик, указывая также на «внутренний пафос его исканий... очень часто составляющий страстный порыв к преодолению «пространства» и «времени». Критик склонен эту тенденцию, и в связи с этим тяготение к определенному кругу образных представлений, рассматривать, не без основания, как некую национальную черту.

В основе символа лежит стремление поднять единичный факт на высоту большого обобщения, придать изображению идейную весомость. Благодаря своей метафорической сущности, емкости символ представляет собою наиболее краткую форму для воплощения единства мира, в нем совмещаются отдаленные друг от друга эпохи, пространства, находит свое воплощение родство двух разноплановых явлений.

В трактовке символа мы исходим из некоторых доминирующих признаков, характеризующих в совокупности его сущность. Итак, это многозначный образ с максимальной степенью обобщенности и экспрессии, воплощающий идею или отличительную черту какого-либо явления. Однако это также образ, связующий разные планы действительности на основе общности, сходства, следовательно наличествует (всегда) переносно-метафорическое начало, но обогащенное внутренним глубоким замыслом.

«Образы-символы, с ними ассоциировалось так много, что достаточно было их упоминания, чтобы возникла лирическая атмосфера», — писал Тициан Табидзе.

И еще одно обстоятельство характерно для символа, он формируется в течение длительного времени, живет столетия и соответственно несет отработанные веками эстетические представления, получив определенную стилистическую устойчивость. Символ — строго ограничен определенной поэтической системой в отличие от метафоры, свободной от условностей стихля.

В грузинской поэзии складывалась определенная система образно-экспрессивных средств, в течение многих веков отбирались и закреплялись символические и метафорические образы, обладающие наибольшей выразительностью, идейной емкостью.

Неотъемлемым компонентом традиционной поэтической символики была фольклорная символика, начало которой уходит в дописьменные времена. Из поколения в поколение передавались в песнях, сказаниях и в других жанрах устного творчества древние исконные образы, связанные с реальной жизнью народа, его историей, культурой, нравами.

К первичному кругу символов народной поэзии (сказочный богатырь Амиран—грузинский Прометей; гвелшапи — злой змий, персонаж сказок: дэв—злое чудовище) присоединяется также библейских и евангелических образов, вошедших в сферу поэтического творчества вместе с переводами библии, с церковной книгой. (Христианские символы надежды: звезда, луч, радуга). Библейские мотивы привлекали сюжетными возможностями, поэтической многозначностью, общечеловеческой мудростью, которые делают библию в течение уже многих веков источником сюжетов, метафорических образов.

Имели также хождение мотивы, заимствованные из персидской поэзии, привносящие, особенно в любовную лирику, элементы пышности, восточной цветистости (Теймураз I).

XVIII век вместе с идеалами просвещения, с идеями классицизма принес свои уже устоявшиеся символы, в частности античного происхождения, из области греческой и римской мифологии. Была выработана целая система традиционных условных аллегорических форм, лишенных живой образности. (Лавр — слава; арфа, лира — поэзия, проза — юность, красота или прелестная девушка). Метафорическая сущность всех этих символов, аллегорий — в сближении явлений, в соотношении существенных сторон.

В дальнейшем метафорическое словоупотребление претерпело сложную эволюцию, связанную с процессом многообразного взаимодействия романтического и реалистического направлений. Наряду со стремлением преодолеть рамки конвенционализма, условной образности, орнаментализма (А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили), доминирующим становится движение от чрезмерной обобщенности к вещественной конкретности, к логической точности ассоциации на фоне общей тенденции к демократизации поэтической речи. В метафорический обиход вовлекаются новые пласты лексики, создаются новые направления метафорического развития слов, новые модели. Особое

значение на этом пути приобретают метафорические образы, созданные великими грузинскими мастерами поэтического слова (А. Церетели, В. Пшавела, Г. Табидзе, С. Чиковани).

Изучение закономерностей развития системы средств образности решается в зависимости от общего характера определенного литературного направления, в частности это имеет значение для проблемы метафоризации. Следует также учесть, что каждая эпоха имела свою символику, свою метафористику, по-своему подходила к ней и находила практические решения. Такой подход представляется весьма плодотворным и необходимым для исследования и грузинского метафоризма. Следовательно, может быть поставлен вопрос об изучении метафорического почерка отдельного автора, о структурно-функциональном своеобразии метафоры в его поэтическом творчестве.

Национальная специфика метафоризации слов как непрерывно действующего процесса проявляется также в их лингвистической «фактуре», в тесной связи с их лексико-грамматической характеристикой.

Образно-метафорическое значение реализуется в нетипичных для общего обихода соединениях, чаще всего в парах непосредственно грамматически связанных слов, которые по своей структуре могут составлять двучленные генитивные сочетания — бинарные метафорические словосочетания, представляющие собой наиболее популярную форму выражения метафоричности.

Сущность этой модели состоит в том, что приименный генитив относится к существительному, используемому в образно-переносном значении. Следовательно, один компонент (в переносном значении) выполняет номинативную функцию (обозначая денотат непосредственно), второй же компонент служит средством усиления выразительности, наглядной образности или выражения субъективного авторского отношения к изображаемому. На этом пути возникают и подлинно творческие генитивные метафоры.

Для изучения сущности явления важно и то обстоятельство, в результате тесной семантической спаянности компонентов, в генитивных конструкциях возникает одно нерасчлененное представление, позволяющее объединить наиболее отдаленные области жизни, в одном образном сочетании сблизить слова, относящиеся к различным стилистическим пластам.

Именно в этой области открывается простор для словесного мастерства поэта, которое может проявиться в сближении ранее не сопоставлявшихся друг с другом слов по какой-то неожиданной смысловой соотносимости и в создании таким способом новых «смелых» метафор.

Подобные генитивные сочетания метафорического типа широко представлены в грузинской поэзии с древнейших времен. Уже в народной песне и в поэме Ш. Руставели применялись многочисленные конструкции этого типа: огонь любви, чаша горя, чертог вселенной, розы щек, пламя страсти, копьё печали.

Они составляют характерную особенность творческого почерка, органический элемент стиля многих поэтов: у Д. Гурамишвили — колесо судьбы, слез моих поток; у Бесики —

уст рубин, мрамор шеи — и достигают особого расцвета в поэзии XIX в.; у В. Пшавела — облаков бегущих слезы.

С генитивными словосочетаниями конкурируют синонимичные им сочетания двух существительных: «Стонами полной мой рот» (А. Чавчавадзе), «Я корневищами прирос к земле родной» (Г. Леонидзе).

Структурное разнообразие приемов метафоризации в области имен существительных может также проявляться в различного рода приложениях, где на первом месте выступает обычно слово в номинативной функции, а за ним следует непосредственно или связано с объединяющим элементом, как его образный эквивалент, слово или целая группа слов, употребляемых в переносно-метафорическом смысле. Например: у Чахрухадзе: «Тамар, Эфир молниеносный, целебных трав луч, Ларец познания, ключ, текущий среди эдемских дубрав», «Роза — пленительница взора». (Руставели), у Н. Бараташвили — «Раздумья над Курой»: «Наш бранный мир, худое решето, которое хотят налить до края...»

Совершенно очевидно, что существительное — приложение в метафорическом употреблении выражает не столько предметность, сколько качественную образную характеристику. Возникающая таким образом оппозиционная связь базируется, в основном, на сопоставлении качеств предметов или явлений с выделением какого-то одного характеризующего признака (выражая не идентичность, а сравнение).

Встречаются, хотя значительно реже, развернутые метафоры, состоящие из развернутого многопланового образа или нескольких, связанных центральных, стержневым словом. Например: Р. Эристави («Вино») — «Расплавленный рубин, кровь винограда, янтарная струя, души отрада, на бедном языке вином зовется» и т. д.

К наиболее активным средствам развития основного образа, заложенного в метафоре, относится присоединение к слову в переносном значении сравнительного оборота или сравнительного предложения, отождествление в данном случае сменяется сопоставлением.

Сравнение связывается с образным значением метафоры, поясняя его или полнее раскрывая, следовательно, сравнение входит в метафорическую группу и замыкает ее, но в отдельных случаях сравнение как бы подготавливает последующее употребление метафоры. «Как чаны для араки, стоят облака... Над костром, притворившись джигитами (Т. Табидзе). Во всяком случае, в сочетании и взаимодействии этих двух средств выразительности необходима их согласованность, единство их образной мотивировки. Образом подобного гармонического сочетания могут служить приведенные ниже примеры: «...В битве — лев, он ликом — солнце, станом строен — как чинара» (Руставели, «Витязь в тигровой шкуре»). «Ты — лиса с душой шакальей. А теперь, как волк матерый, Вышел, зубы алчно скаля» (А. Церетели, «Кущу»).

В кругу определительных словосочетаний метафорического характера, широко используемых в грузинской поэзии, особое место занимают атрибутивные двукомпонентные словосочетания (построенные по модели прилагательное + существ-

вительное) — в них метафоризации обычно подвергается само прилагательное, существительное же в редких случаях меняется.

Такого рода метафорические словосочетания выделяются тесной смысловой спаянностью компонентов, объединяющихся в одном образном представлении. Включаемые в предложение «в собранном виде», они создают «микрообраз», который сообщает всему предложению, а иногда всему высказыванию, наглядность, конкретность или вносят элемент субъективной эмоциональной оценки.

Для изучения характера образности этих метафорических словосочетаний необходимо, прежде всего, учесть специфические качества их смысловых структур, которые находят свое отражение в сфере их лексической сочетаемости, нарушение которой вызывает новые необычные ассоциации, порождает эффект неожиданности.

Наиболее четко прослеживается процесс метафорического преобразования у прилагательных, выражающих конкретные признаки и отличающихся ограниченным кругом смысловых связей. В новом сочетании с абстрактными существительными они приобретают иной, образный смысл. Следовательно, разрушение привычных связей прилагательного-определения способствует появлению в нем усиленной экспрессии, эмоциональной окраски. («Розовая нежность весны скользнула в сада тишину». К. Каладзе).

Одним из самых характерных способов осуществления процесса метафоризации в области атрибутов является путь переноса слова и обозначаемого им качества из одной сферы восприятия в другую.

Особую образную функцию выполняют «синестетические» метафоры. Их сущность сводится к тому, что слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств.

В результате неожиданного столкновения слов, резкого смещения их общепринятых значений прилагательные показывают предмет с новой стороны, придают ему необычные для него качества и свойства другого предмета. Именно эта «несовместимость», характерная для процесса синестезии, является источником образования все новых метафорических определительных конструкций. Здесь можно пометить различную шкалу экспрессивно-эмоциональной интенсивности, насыщенности образным содержанием.

Наиболее сложный образ в нас вызывают, благодаря своему эмоциональному заряду, конструкции, в которых сочетаются прилагательные, обозначающие цвет, с существительными, не имеющими цветových признаков.

Синестезия как основа самых разнообразных многогранных форм метафорической образности издавна является излюбленным стилистическим приемом, используемым в поэзии разных народов и разных времён (можно сослаться на творчество Гомера и Шекспира). Французские символисты Бодлер, Рембо, Верлен и др. подобные переносы выдвигали как эстетическую доктрину.

В этом разряде образных средств и потенциал поэтического языка большую роль играет колоративная лексика. В ней с особой силой проявляется эстетическое значение прилагательных цвета, используемых путем метафоризации в самых неожиданных сочетаниях; их стилистические функции определяются в тесной связи с содержанием, общим тоном поэтической речи, они занимают прочное место в общей образной системе поэта, подчиняясь его творческому замыслу. В создании картин природы, изображении внешности человека и его чувств цветковые прилагательные приобретают большую силу эмоционального воздействия, выступая преимущественно в роли метафорического эпитета.

И в грузинской поэзии цветопись имеет давние и богатые традиции. Каждая историческая эпоха ее развития символически отражалась в поэтических творениях, в цветковых и световых образах. Мрачные тона окрашивали период XVI—XVII вв., когда «тяжелые условия жизни в стране, ослабленной нападениями извне и междоусобицами, способствовали распространению в грузинской поэзии... мотивов пессимизма и аскетизма»¹. Особое внимание цвету уделяли романтики. Они создали свой колорит, который играет значительную роль в изучении их духовного мировосприятия. «Живописность» для них не самоцель, а важное средство выражения идейного содержания.

Наличие универсальных тенденций семантического преобразования прилагательных цвета, и, прежде всего, общих направлений развития их образно-переносных значений, реализуемых путем метафоризации в составе свободных или устойчивых словосочетаний, дало повод для изучения подобного рода семантических параллелей на материале разных языков, для их типологического анализа.

Многие цвета включают в себя дополнительную образность, наряду с номинативным нейтральным они традиционно обладают и эмоциональным содержанием, с которым связаны ярко выраженные оценочные элементы положительного или отрицательного характера.

Слово более емкое, «неизмеримо содержательнее, чем цвет в живописи или форма в скульптуре»², в качестве цветообозначения оно вмещает в себя не только окраску, цветовую характеристику предметов, но и ощущение чего-то яркого, необычного, которое приобретает свое конкретное воплощение в новых необычных сочетаниях. Этот второй лексический план приобретает особое значение в процессе метафоризации, переноса из сферы физической в психическую.

Соответственно складывалась прочная традиция употребления определенных цветковых обозначений в символическом значении. Она находила прочную и постоянную опору в народной поэзии и, главным образом, в художественном творчестве мастеров слова.

¹ См. предисловие к Антологии грузинской поэзии, М., 1958, с. 10.

² См. И. К. Гей, «Искусство слова», М., 1967, с. 73.

Давно отмечено пристрастие к определенному цветообозначению или нескольким в образно-метафорическом или символическом употреблении, характерном для индивидуального стиля и даже целого литературного течения. Непревзойденным мастером в деле создания ярких красочных обозначений часто и синестетического характера был Г. Гейне: «...в глазах ее волны голубой прохлады», «синие звезды».

Аналогично и в советской литературе 20-х годов, особенно же молодой Вс. Иванов, пользовались подобными романтическими красками для создания предельно выразительных словесных образов. Цветовая символика играла большую роль в поэтике многих символистов, в особенности А. Белого.

Известно также пристрастие С. Есенина к синему цвету (например: «синее счастье», «вечером синим»... а также, «голубая долина, степь, поле»), используемому для образной передачи состояния природы, настроения поэта, благодаря чему повседневное, бытовое приобретает у него поэтическое переосмысление.

Для многих поэтов синий цвет — цвет идеала (Г. Табидзе), в произведениях Новалиса «синий цветок» был провозглашен как символ романтической поэзии, «Синие кони» у Г. Табидзе, «Потеплело в голубой долине» — П. Яшвили.

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.

.

Это цвет моей мечты,
Это краска высоты.

(Н. Бараташвили, пер. Б. Пастернака).

Соответственно может быть установлен «словарь цветов», определяемый общей тематикой и индивидуальным вкусом отдельных поэтов, поэтических школ. Так, зеленый цвет — символический — воплощает цвет весны, покоя, безопасности и входит в состав многих метафорических перифраз. «В огнях зеленых переливается росистый сад» (П. Яшвили, «Новой Грузии»).

Для процесса метафоризации как источника появления все новых образных слов и словосочетаний и его специфики в области прилагательных, имеет также значение дифференциация структурно-семантических разрядов в их составе.

Семантическая дуплановость — основная предпосылка метафоричности — проявляется и в этой области в сосуществовании относительного и нового качественного значений. Они могут употребляться параллельно в самом непосредственном соседстве, например, в стихотворении Г. Гейне «Лорелей»: «Девушка дивной красоты одеждой горит **золотом**, играет **златом** косы; **златым** убирает гребнем и песню поет она» (пер. А. Блока), дифференцируясь соответственно условиям контекста в зависимости от определяемого существительного.

Таким образом, потребность поэтического языка в новых образных наименованиях для обозначения цветов и их оттенков удовлетворяется за счет внутренних ресурсов, путем развития качественных значений в относительных прилагательных.

Такие контекстуальные цветовые атрибуты, функционирующие как синонимы основных цветообозначений, образуются от названий деревьев, растений, от явлений природы, от названий животных, от названий металлов, цветов: «Тбилиси, мой сон золотой» (П. Яшвили); «Серебристая ночь ткет и вяжет печаль» (Г. Табидзе).

Совершенно очевидно, что появление метафорического значения и сопутствующей ему образной характеристики, экспрессивной окраски заложено не в самом прилагательном, а обуславливается перемещением этих прилагательных-атрибутов в иную семантическую среду. Необычно их употребление и соответственно изменение круга и объема лексических связей.

Определенный интерес представляет сопоставление атрибутивных словосочетаний, основанных на метафоризации характеризующего компонента, с метафорическими генитивными и предложными конструкциями с учетом их возможностей усиления образности, выразительности поэтической речи. Общим для них является то обстоятельство, что доминирующий признак, составляющий основу сравнения, схожесть двух предметов, на котором базируется процесс метафоризации, дан не в самом предмете или в другой субстанции, а выводится путем абстрагирования.

Все же с помощью метафорического генитивного словосочетания могут быть выражены не более сложные, разнообразные свойства, чем посредством атрибутивных словосочетаний. Достаточно сравнить даже довольно примитивные образные выражения: «золотые волосы, локоны» и «золото ее волос», чтобы убедиться, насколько конкретнее, более осязаемо воспринимается образ, возникающий при сближении двух предметов в процессе метафорического переосмысления одного компонента или целого словосочетания. Здесь имеет место конкретная, наглядная фиксация признака сопоставления, сравнения по отношению к определенному предмету. Конечно, образ может значительно осложняться в зависимости от сложности всего контекста, приобретать новые нюансы в индивидуальном поэтическом употреблении.

Разнообразные формы речевой образности, наличие синонимических конструкций, взаимодействие схожих по смысловой и стилистической значимости средств выразительности открывают широкий простор для варьирования различных проявлений метафоричности и несомненно свидетельствует о богатстве поэтического языка, о его широких образно-стилистических возможностях.

Именно в этом аспекте следует обратить особое внимание на огромные образно-экспрессивные возможности «глагольной» метафоризации в обогащении поэтического языка, для речетворчества поэтов.

Многими исследователями уже была отмечена стилистическая многогранность глагола — неоднократно также указывалось на обилие и многообразие форм и грамматических категорий, ему присущих, но что главным образом характеризует глагол — это гибкая, емкая смысловая структура, включающая в себя сложную совокупность лексико-семантических и синтаксических вариантов и сопутствующие им эмоциональные и стилистические оттенки.

Так, глагол отличается большим количеством лексических значений, актуальных и потенциальных, и любое изменение его обычной сочетаемости, как правило, указывает на определенный семантический сдвиг. Метафорический же перенос глагола, который реализуется на основе фразового окружения, в простых двучленных моделях является типичным характерным примером такого семантического сдвига. Именно в том заключается трансформация смысловой структуры глагольной модели, что неожиданное сочетание раздвигает семантические границы глагола, создавая необходимые предпосылки для возникновения метафоричности как источника образности.

Основной метафорический фонд языка, из которого черпает свои ресурсы язык поэзии, составляют общеупотребительные глаголы, обычные наименования действий, состояний. К ним относятся глаголы движения, а также положения в пространстве: стоять, ходить, лежать, сидеть и т. д. Обладая огромными возможностями сочетаемости, они приобретали все новые значения, функции. Путем обобщения какого-то одного признака возникали новые, добавочные представления, а также возможности переносно-метафорического употребления. Наиболее характерный путь такого развития — глагол, выражающий конкретное действие, начинает выражать обобщенно-абстрактное действие или связанное с психической деятельностью человека значение.

«Глагольная» метафоризация часто связывается с процессом персонификации, когда глагол, обозначающий действия, чувства, мысли людей, ставится в зависимости от подлежащего, выраженного неодушевленным существительным. Такие «семантические» структуры, основанные на антропоморфизмах, находят широкое применение в литературе всех народов, в народном творчестве. Они проникают и в живую речь, являясь ярким стилистическим средством выражения образности.

В результате смежения в глагольной конструкции различных видов метафоризации, использования олицетворения, гиперболы в поэтической речи возникают новые элементы экспрессии, живописности. Достаточно привести несколько примеров из творчества Галактиона Табидзе: «море дремучее пело», «с моей душой разговаривал ветер», «луна так медлит, так лукавит», «успокоилось и спит, солнцем высвечено море». Во всех этих фразах, предельно упрощенных, благодаря специфической стилистической окраске глагола метафоры явления действительности получают совершенно неожиданные образные свойства.

4935940
010133

Уже само накопление таких элементов образности создает определенную эстетическую атмосферу. Физической осязаемости образа достигает Илья Чавчавадзе: «Могучий Терек, волны погоняя, как злобный лев, метался и стонал» («Видение»).

Концентрация глагольных метафор, широко используемых для создания ярких образов, живописных картин природы, характерна для стиля, поэтического почерка великого мастера пейзажа В. Пшавела. Антропоморфизмы в его поэзии не формальные художественные средства, а основные элементы его образного мышления, особенность его поэтического восприятия, соответственно его своеобразному «пантеизму», берущему начало в народном, фольклорном миропонимании.

В лирике В. Пшавела метафора выступает как особая форма воплощения единства мира, соединения человека с природой, непосредственного контакта и близости между ними:

Добровольно ли вы, деревья,
С плеч высоких сняли одежды?
Почему свое достоянье до листа
Земле отдаете?
Быстро вы земле покорились!
Уж не по своей ли охоте
Голову склоняете долу,
Не жалея собственной плоти!»

(«Осенние картины», пер. А. Тарковского).

Мужественный суровый стиль автора находит свое отражение даже в отдельно взятой фразе: «Погрузились в думы горы с шлемами на головах».

В. Пшавела как никто другой вдохновенно воспевал родную природу, ее красоту, мудрость, близкие его сердцу горы.

В поэме «Бахтриони», напоминающей «величественное озаренное солнцем здание с сумрачными переходами внутри», перед нами встают «горы полны белоснежным водопадом», волнует прямое обращение к ним автора: «Был я вскормлен вашей грудью, и пускай умру на ней». В общий настрой вводят нас уже первые фразы поэмы: «День оделся покрывалом. Горы меркнут, спят герои... Словно струи Алазани над померкшею землею облаков бегущих слезы безутешно потекли».

Автор, как и его любимый герой, Миндия, легендарный хевсур, открыл таинственный смысл языка птиц и растений, он воздает величественный гимн земле, горам. Но и сама природа чутко отзывается на несчастье благородных людей — на смерть храброго юноши Гиглии (Поэма «Гиглия», пер. Вл. Державина):

А когда он умирал, садились
Горы плакать...
Сверху падавший поток нагорный
Высыхал от жалости к герою.

Подобные развернутые метафорические образы, основанные на принципе олицетворения природы, ее явлений, встречаем в стихах А. Церетели:

Небо, нахмурившись, смотрит на крыши,
Солнце — и то подобрало лучи,
Ветер, бушуя, по просекам рышет,
Рвет ветки и волоком волочит.

(«Осенний день», пер. Г. Маргвелашвили)

И еще: «Майская ночь стоит, поднимая к ясному небу темные очи», а также и в современной поэзии, например, у И. Абашидзе: «Город спал на спине и во сне улыбался устало» («Предрасветный снег», пер. А. Межирова), у А. Мирцхулава: «Распустила душистые косы моя алыча» («Алыча»).

Приведенные примеры (а их количество можно значительно увеличить) доказывают значительную роль глагольной метафоры как в отдельной фразе, так и в многофразном контексте. Глагол является в большинстве случаев семантическим центром фразы, как бы фокусом, вокруг которого концентрируется все высказывание, следовательно, образно-переносное его употребление влечет за собою изменение характера всей фразы, воздействует на связанные с ним слова, придает всему высказыванию живость, яркость, динамичность.

Подводя некоторые итоги, необходимо еще раз подчеркнуть значение изучения метафоры, «механизма» ее возникновения и функционирования в поэтической речи через конструкцию, ее образующую в ее связях с другими словами. Этот путь позволяет исследовать процесс метафоризации всесторонне, с учетом всех компонентов метафорического словосочетания.

Разнообразие форм и конструкций, в которых реализуется и проявляется метафоричность, ее огромные возможности в плане обогащения поэтического языка, издавна находятся в центре внимания многих исследователей. В настоящее время можно отметить значительные успехи «метафорологии» в поисках новых путей. Таким интересным опытом является изучение метафоры в рамках семиотики с использованием ее положений и методов исследования отдельных знакомых моделирующих систем, использование достижений лингвистической статистики.

Стремление к комплексности изучения проблемы должно способствовать преодолению абсолютизации отдельных методов, односторонности исследования.

Сложнейшую, чрезвычайно актуальную задачу стилистики на современном этапе ее развития составляет выявление различных способов реализации речевой образности на разных уровнях языка — расширение сферы метафоричности за пределы ставшего уже традиционным, в течение многих веков почти исключительного лексического уровня. В область исследования были вовлечены не только синтаксические (наряду с лексическими и грамматическими) средства выразительности — «грамматическая метафора», но и фонологические, звуковые.

Метафора была и остается вечно новой, всегда актуальной, живой проблемой, которая приобретает все новые грани на каждом новом этапе развития человеческой культуры. Так, в XX в. обнаружилось огромные возможности «кинометафоры» как одного из основных компонентов «языка» кино.

Необычную актуальность приобретает метафора в связи с изменением в области современной системы искусств, с характерной для нашего времени их «диффузией», взаимопроникновением.

Рождение новых искусств, тесные контакты между различными отраслями культуры «выражают сложность, многогранность общественной жизни и эстетических потребностей современного человека».

Смелость поисков новых выразительных возможностей поэтического слова, тяготение к синтезу литературы и других видов искусства (здесь уместно напомнить, что уже поэзия Галлактиона Табидзе показала плодотворность использования в ней музыкальных приемов, также С. Чиковани ратовал за вторжение в поэзию живописных и музыкальных элементов)¹ — к синтезу слова, цвета, звука, усиливает значение интеграционных связей, общих знаменателей, формы, присущих любому жанру, любому виду искусства. Следовательно, на долю метафоры выпадает значительная роль как связывающего звена, моста в процессе сближения слова и изображения.

И еще одно обстоятельство весьма симптоматично для нашей эпохи — века научно-технического прогресса — под влиянием научной экспансии во все сферы бытия, культуры начало абстрактно-логическое грозит потеснить начало образное. Все чаще раздаются и в прессе и в художественной литературе голоса, предостерегающие от опасности потускнения красочной картины мира, эмоционального оскудения, строгость модели грозит вытеснить из нашего повседневного мышления радость метафоры. Отсюда вывод — мир художественных образов должен компенсировать в нашей мыслительной жизни резко возросшее значение абстракции. И в этом основная функция и важнейшее назначение метафоры, одной из первооснов поэтического мышления и художественного творчества вообще — восстановить нарушенную целостность мира.

В заключение приведем определение метафоры и ее роли в поэзии, данное Б. Пастернаком: «Метафоризм — естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия».

¹ Г. Маргвелашвили. Свет поэзии. Тбилиси, 1965, с. 105.

Отар ДЖИОЕВ

**«НЕТ В МИРЕ
БОГАТСТВА,
РАВНОГО ЧЕ-
ЛОВЕЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ...»**

Кита Мегрелидзе, выдающемуся грузинскому философу, исполнилось бы 80 лет. Но он прожил всего 44 года... При жизни он опубликовал всего несколько статей в изданиях, ставших библиографической редкостью, а фундаментальная работа, которую он собирался назвать «Социальной феноменологией мысли», вышла спустя 38 лет после ее создания. В наш век быстрого научного и технического прогресса, когда, как говорят, половина знаний успевают устареть за 10 лет, казалось бы, книга, увидевшая свет с таким опозданием, могла стать лишь историческим памятником, а ее автор не мог привлечь сколько-нибудь значительного внимания. Однако случилось совершенно иное: книга оказалась удивительно современной, она была признана одной из лучших монографий, изданных в нашей стране, и это не могло не породить живого интереса к автору, тем более, что К. Мегрелидзе был личностью незаурядной, можно сказать исключительной — человеком исключительно талантливым, жизнь и творчество которого заставляет нас задуматься о том, что же такое интеллигент в подлинном значении этого слова.

Скажем заранее, что суть монографии К. Мегрелидзе в раскрытии диалектики мышления. Мегрелидзе выявил социальную природу мышления, при этом в отличие от многих исследователей, связывавших социальную природу мышления с отрицанием свободы человека, он считал ее непеременимым условием человеческой свободы и активности. Не только творчество, но и вся жизнь К. Мегрелидзе явилась подтверждением основной его мысли: деятельность его проникнута потребностями и тенденциями эпохи, он решал проблемы, которые ставились ею, оказывая тем самым влияние на мысль и культуру своего времени.

К. Мегрелидзе родился в 1900 г. в с. Хриалети Озургетского уезда (ныне Махарадзевского р-на), в краю, очень чувствительном к социальным и политическим событиям: если где-либо происходили социальные волнения, то здесь, в Гурии, на них обязательно откликались массовыми выступлениями и требованием низвержения правительства. Учился К. Мегрелидзе вначале в маленьком городке Поти, где его приютил дядя, незадолго до этого лишенный церковного сана за участие в революционном движении 1905 г. Неудивительно, что и молодой Кита приобщился к революционным идеям своего времени и сам пропагандировал их. Впоследствии он — студент Тбилисского университета, после окончания которого его направляют в Германию для углубления знаний. Любопытно, что многие юноши тогда чуть ли не сразу из деревни попадали в прославленные немецкие университеты, успешно учились там и даже защищали диссертации. Пожалуй, это свидетельствует о том, что духовная жизнь на селе отнюдь не отставала от уровня города тогдашней Грузии, а так наз. «провинциальные» гимназии были также на уровне лучших учебных заведений.

В конце 10-х и в 20-х годах нашего века, когда формировались научные интересы К. Мегрелидзе, происходит сложный процесс критической переоценки старых мировоззренческих направлений и утверждения нового мировоззрения. К этому времени, благодаря оригинальным исследованиям Ш. Нуцубидзе, Д. Узнадзе, С. Данелиа, философская жизнь в Грузии значительно оживляется: на основе критического осмысления главных течений тогдашних зарубежных философских течений создаются оригинальные философские концепции и системы. С 20-х годов основоположники новой грузинской философии осваивают марксизм и на его основе пытаются переосмыслить свои взгляды. Молодость и по существу незавершенность формирования философских взглядов помогла им сравнительно легко совершить переход к новому мировоззрению. Трудность заключалась в том, что не все понимали своеобразие революционных сдвигов в культуре, и это приводило к отказу от культурных традиций прошлого. Многие вульгаризаторы тогда, да и позднее, упрекали философов старшего поколения и их учеников не только в том, что они будто бы находились под влиянием немарксистских мыслителей, но и в том, что они хорошо знали их. К. Мегрелидзе начинает свою научную деятельность на основе нового мировоззрения, но ес-

ли многие, объявив себя сторонниками нового мировоззрения, освобождали себя от самостоятельных научных поисков, для Мегрелидзе принятие марксистского мировоззрения означало критическое освоение всей современной ему гуманитарной научной мысли, выявление сущности нового мировоззрения и вместе с тем обобщение новых методологических тенденций в науке и на основе всего этого раскрытие природы человеческого мышления. Тем самым К. Мегрелидзе не только осознал идейные запросы своего времени и приобщился к сложившимся философским традициям, но и способствовал утверждению новой проблематики и новых философских традиций в Грузии и в нашей стране в целом.

В наше время известно, что развитие науки не есть процесс простого приращивания знаний. Оно представляет собой сложный процесс накопления знаний в пределах принятых рамок (парадигм) и изменения самих этих рамок. Причем на развитие одной какой-нибудь науки часто решающее влияние оказывают преобразования в других науках. Еще более сложен процесс развития философии. Философия — своеобразная сфера знаний. Ее интерес не сосредоточен лишь на одном фрагменте действительности, ее интересует по существу весь мир, точнее, мир в его отношении к человеку и человек в его отношении к миру. Философия связана со всеми сферами познания и жизни человека. Отдельный философ может знать только историю философии и на основе ее анализа строить свою систему. Но если философия в целом будет вариться лишь в собственном соку, она обречена на вымирание. Конечно, связь философии со всей познавательной и практической деятельностью человека осознается далеко не всегда с одинаковой ясностью. Эту связь философии, в особенности, с наукой, с общими тенденциями наук четко осознавал К. Мегрелидзе, что и позволило ему опередить свое время. «Работа Мегрелидзе, — справедливо писали в «Правде» известные советские ученые С. Микулинский и Г. Волков, — читается так, как будто бы она написана сегодня. Может ли быть лучшей оценка труда ученого, чем то, что он опередил свое время?»

Чем же конкретно определяется такая современность, актуальность исследования К. Мегрелидзе? Какие фундаментальные тенденции развития науки обобщил он в своей книге? Ответ на этот вопрос имеет не только частное, научно-познавательное значение. Наша эпоха характеризуется проникновением науки во все сферы жизни, все большее влияние оказывает научно-технический прогресс, в частности, на искусство. «Две культуры» — научно-техническая и гуманитарная — все больше соприкасаются друг с другом. Поэтому новые тенденции науки интересуют не только философию науки.

Предметы мира представляют собой сложные целостности, которым присущи различные — физические, химические и др. — аспекты и свойства, которые и изучаются различными науками. Это обстоятельство было хорошо известно классической науке и философии. Но вот оказалось, что для изучения одного аспекта предметов необходимо учитывать и закономерности, выявляемые другими науками, и что при всей

необходимости различения аспектов предмета нельзя упускать из виду и его целостность, закономерности, присущие последней. Таким образом, необходимо не только разграничить науки, но и уяснить относительность границ между ними, не только изучить атомарный и элементарный состав предметов, но и представить себе структуру предметов. При атомарно-элементарном подходе важнейшие для познания действительности причинные зависимости толкуются упрощенно-линейно: причиной одного события признается какое-то одно предшествующее событие и игнорируется зависимость этих событий от состояния предмета в целом. Для уяснения же подлинных причинных взаимосвязей необходимо исходить из предметов как целостных систем с присущими им структурами и структурными закономерностями. Вот эти идеи, идеи интегративных тенденций в науке, целостности и системно-структурного подхода, и вызревали в науке XX века — в математике, физике, биологии, языкознании, экономической науке, впоследствии в этнографии и др. Эти тенденции были подмечены и различными философскими направлениями, но нужно было уяснить их подлинное значение, освободить от чуждых им одеяний, в которые они облекались идеалистической философией. Это и было сделано немногими философами-марксистами в 20—30-х годах. Четко и всесторонне обобщены эти тенденции в книге К. Мегрелидзе. В ней было выдвинуто программное положение: «Ветхие искусственные границы, подобно китайским стенам отгораживающие науки друг от друга, должны быть разрушены». К. Мегрелидзе полагал, что диалектика должна иметь в виду целостные образования с присущими им системно-структурными закономерностями и исходить из того, что, в частности, «действие всякой внешней причины внутри образования распространяется согласно внутренним законам и внутреннему строению системы, как связанного целого».

К. Мегрелидзе не только обобщил новые тенденции развития науки, новые методологические подходы, но и применил эти подходы к исследованию мышления, выявив нераздельную связь мышления со всеми общественными явлениями — материальной культурой, трудом, общественными отношениями, языком, сознанием, а раскрыв социальную природу мышления, он в то же время обосновал активность мышления, сознания. К. Мегрелидзе показал, что распространенное эмпиристическое толкование процесса познания, игнорирующее социальную природу мышления, отводит формам мышления в лучшем случае роль пассивных воспроизводителей форм действительности.

Раскрытие смысла социальности человеческого мышления имеет значение не только для теории познания. И в повседневной жизни мы видим, что люди мыслят, говорят, ведут себя, слепо следуя распространенным в обществе стереотипам, моде, чужому мнению. Не проявляется ли в этом социальная природа человека и, тем самым, не ограничивает ли социальность человеческую свободу, не обезличивают ли человека общество и общественная среда? Опасаясь таких выводов, фи-

лософы порою либо вовсе отрицают социальную сущность человека и его мышления, либо стараются преуменьшить значение социальности. А между тем К. Мегрелидзе показывает, что именно точка зрения, игнорирующая социальную природу мышления — эмпиризм — обрекает мышление на роль пассивного созерцателя и копировальщика действительности. Социальный же характер мышления означает не простое воспроизведение мышлением действительности и не копирование социальных форм жизни, как полагали Э. Дюркгейм и др., а то, что мышление должно решать задачи, возникающие в процессе человеческой практики: человек прежде всего живет, а затем уж мыслит, и мыслит потому, что жизнь ставит перед ним определенные задачи, решению которых и должно служить мышление. Поэтому для Мегрелидзе понятия, суждения и т. д. не просто фиксируют эмпирические данные, а дают осмысление действительности, схватывают смысл отношений между предметами, что подразумевает творческую активность мышления.

Если социальная природа человека является основой его активности и свободы, чем же тогда объясняется нивелирующее воздействие общества на человека, как объяснить факты слепого подчинения человека общественному мнению? Разве в подобном подчинении человека обществу не проявляется его социальность? Все дело в том, что социальность человека и его мышления сама по себе не обеспечивает человеческую свободу, как и не лишает человека свободы. Благодаря социальной своей сущности мышление призвано решать определенные задачи, но как оно это делает — проникая ли в суть предметов или повторяя существующие в обществе готовые типы решения этих задач, это зависит от самих людей. Человек, слепо следующий стереотипам, конечно, социален, но он по существу не мыслит, и не социальная природа мышления повинна в этом, а сам человек.

Настороженное отношение к положению о социальной природе человека и его мышления не случайно: в нашей философской литературе социальность человека часто толкуется как социальная обусловленность человека, признание же свободы человека теоретически не обосновывается. Мы слишком усердно доказываем детерминизм человеческого поведения и, опасаясь индетерминизма, не оставляем места для подлинной человеческой активности. Мы выдвигаем вперед то, что сближает человека с природой, и гораздо меньше обращаем внимание на своеобразие человека, его культуры, ценностей и идеалов. Ополчаясь против субъективизма, впадаем в другую крайность — в натурализм и социологизм, которыми сводятся на нет своеобразие и свобода человека. И как раз в 20—30-х годах такие тенденции превалировали: рефлексология в объяснении высшей нервной деятельности человека, попытки материалистической интерпретации психоанализа, социологизм в интерпретации искусства были в моде. Мегрелидзе не только не поддался модным влияниям, а попытался обосновать своеобразие человеческого мышления и человеческую свободу. «Разгадка человеческого способа мышления, — писал Мегре-

дидзе, — лежит... не в нервной системе и не в мозгу, а в тех социальных условиях, которые заставляют мозг в одну эпоху воспринимать, думать и работать так, а в другую — иначе». И в то же время, подвергая критике социологизм Дюркгейма и Леви-Брюля, он подчеркивает, что индивид «не только «принужден мыслить, как мыслят другие в традиционно установившихся формах»... но со своей стороны сам также в известной мере «принуждает других мыслить по-своему. Он не только воспринимает традиционно выработанные формы, но также и участвует в создании и пересоздании этих форм».

К. Мегрелидзе не только раскрыл активный характер мыслительной деятельности человека, но и дал онтологическое обоснование человеческой свободы: он интерпретировал структуру самой действительности, показав ошибочность абсолютного детерминизма, не оставляющего места для человеческой свободы. К. Мегрелидзе подвергает критике мировоззрение, которое он называет рационалистическим и рационализм которого состоит в сведении законов действительности к логической необходимости. Такая точка зрения, справедливо полагает он, приводит к утверждению абсолютного преддетерминизма всех событий. «Это значит, что все происходящее во вселенной, вся мировая история закончена уже в момент своего начала или даже не успев еще начаться, ибо если все с абсолютной неизбежностью предопределено во всех деталях, значит то, что должно произойти, идеально уже произошло и ничего в нем изменять нельзя».

К. Мегрелидзе рассматривал мышление не только как какую-то способность человека, а как важнейшую — познавательную — деятельность человека, притом имел в виду не только теоретико-познавательное отношение человека к действительности, а весь процесс возникновения и общественного обращения идей, т. е. по существу деятельность по созданию и освоению культуры. Поэтому сейчас, в эпоху резкого возрастания интереса к культуре, теоретические исследования культуры не могут не соприкасаться с проблематикой и самим трудом К. Мегрелидзе: с ним спорят или опираются на него. С точкой зрения К. Мегрелидзе об историчности форм логического мышления перекликаются современные исследования первобытного мышления, а также сравнительные исследования культур Востока и Запада.

Философское творчество К. Мегрелидзе, его взгляды продолжают жить в современных исследованиях человека, мышления, культуры. Возросший интерес к этим областям делает еще более актуальным научное наследие выдающегося грузинского философа.

Философская концепция К. Мегрелидзе, обосновывающая человеческую свободу и возможность разумного переустройства человеческой жизни, была не только результатом поисков истины. Она обусловлена также глубоким гуманизмом ученого. К. Мегрелидзе верил в силу человеческого разума, в неистребимость стремления человека к прогрессу, свету,

культуре, верил, хотя он хорошо знал всю сложность человеческой души, а жизненный опыт сталкивал его с силами противодействующими стремлению человека к свободе и прогрессу.

Фундаментальную монографию и предшествующие ей статьи К. Мегрелидзе создал за первое десятилетие своей научной деятельности. Эта большая работа как будто бы должна была захватить все его силы и время. Но деятельность Мегрелидзе отнюдь не ограничивалась теоретическими исследованиями. Даже находясь в заграничной научной командировке, он активно участвовал в руководстве студенческим движением. По возвращении на Родину, наряду с научно-педагогической деятельностью, К. Мегрелидзе занят организаторской работой в сфере науки и культуры: работал в ЦК КП(б) Грузии, был начальником Управления Главнауки Наркомпроса, лишь с 1932 года в Ленинграде, в Институте языка и мышления он целиком отдается исследовательской работе, одновременно возглавляя Национальный отдел Ленинградской публичной библиотеки.

Первые же работы К. Мегрелидзе, опубликованные в академических изданиях, привлекли внимание ученой общественности. Известный психолог А. Р. Лурия писал об одной из статей К. Мегрелидзе, что в ней чуть ли не впервые в психологической литературе исследуется отношение мышления к общественному бытию так, как оно рассматривалось К. Марксом, и что исследователи с большим интересом ожидают последующих работ Мегрелидзе. Об обсуждении одной из глав своей работы К. Мегрелидзе писал жене: «Сейчас только что вернулся из академии с третьего заседания. Был мой доклад... Читал 3 часа и... сам предложил на этом кончить... Интерес был настолько большой, что не согласились и потребовали зачитать до конца... На следующее заседание пришли уже заинтересованные из других институтов. Не знаю как, но создано мнение, что был какой-то доклад и что будто бы было интересно. 22-го доклад и вопросы продолжались 5 часов и представь себе — обсуждению этой совершенно ординарной главы пришлось посвятить три заседания...

Сегодня я сделал резюме, а потом начались прения, которые большей частью были восхваляющими. По правде говоря, мне это приятно, но гораздо полезнее для меня было бы, если бы было больше критического отношения и нападений. Я об этом и говорил во вступлении, что ожидаю от них единственной помощи, а именно — беспощадной критики по всем пунктам, которые в чем-либо вызывают подозрение. Но ничего не помогло... Возражения были, но не новые для меня...

Я знаю хорошо, что здесь почти всем моя работа нравится, но я знаю также и то, что несмотря на хорошую оценку всего, что дают некоторые из этих идей, и того, что из них вытекает, — далеко не учитывают и учитывать не могут. Так что успех этот хоть и трогает, но ровно столько же, сколько трогал бы неуспех. Главное дело — сделать вещь дальше, как она была задумана». Находясь вдали от семьи, он стара-

ется воздействовать на воспитание маленькой дочеря словом: беседует о литературе — грузинской, русской, зарубежной, ведет с ней ненавязчивый разговор о жизни, о ценностях, подлинных и мнимых. Вот отрывок из одного из таких писем: «...Мне бы, конечно, хотелось, чтобы ты была девочкой хорошая, чистая и умная... Это, конечно, нелегко. Быть плохой и душой могут все, потому что это не представляет труда. А умной и хорошей не все могут быть, потому что это трудней. Большая совесть, пылкая душа, благородное сердце, хороший вкус — все это не дается человеку даром. Это надо воспитать в себе любовью, терпением, прилежанием, трудом. Глупость же не требует предусмотрительности, воздержания и прилежания. Она сама прет на тебя, если ее не обуздывать поминутно.

Хорошие писатели и хорошие книги, если читать их вдумчиво, конечно, помогают самовоспитанию человека, но главное все-таки уметь хорошо понимать живых людей. Бывают поддельные, лживые люди, которые стараются казаться блестящими и честными, а бывают непритворные и настоящие, они часто малозаметны, потому что скромны: не все золото, что блестит. И вот надо уметь разгадывать их, и отличить подделку от настоящего, дурное от хорошего, черное от белого. А это нелегко. Хорошо разбираться в людях это большое искусство, большое умение.

Тут книги не всегда могут помочь. А помогает только жизненный опыт. И достается человеку этот жизненный опыт — дорогой ценой. Каждый из нас, поживших людей, хорошо знает это. С болью в сердце вспоминаем мы о глупостях, совершенных нами в пору юности».

Из писем К. Мегрелидзе, как и из немногочисленных воспоминаний о нем, возникает образ человека, разносторонне одаренного и в то же время необычайно непритязательного, страстного, непримиримого при защите своих убеждений и одновременно очень мягкого и доброжелательного. Таким помнят его все. Вот как вспоминает о нем акад. А. Бочоршвили: «В моей памяти оставили неизгладимый след интереснейшие дискуссии, которые велись между нами при участии академика С. Джанашиа и А. Чикобава в 1940 г... К Мегрелидзе в спорах был непримирим и удивлял редко встречающимся сочетанием твердости и застенчивости, впрочем так же, как и на всем своем жизненном пути, К. Р. Мегрелидзе являл образец принципиальной и смелой бескомпромиссности, несмотря на мягкий характер и жесткие условия жизни тех времен». Кристальную честность К. Мегрелидзе отмечают также и народная артистка СССР В. Анджапаридзе, хорошо знавшая его в то время, когда К. Мегрелидзе, работавший в руководящих органах, был близок к театральной общественности, и проф. И. Мегрелидзе, работавший вместе с К. Мегрелидзе в Ленинграде.

Жизнь и творчество К. Мегрелидзе и, пожалуй, его личные черты дают нам повод для размышления об интеллигенции, о ее сущности и назначении. К. Мегрелидзе был подлинным интеллигентом: вся его деятельность — оправдание его же взгляда на человеческую свободу — он не только не мыслил

«в традиционно установившихся формах», но и заставлял других «мыслить по-своему», заставлял, конечно, лишь «мудростью и правдой».

К. Мегрелидзе мы знаем по существу по одной его книге. Конечно, и эта книга вполне могла быть книгой жизни даже для такого ученого, как К. Мегрелидзе. Тем более достойна сожаления потеря второй книги выдающегося грузинского философа, которую он закончил за месяц до кончины.

При всей многогранности таланта К. Мегрелидзе, он был прежде всего ученым-философом. Однако его живой интерес к искусству, видимо, не случаен. К. Мегрелидзе пробовал себя и в роли писателя. Правда, он сочинял лишь для одного читателя — для своей маленькой дочери, но выражал при этом свои раздумья о добре и зле, об ответственности человека. Думаем, что единственный сохранившийся рассказ К. Мегрелидзе «Сказание о «Мертвом Замке» будет интересен и для взрослого читателя, не говоря уже о том, что он характеризует личность ученого, может быть, лучше, чем воспоминания о нем. Вот и этот рассказ, с некоторыми сокращениями, подготовленный к печати дочерью ученого, М. К. Мегрелидзе. Рассказу предпослано письмо К. Мегрелидзе к жене, А. Ф. Карцивадзе.

Кита МЕГРЕЛИДЗЕ

Моя дорогая Цуца!

Видишь, на какой я решился подвиг ради тебя, приступая к повторению этого неуклюжего плода моей фантазии. Нашей дочурке я послал эту вещьцу в подарок ко дню ее рождения, но не знаю, получила она ее или нет. Из всей этой вещи, мне кажется, удалось только обрамление, выявляющееся в концовке. Таким признанием, ясное дело, я расписываюсь в своем банкротстве в роли писателя. Так как если у живописца рамка получается лучше самой картины, то какой же из него художник?

Одним словом, вот она, эта долгожданная легенда, на твой суд.

СКАЗАНИЕ О „МЕРТВОМ ЗАМКЕ“

Где река Ушгул, бурля и пенясь, вылетает из большой теснины, вдоль правого обрывистого берега вьется старинная дорога. Местами она пересекает высокие крепкие скалы, но от реки не отходит. Да и некуда — гигантские скалы с обеих сторон вздымаются до самых небес, сжимая ущелье в огромных

гранитных тискаx. Здесь все колоссально; громады, высящиеся кругом, подавляют своими размерами, и на их фоне человек кажется несчастной крохотной мошкой. Над самой дорогой вы увидите крепость. Кажется, она вырастает из гранитной скалы, как бы являясь естественным их продолжением. Гордо устремилась она ввысь тремя стройными боевыми башнями. По архитектуре своей постройка безупречна и представляет собой первоклассное произведение искусства. Между тем крепость производит какое-то гнетущее впечатление. Тревожное ощущение охватывает под ее сводами и спешить поскорее уйти отсюда. То ли общий вид запущенности и заброшенности тому причина, то ли запах, царящий внутри, то ли суеверный страх перед крепостью, именуемой в народе «Мертвым Замок». Во всяком случае местные жители боятся замка, и никто не согласится войти в него.

Крепость удивляет тем, что несмотря на древность она совершенно цела. Ни один камень не сдвинулся с места, ни единая расщелина не уродует ее. В то время как другие памятники, относящиеся к той же эпохе, превратились в груды развалин, этот сохранил нетронутую девственность первых дней. Где стены свободны от растительности — кладка каменной удивляет строгостью, прочностью и новизной. В прекрасной сохранности не только стены и крыша крепости, но и вся внутренняя отделка: ниши, арки, вплоть до штукатурки, все сохранилось, каким было в первые дни постройки. Время как будто текло мимо нее. Даже плесени нигде не видно; и в подвалах тоже нет плесени, несмотря на сырость. И если бы не толстый слой пыли внутри и мха и плюща снаружи, можно было бы подумать, что здание построено совсем недавно.

Передним фасадом замок смотрит на дорогу, а южный флигель висит прямо над водой. Дорога упирается в самую крепость и проходит над высокой аркой замка, образуя нечто вроде небольшого туннеля. В старину арка, говорят, запиралась тяжелыми воротами, обшитыми бронзой. Ворота преграждали вход в ущелье. За ущельем же лежала цветущая, солнечная долина, обширная, богатая и самая прекрасная на всем Кавказе. Называлась она «Долиной Трех Братьев». Долина со всех сторон была окружена неприступными горами и иного входа туда не было.

От этих мест и крепостных стен на нас повеяло древними поверьями. Они хранят много легенд и сказаний. Одну из них, красивую и грустную, я хочу рассказать тебе, моя Манана, чтобы ты ценила и любила предания нашей старины. Помню, ты совсем еще крошкой была большой охотницей до старинных сказок.

Легенда эта очень древних времен, когда наши предки жили по-иному, чем мы, и думали иначе, нежели думаем мы. А жили тогда большими патриархальными семьями. Род не дробился, братья не делились, все жили вместе, и семьи были так многочисленны, что в день резали по несколько баранов, а обеденный гоми варился в огромных котлах. Дичи в лесах было много. Охота была главным занятием взрослых и школой для молодых. Скот составлял основное богатство рода и ча-

сто служил причиной распри между родами: его угоняли или уводили воровским образом. Но из этой защищенной местности нельзя было что-либо тайком унести или увести. Чтобы завладеть скотом, надо было прорваться силой и одержать победу. обороной служила крепость, которая благодаря своему положению считалась неприступной. Но одна сторона крепости, говорит легенда, постоянно рушилась, и поэтому не была вполне безопасной.

Братья ничего не жалели для ее укрепления, только ничто не помогало. Если с трудом возведенные стены стояли некоторое время, то в день летнего солнцестояния с грохотом рушились. Братья снова принимались за постройку, и снова повторялась та же история. Даже лучшие каменщики, приведенные из Джавахети, не могли им помочь. Все труды были впустую.

* * *

Однажды братья были на дальней охоте. Они условились к закату солнца встретиться у одной из пещер в скале, где обыкновенно ночевали запоздалые охотники. В пещере братья приготовили ужин, поели, замели огонь и легли спать. Двое заснули, а младшему не спалось. Прекрасная лунная ночь. Тишина. Ни шороха, ни звука. В такие ночи он любил слушать тишину и мечтать. Вдруг слышит он постукивание камня о камень и женский голос: Ау-ау-у-у! Издали отозвались точно таким же образом. И спустя секунду еще два-три раза с разных сторон донеслось: Аа-ау-у-у! Ау-ау-у-у! Точно многоголосое эхо перекачилось по ущелью. Меньшому брату подумалось было, что он слышит это во сне. Но вот опять донеслись какие-то голоса. Он подкрался к выходу. Видит, внизу перед пещерой на плоском большом камне собираются какие-то прозрачные существа с золотистыми, как шелк, волосами.

Ночь была теплая, летняя. И под лунным светом в полной тишине видение было бесподобно. Он часто слышал о феях скал, но никогда их не видел, и был очарован зрелищем.

— Видели, сестрицы, — воскликнула одна, — южная часть замка опять обвалилась!

— И снова на том же месте, — отозвалась другая.

— Иначе и быть не может, — сказала третья. — Там ничего не будет держаться, все пойдет прахом. — С этими словами маленькая пухленькая фея присела на камень. Другие феи последовали ее примеру и расположились в полукруге на плоском камне, освещенном луной.

— Человек существо хитрое, упорное и всемогущее. Свою крепость они выстроят непременно. Так мне кажется, — сказала сидевшая с краю.

— Нет, не сумеют, — возразила пухленькая.

— Почему?

— Потому что чары не позволяют.

— А нельзя снять их, эти чары?

— Снять можно, но надо знать одну тайну.

Младший брат живо разбудил спавших, и они стали слушать втроем, затаив дыхание.

Пухленькая фея движением головы перенесла свои пышные волосы вперед так, что они закрыли ее с головы до ног. Затем она раздвинула их руками, как занавес, и выглянула из-под золотого волнистого каскада.

— Да, — начала она, — печальна повесть о нашей заблудшей сестре Аделуц. Она была самой пленительной феей наших краев. Ее золотые волосы были даже пышнее моих. Звали ее княгиней царства фей. И вот она, эта прекрасная Аделуц, заболела странной болезнью. Она захотела иметь ребенка. Неслыханное дело! Феи не имеют детей и не знают материнской привязанности. Говорят, она нашла однажды малютку в люльке под тенистым ореховым деревом. Ребенок не спал и, заметив на дереве фею, стал ее звать, вытягивая губы: ау-ау. Кругом никого не было. Мать, видимо, отлучилась ненадолго. Фея спустилась с дерева, поиграла с младенцем и так была растрогана, что каждый день стала навещать ребенка. Малютка привыкла к доброй фее и встречала ее сияющей беззубой улыбкой. Наконец Аделуц похитила ребенка, увела с собой и забыла все на свете ради него. Она полюбила ребенка нежно и пронзительно, так, как любят матери, а не феи. Она берегла и воспитывала девочку целый год. И та росла, училась лепетать и ходить. Но в конце концов родители отыскивали пропавшее дитя: нашли ее играющей на лужайке и забрали с собой. С этого дня Аделуц безумно затосковала. Горе точило ее днем и ночью.

— Что такое горе и тоска? — спросила тихая и тоненькая фея.

— Это недуги, которыми болеют люди. Мы, феи, этих болезней не знаем и понять их не можем. И погибла несравненная Аделуц, потому что переняла неведомые нам человеческие страсти.

— Почему же недоступны нам чувства, которые испытывают все люди и даже самые простые из них? — опять спросила тоненькая.

— А знаете вы, что такое сердце?

— Нет, — ответили феи хором!

— Да! Мы, обительницы волшебного царства, не знаем, что такое сердце. Мы его не имеем. А люди имеют, и у них оно ценится, говорят, выше всего, особенно у женщин. Говорят, что сердце вещь тонкая, хрупкая и капризная. Оно доставляет людям острые радости, но и боли причиняет нестерпимые. Сердце — очаг радостей, а также госки и страдания. Это дом всех страстей: любви и горя, радости и печали, веры и упований, надежд и разочарований. У нас, к счастью, нет сердца, и мы не знаем тех тревог, которые гложут, подтачивают, сжигают и, наконец, убивают человека. Мы не стареем и не умираем, потому что не любим и не страдаем. И все благодаря тому, что мы лишены сердца. У народа картвельского был один большой знаток человеческой совести и человеческого сердца. И вот что говорил он о сердце:

Не живут зимою розы, — губят их снега и стужи,
Летом в засуху от солнца им еще бывает хуже.

Таково людское сердце; горе, радость ли—оно
И безумствовать на свете и сгорать осуждено.

Никто из фей, кроме Аделуц, не ведал любви. Она одна познала, что значит любить и страдать. От тоски она иссохла, сгорела, и случилось неслыханное: княгиня царства фей, прекрасная Аделуц скончалась, стала бездыханной, как самая обыкновенная женщина. Она умерла, прижимая руки к груди, там, где у людей бьется сердце.

Рассказчица остановилась. Феи хранили молчание. Рассказ подействовал на них.

— Счастливая Аделуц! — сказала самая тоненькая, подперши лицо и глядя мечтательно вдаль. Хотела бы я тоже иметь это самое, как его... сердце, и испытать неведомое.

— Молчи, глупая! — авторитетно цыкнула на нее пухленькая. — Сама не знаешь, какую беду накличешь на себя.

Опять наступило молчание.

— А крепость? Почему она не стоит? — вспомнила, наконец, одна.

— Я и забыла об этом. Аделуц умерла на том самом месте, где происходят вечные обвалы. Со дня ее смерти место это стало заколдованным. Что бы ни созидала человеческая рука, все будет идти прахом. И так будет, пока люди не принесут там искупительной жертвы.

— Какую жертву требует тень княжны Аделуц? — спросили ее.

— Материнское сердце, — ответила рассказчица и задумалась. — Когда начнут возводить стены, надо замуровать в нее живого человека — любящую мать. Одна из жен трех братьев должна быть замурована, и замок выстроится.

Рассказчица замолкла, и тишину ночи нарушил дрогнувший человеческий голос. Это был возглас старшего брата.

— О, горе нам, горе! — воскликнул он в отчаянии.

Услышав посторонний голос, феи всполошились, замелькали в воздухе, и миг видение исчезло с глаз.

Три человека стояли у отверстия пещеры, как окаменелые. Немо глядели они на плоский камень, пустой, облитый лунным светом.

* * *

Всю ночь братья провели в муках нерешимости и сомнения. Они боялись глядеть друг другу в глаза. Совещались, спорили, как быть: идти на жертву или нет? И лишь под утро пришли к решению.

Несмотря на внешнее сходство между братьями, по духовному складу это были разные люди, с разными характерами. Но жили они всегда дружно, в согласии, и никогда взаимное неудовольствие не омрачало счастливых дней большой семьи. Теперь же надо было сделать такой тяжелый шаг, они стояли перед тяжким испытанием, и характер каждого из них неизбежно должен был проявиться. И он проявился.

Старший брат был человеком разума и долга. Распорядительный, настойчивый, непреклонный, прямодушный и прямолинейный, он нес на своих плечах управление, заботы и от-

ветственность за всю родовую общину. Он подчинялся только голосу разума и для достижения цели не отступал ни перед чем. По его мнению, любой ценой, но крепость должна была быть построена и, стало быть, жертва принесена.

— Крепость — наша защита, — рассуждал он, — оброна долины, щит рода, родного очага, семьи. Это ключ к нашим богатствам, фундамент нашего счастья и спокойной жизни. Нам завидует весь мир, наша цветущая долина — предмет вождения и врагов и друзей наших. Все точат зубы на нашу землю и наше богатство. Долина неприступна, богатство наше в сохранности, скот свободно пасется, дети наши, наши женщины и старики в безопасности. И все это благодаря крепости. Без нее мы пропадем. Жизнь одного человека за жизнь и счастье целого рода — недорогая цена.

Сказав это, старший брат умолк, посмотрел на одного, потом на другого. Те, не шевелясь и отводя взор, хранили мрачное молчание. Тогда старший брат снова заговорил, уже совсем тихо:

— Тяжело и страшно наложить руку на свою жену или на жену родного брата, но для блага рода мы не должны отступать даже перед таким огромным испытанием. Если не хватит у нас мужества, мы доведем род до беды. Потомство осудит и высмеет нас, и боги проклянут за слабость и нерешительность. Долг — прежде всего! И мы выполним наш долг заботливых отцов. Кинем жребий, братья мои! Пусть одна из наших жен ценою жизни купит счастье всего рода. И пусть замок наш станет ей бессмертным надгробным памятником.

Так говорил старший брат, признанный глава рода, умный и непреклонный.

Совершенно иного склада был средний брат, и придерживался он другого мнения. Это был человек сердца, добрый, грустноглазый, уступчивый, со спокойным и ровным характером. Слушался он прежде всего голоса сердца, который был не таким внятным, как голос разума, но безотчетным и вещим. Жизненный опыт он ставил выше упрямой принципиальности. Когда ему говорили о неразумности и противоречивости его мнений и советов, он неизменно отвечал: «Друг мой, не забудь, пути судьбы неисповедимы, и видишь их не рассудком, а каким-то внутренним оком. Жизнь! О, как она сложна! И не пытайтесь понять ее одним только умом». Если старшего брата считали умницей, то средний был воистину мудрым.

— Брат мой, — сказал он, — слова твои разумны, но внутренний голос шепчет мне: «Нет, не надо! Вы погубите и ее, и самих себя». Чья жена обречена судьбой — неизвестно, но гибель любой будет смертельным горем для всех, особенно для детей. Необходима ли эта свирепая жертва? Нельзя ли обойтись без нее? Вот о чем я думаю. Ущелье узко и неприступно. Десятка три храбрецов и без крепости могли бы защитить проход от целых полчищ. Мы прожили столько лет с обвалившейся крепостной стеной, — двадцать лет защищала нашу долину эта недостроенная красавица. Будем пытаться достроить ее, не губя родного человека. Лучше десятку храб-

рецов погибнуть в честном бою, чем предательски лишить жизни невинное, незащищенное существо, родную мать наших детей. И во имя чего? Во имя неизвестного будущего? Пусть будет что будет, только не это.

— Какой бы из трех матерей ни выпал этот жестокий жребий, — продолжал он, — как подыметься у нас рука закопать ее живьем? И как мы посмотрим потом в глаза наших детей и наших жен? Такие дела не прощаются, братья мои. Их не простят нам боги, не простят и люди. Мы должны, говорите вы, дорожить нашим краем, его богатствами, должны обезопасить его? Так знайте, во всем мире нет ничего дороже любящего человека. И помните, невинные страдания одной-единственной человеческой души нельзя искупить счастливой судьбой десяти государств. Слышите вы или нет?!

«Каждый за всех», — говорит правило нашего общежития. Это вы хорошо запомнили. Но правило это имеет продолжение, и о нем вы забыли: «Все за одного», — вот другая половина этого нерушимого для нас закона. И она так же важна и священна, как и первая. Все как один должны мы стоять за любого из нас, если он невинен. Рассудите, иначе кто захочет быть верным, неподкупным и преданным общине, кто захочет жертвовать собой ради общего дела? На этом прочном фундаменте держится все здание нашего дружного общежития. Не троньте его. Худо будет. Вот мое мнение. И еще одно, — добавил он после короткого молчания, — подобная жертва не может остаться неотмщенной. Она отомстит за себя, и зло отомстит. Умоляю вас, братья мои, опомнитесь, не испытывайте судьбы, не омрачайте счастливых дней настоящего ради неизвестного будущего.

Так говорил средний брат, которого считали мудрым. А меньшей переживал в это время муки борьбы и сомнений.

Меньший из братьев был поэтом и певцом. Был он поклонником прекрасного, красота покоряла его. Он ценил во всем только гармонично законченные формы, художественное совершенство и не выносил ничего нескладного, неуклюжего и незавершенного. Недостроенная крепость была для него чем-то вроде неудавшейся прекрасной художественной идеи. Дело в том, что архитектурный замысел крепости принадлежал ему. Долгие годы лелеял он мечту о замке. Бессонные ночи мечтал о нем, продумывал все детали внутренней и внешней отделки здания от основания до верха. Каждый раз после обвала южной стены он заболел от расстройства и горя. Оборонное значение замка было для него не столь важно, в глубине души его тревожило только одно — увидеть, наконец, претворенной в жизнь любимую идею, годами тревожившую его воображение. Он был согласен с доводами старшего брата, что для блага общины можно пожертвовать одной жизнью. Но совесть терзала его: как смеет он жертвовать любимым человеком ради любимой идеи? Перед внутренним взором его встала жена. Первая встреча, ее глаза, улыбка, нежный голос, при звуке которого сердце билось изо всех сил. Вспомнил, как поет она колыбельную малютке, которую недавно ему подарила, и отчаяние охватило его при мысли, что

он может навсегда ее лишиться. Он понял, что такие вещи нельзя долго обдумывать, решать надо немедленно. — «Не предаст меня судьба, — мелькнуло у него в голове. — Да, трех одна. Да. Но, боже мой, почему непременно моя?!»

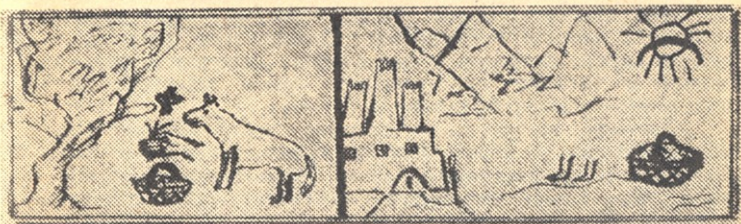
От волнения сперло дыхание, он закрыл глаза и еле внятно прошептал: «Кинем жребий». Этим самым решение было принято в пользу мнения старшего брата.

Решение было принято: одна из трех матерей должна была умереть мученической смертью...

Давно уже рассвело. Косые лучи восходящего солнца заиграли у входа в пещеру, когда старший брат подошел к очагу, разгреб золу, раздул огонь и, вытащив нож из-за пояса, вышел. Скоро он вернулся с небольшой свежеевыструганной дощечкой в руках, передал ее меньшему брату и, не глядя на него, сказал: «Сообщить надо домой».

В те времена бумаги не было, не было и нашей письменности. Писали не буквами, а рисунками. Такие письма глубокой древности зовутся теперь по-ученому «идеографическими письмами» или «пиктограммами». Это греческие слова и по-нашему означают «мыслезапись», «рисунопись», «рисуночное письмо».

Младший брат достал из кожаной сумки два острых бронзовых стилета, сунул их в огонь и расположился у очага с дощечкой на коленях. Как стилеты накалились, он вынул один из них и принялся выжигать им по дощечке какие-то рисунки. Когда дерево переставало дымиться от прикосновения бронзы, он клал остывший стилет в огонь и брал другой, накаленный. Вскоре письмо было готово. Вот оно:

Попробуем его прочитая. Дуб, волчица и жаворонок — рисуночные обозначения (выражаясь по-ученому — идеограммы) трех жен, смотря по тому, из какого рода происходила каждая из них. Жена старшего брата была из рода, где предкомпокровителем (тотемом) считалась волчица. Жена среднего происходила из рода, носившего название «Дуб», а младшая — из рода «Жаворонок». Рука, сжимающая три бечевки, обозначает жеребьевку. Жребий касается корзинки с обедом, которая стоит тут же. Письмо состоит из двух мыслей, или двух предложений.

Первая мысль: три жены тянут жребий. И вторая мысль: вытянувшая бечевку с узелком понесет корзинку с обедом в

замок. Речь идет об обеде, а не о завтраке или ужине — это указывает вторая идеограмма полудня: дуга делит солнце на две половины. Направление пути показано шагающими ступнями. Если все это перевести на наш язык, получится следующее:

«Жёны наши! Киньте между собой жребий и кому выпадет — пусть та и несет нам сегодня обед на стройку». Братья решили замуровать в стену ту, кто явится к ним с обедом.

Позвали собаку. Мохнатый крупный пес митом прибежал на зов и ткнулся мордой в ноги хозяину. Старший брат привязал дощечку к его шее и знаком приказал бежать домой. Собака сорвалась с места и вылетела вон.

* * *

Жилые дома и хозяйственные постройки общины стояли в глубине долины, в получасовом пути от замка. Чудесный гладкий холмик, покрытый зеленым бархатом травы и обсаженный фруктовыми деревьями, служил двором и местом для игр и забав. В середине двора стояла огромная тенистая чинара, обставленная скамейками. Тут накрывали стол, принимали гостей, устраивали хороводы, песни, пляски. Рядом находился марани, где хранились разных сортов и возрастов вина в огромных глиняных квеври, зарытых в землю под навесом.

День был с самого утра оживленный. Хозяйка дома распорядилась варить сегодня ткемали.

Работа кипела, не утомляя, однако, никого: варка ткемали сопровождалась остротами, шутками, песнями, а потому и дети, выполнявшие подсобную работу, видели в ней игру и забаву.

Главной распорядительницей этой хлопотливой затеи была жена старшего брата. Вторая хозяйка — жена среднего — считалась лучшей кулинаршей. Сегодня она руководила процессом варки, заправки и дегустации. Девочки и мальчишки отбирали и чистили ароматические травы. Шестеро шустренских девчат толкли приправу в ступках.

Звенела многоголосая хоровая песня. Песня, какую не услышишь ни в каком другом краю... Сладостно было слушать прекрасно спевшиеся голоса. Жена младшего брата выводила такие трели, что соловьи замертво падали с деревьев от зависти. Младшая невестка была всеобщей любимицей. Особенно ее любили дети: она была душой их веселья и неизменной участницей их игр.

Распределение обязанностей в большой семье происходило как-то само собой, и за женой младшего брата утвердилась роль воспитательницы детей.

Песня все еще звенела, когда прибежала собака. Ребята стали отбивать друг у друга общительную Мурию.

— Письмо! — закричал один и, отвязав дощечку, бегом отнес хозяйке.

Читать рисуночные письма умели все, но мастерицей считалась жена младшего брата. Ее окружили со всех сторон. Всем хотелось знать; какие вести принесла собака.

Жена младшего брата взяла дощечку, просмотрела и улыбнулась.

961350210
302 521110333

— Ну и бездельники у нас мужья! Велят кидать жребий, чтобы отнести им обед.

— Раз пишут, значит есть нужда, — сказала жена старшего брата.

— Написали бы: «принесите обед», а мы уж разобрались бы, кому нести.

— Хотя, видимо, чтобы пришла одна из нас, а не кто-нибудь другой.

— Ладно! Я моложе вас. Пойду и понесу им вкусный обед.

— Почему же ты? — возразила жена среднего брата. — Раз сказано по жребию, бросим жребий.

— А ткемали? Сварим мы его сегодня или нет? Ты главная повариха, и тебя заменить некому. Старшую хозяйку я тоже не могу заменить. Остается пойти мне или послать кого-нибудь еще.

— Нет! Должна пойти одна из нас, — сказала старшая.

— Значит, должна пойти я, — заключила младшая, и ей уже никто не возражал. И никто не знал тогда, какой страшный приговор вынесла она себе.

К полудню корзинки с обедом были готовы. Нагрузили ослика, и жена младшего брата собралась в путь. Мать ее, старушка, гостившая у дочери, предложила пойти вместо нее, но та без слов сдала ей на руки ребенка и погнала ослика перед собой. При выходе из ворот странная щемящая тоска сжала ей грудь. Неведомая сила толкнула ее обратно, она прибежала, схватила девочку, судорожно прижала ее к себе, расцеловала крепко-крепко, вернула бабушке и с особой, какой-то виноватой улыбкой на лице бросилась догонять своего ослика.

— Что с ней? — с недоумением спросила старуха, глядя ей вслед. Но никто не ответил. Все были заняты своим делом.

* * *

Принятое один раз решение было для братьев законом. К полудню они подошли к крепости. Собрали каменщиков. Старший брат рассказал им о голосе провидения и объявил о предстоящей им тяжелой обязанности: замуровать в стену живого человека. Каменщики мрачно выслушали его и молча вернулись к своему делу.

Братья поднялись на восточную башню, откуда видна была дорога. Время, казалось, текло со страшной медлительностью. Внизу работали, таскали камни. Шумела река. Минуты казались часами. Всю жизнь братья были так преданы друг другу, что каждый из них готов был пожертвовать собой ради жены и детей своего брата. Но в эту минуту каждый, не отрывая глаз от дороги, думал только о себе и в душе тихо молился богу: «Господи! Лишь бы не моя!»

В воздухе носились ласточки, поминутно принося пищу птенцам, встречавшим их криком и щебетом. Средний брат, пытаясь рассеять свои мысли, принялся подсчитывать, сколько раз прилетит мать кормить своих птенцов. Не успел он насчитать до десяти, как из-за поворота показался ослик, на-

груженный корзинами. Сердца трех бешено заколотились. Вот за осликом показалась и женская фигура. Вздох облегчения вырвался у двух братьев. А у третьего, младшего, подкосились ноги и он рухнул на пол.

Его быстро отнесли вниз, обрызгали водой, привели в чувство.

— Не подавай виду! — сказал ему старший брат. — Все погубишь!

Сам-то он знал, как ему надо держаться. Но сможет ли он? Хватит ли сил?

Братья вышли навстречу женщине. Смущенный, растерянный, несчастный младший брат бросился ей в ноги. Двое старших схватили его, подняли и увели. Каменщики связали несчастную женщину — она не сопротивлялась, — и принялись ее замуровывать.

Братья поспешили запереться в глухой башне. Бедная женщина сперва не понимала, шутят ли с ней или испытывают, она была только встревожена необычайной встречей, мрачностью деверей и тем, что все трое ее покинули. И тут мелькнула догадка, от которой мурашки побежали по всему телу.

— Что вы со мной делаете? — спросила она шепотом. Руки у каменщиков тряслись, в глазах стояли слезы, и тут она поняла. — «Замуровывают!» — и мертвенная бледность покрыла ее лицо.

Вся прожитая жизнь пронеслась в ее памяти ярким стремительным потоком, но остановила она свой взор на последнем прощании со своей малюткой. Это было единственное, о чем она сейчас думала. В эту роковую минуту беспомощный младенец, оставленный дома на руках у матери-старушки, был для нее дороже всего на свете. Она звала его, шепча пересохшими губами: «Моя девочка, моя бедная девочка! Чудная моя девочка!» — Она просила каменщиков пожалеть малютку, не губить несчастную мать. Но каменщики не смели послушаться голоса провидения. Тогда она стала умолять их оставить ей два отверстия, два окошечка: одно для груди, чтобы кормить ребенка, другое для глаз, чтобы смотреть на него.

Каменщики так и сделали: оставили в стене два маленьких окошечка.

* * *

Жертва была принесена. Обвалы прекратились. Крепость выстроили. Горделиво высилась она на неприступной скале. Но это пышное величие замка скоро было омрачено жуткими событиями. Жизнь стала покидать здание. Все живые существа бежали оттуда. Раньше всех бежали мыши и крысы. Стаями собирались они у берега, бросались в воду, одни тоннули, другие переплывали реку и исчезали. Об этом рассказывали, дивились, но зловещего смысла происходящего еще не понимали. Дня два спустя после этого наутро нашли мертвыми всех, кто ночевал в крепости. В том числе погибли и двое из братьев, старший и младший. Их нашли бездыханными в комнате под восточной башней. Только средний брат

спасся. Он спал на веранде под открытым небом, и смерть почему-то обошла его. В ту же ночь околела и собака Мурия. Все в ужасе отшатнулись от замка. Замок покинули, он опустел. Вся живая тварь вплоть до летучих мышей спасалась бегством. Во всем здании не осталось ни единой мухи. Только стаи ворон вились вокруг башен.

Прошла молва, что замок стал обиталищем смерти. И как сама смерть — был он несокрушим, неизменен и вечен. Только снаружи оброс мхом и плющом.

С тех самых пор и прозвали эту крепость «Мертвым Замок» или «Замок Смерти».

Пророчество среднего брата сбылось. Беда за бедой посыпалась на общину и разрушили ее до основания. Падеж скота, мор домашней птицы, пожары, эпидемии следовали друг за другом. Люди не успевали опомниться от одной беды, как другая, еще более тяжкая, валилась им на голову. В довершение всех бед началась эпидемия черной оспы. Объятое ужасом несчастное племя бежало без оглядки, покидая цветущую когда-то и счастливую долину, «Долину Трех Братьев». Окрестности вымерли, опустели и заросли бурьяном.

А заброшенный замок, бессмертное надгробие, «Замок Смерти», стоит с тех пор всеми покинутый и мрачный, как грозное напоминание о том, что нет в мире ничего дороже человеческой жизни и нет преступления тяжелее невинной человеческой жертвы.

Что же стало с несчастной женщиной, замурованной в стене? Недолго прожила она, говорит легенда. От горя и слез окаменела. И только из отверстий в стене потекли две струи, два вечных ручья: один из ее груди, другой — из очей.

* * *

Нас было трое, и сидели мы в тенистой прохладе, около мшистой крепостной стены: путешествовавший со мной ученый геолог с клинообразной ассирийской бородой, местный старый учитель, прекрасный знаток здешних краев, обычаев и преданий, и я. Учитель и рассказал нам легенду о «Мертвом Залке». После того как мы с аппетитом уничтожили наш походный завтрак, запивая вином, остуженным в родниковой воде, наш ученый, набив трубку и дымя, как фабричная труба, очень просто объяснил нам, по какой причине могли происходить обвалы и почему они прекратились.

— Подземные воды имеют теперь свободный сток, — сказал он, указав своей палкой на ручьи, льющиеся из двух отверстий в стене.

— Если заделать оконца, — продолжал он, — вода устремится в почву, начнет размывать основание, и обвалы возобновятся. Вы упоминали, что обвалы чаще всего случались именно весной. Виной тому обильные вешние воды.

Столь же простое и естественное объяснение нашел он тому, что замок был покинут всем живым: ядовитые пары, быть может, сернистый газ, лишившись свободного выхода после застройки, вероятно, все же стали просачиваться вовнутрь здания, отравляя все живое. Газ этот, — объяснил он нам, —

почти в два с половиной раза тяжелее воздуха и стелется внизу, постепенно смешиваясь с воздухом. Вот почему мелкие грызуны, вроде мышей и крыс, должны были раньше других покинуть здание.

Сохранность постройки и поразительную новизну интерьера ученый объяснил той же причиной: сернистый газ отравляет живую природу. На неживую природу он не действует. В атмосфере сернистого газа гибнут все черви-точители, а также все микроорганизмы, т. е. все возбудители всякого рода гниения и разложения. — Обратите внимание, что во всем замке нигде нет плесени, — говорил он, — ядовитые пары способствуют таким образом сохранности здания.

Так закончил он свои объяснения.

Теперь все стало для нас яснее ясного. Благо науке! Ее истины крепки и сверкают, как алмаз. Что перед ней какие-то сказания и народные легенды? Небылицы, иллюзии, суеверия, да и только! Ни фей, ни духов, ни чертей не существует в действительности, нет и судьбы, и предопределенности, и возмездия...

...И все-таки сказание это мне понравилось больше, нежели блестящее ученое рассуждение со строгим и точным объяснением всех причин и следствий. В легенде нет, конечно, ни капли истины, но зато много в ней мудрого смысла и правды.

Манана МЕГРЕЛИДЗЕ

ДВА СЛОВА ОБ ОТЦЕ

Прошло сорок лет с того вечера, как мой отец в последний раз уезжал из дому. В нашей квартире на Московской улице бабушка, тетя и няня пытались удержать меня, порывающуюся за ним. Мамы не было. Мама была уже там, куда он ехал, в Ленинграде. Внизу у подъезда давно дожидался извозчик. Отец еще раз взбежал по лестницам, поднялся ко мне и остановился в дверях потерянный и побелевший. Таким он и стоит с тех пор у меня перед глазами.

Но прошло уже сорок лет, и, может быть, это расстояние извинит мою нескромную попытку написать о нем.

Однако пишу я сейчас не для того, чтобы печальными картинками из моего детства всколыхнуть в современниках скорбь и сожаление о давно угасшей жизни. Нет. Желание сказать два слова об отце появилось у меня как раз вопреки горечи, которую хранят моя память и его письма, и даже вопреки тому, что погиб он молодым, полным желаний и надежд.

Я хочу сказать, что мой отец был счастливым человеком, и пусть никто не сочтет слова эти кощунственными.

Мне было восемь лет, когда мы расстались, и я хорошо его помню. Правда, помню односторонне, только хорошим; в этом возрасте у детей нет еще критического отношения к родителям.

У отца была одна счастливая черта: он был доверчив в самом простом и лучшем, в самом детском значении этого слова. В чем это проявлялось? Первым делом в любознательности, которая нас особенно сближала. Когда мы подолгу разглядывали какую-нибудь норку полевой мыши или лист тутового дерева, или следили за тем, как прилетают ласточки в гнезда под карнизами крепости в Сураме, как смешно и жалобно вытягиваются им навстречу тоненькие шейки всех птенцов разом — мы верили оба, что, глядя на них, мы не теряем времени даром, что эти, на первый взгляд, незначительные события на самом деле весьма значительны. В том, как он вслушивался и вникал во все мои детские дела и речи, была не только любовь к единственному ребенку, но именно, и даже скорее, неподдельный, доверчивый интерес к маленькому существу, в котором творится что-то важное и достойное внимания.

Взрослея, мы часто теряем то, что роднит природу, детей и художников, — всех, «кому ничто не мелко».

Отец мой сохранил способность к доверчивой открытости до конца. Наверно поэтому он так любил поэзию и театр, и больше всех поэтов — Важа Пшавела.

Как говорят его близкие, был он «простодушен до наивности» также и в быту: без оглядки верил людям. Это, оказывается, давало повод для шуток и анекдотов, постоянно повторявшихся среди его друзей. Но он был упрям в своей доверчивости даже тогда, когда под сомнение ставился его здравый смысл или под удар его судьба. Однако мне кажется, что такие оплошности происходят не от недостатка ума или проницательности, а от великодушия, за которое мы, бывает, так благодарны детям; оно не требует вознаграждения извне, в виде подтверждения наших оценок, а внутренне оправдано, обосновано верой, уважением и любовью к человеку, к миру. И все-таки есть за это награда: это дар умиротворенности и спокойствия, редкий в наш век дар уверенности.

Прав ли был он, веря в людей, веря в человека? Это серьезный вопрос, касающийся не одних только жизненных установок, но также и мировоззрения. Я осмелюсь только отметить, что у отца они совпадали: его мысль не расходилась с чувством, и свидетельством тому является его книга «Основные проблемы социологии мышления». Там параллельно с исследованием природы мышления проводится чрезвычайно важная для автора мысль: человек, его внутренний и внешний мир и облик, безусловно, определяется окружающей средой. Но вместе с тем человек наделен способностью обернуть эту самую обусловленность в нечто ей противоположное. Он может поставить на службу себе то, чему сам был послушен. Он может даже использовать среду — господствующую над ним

и его подчиняющую, — в качестве упора, чтобы, оттолкнувшись, преодолеть ее и возвыситься над ней. Человеку под силу воспользоваться самой зависимостью своей «мирской неволей» — по выражению Ильи Чавчавадзе, и добиться победы и господства. Он может быть свободным, и значит быть свободным — его долг.

Прав ли был отец? И если да, то смог ли жизнью своей подтвердить, оправдать то, во что верил всю жизнь и что старался доказать в научных трудах? Сумел ли осуществить то, что было в его возможностях, и доказать своей жизнью высокое значение человека, сумел ли наперекор подавляющим силам быть неподвластным и счастливым?

Не мне судить об этом: ведь судьи обязаны быть беспристрастными.

Разрешу себе только привести несколько отрывков из его писем.

Из письма к жене, Александре (Цуце) Карцивадзе от 30.IV—1933 г.

«...Я снова полон новыми мыслями и считаю дни радостно или печально окрашенными, смотря по тому, приходили в этот день прекрасные мысли или не приходили...» Ленинград.

Из письма к жене от ...мая 1933 года:

«...Видел «Гамлета» у вахтанговцев. Очень большая работа, прекрасная композиция, много выдумки, очень ново и все такое. Но это не «Гамлет», и это совершенно не Шекспир. Я не мог бы короче и всестороннее охарактеризовать этот спектакль, чем как словами самого Шекспира:

«Хоть это и безумие, но в нем есть метод». Ленинград.

Из письма к Семену Турманидзе от 10.I—1944 г.

«Дорогой Симоник!

...Ты хочешь знать, чем я занимаюсь? Занимаюсь английским языком. Раздобыл словарь и занят тем, что все свои мысли формулирую по-английски, и даже все свои письма к Цуце сначала пишу по-английски... Достал еще учебник итальянского языка... Считал бы себя счастливым человеком, если б имел учебник древнегреческого, но по всей вероятности, не сумею достать...». Кировская область. Кайский район.

Из письма к дочери от 20.IV—1943 г.

«...Хорошо делаешь, что по-грузински сочиняешь. Для хорошего сочинения годится только родной язык» Кировская область.

Из письма к дочери от 23.VI—1943 г.

«Моя Манана!

Ко дню твоего рождения я отправил тебе большое письмо, целую тетрадку с легендой, которую я давно тебе обещал. ...Ты мне напиши, пожалуйста, получила мою легенду или нет,

и как она тебе нравится и почему, и вообще напиши мне подробный ответ. Я люблю читать твои письма.

Кроме того, мне очень хочется знать, кому из наших, грузинских классиков отдаешь ты предпочтение, кого читаешь с большей охотой и кого ценишь больше всего? Литература у нас не очень богатая, но зато очень хорошая, отборная. И писателей первоклассных было у грузинского народа немало. Особенно поэтов, гениальных и действительно бессмертных. Вот проза только у нас хромала. Есть, конечно, замечательные вещи вроде, например, как «Отарова вдова» или «Мачеха Саманишвили». Это — золотые, бессмертные образцы большой, серьезной литературы, но их, к сожалению, немного. Зато поэзия цветет чудным цветом.

Великим мастером грузинского стиха был Акакий Церетели. Мне больше всего нравятся такие его вещи, как, например, «Медвежье гостеприимство». Сделано оно здорово, в грузинском духе. В своих стихах он умел находить настоящее грузинское слово, общеупотребительное, простое и очень выразительное. Читай его поусерднее. Акакий писал много, среди его вещей есть и неважные, но встречаются чудесные образцы...

Есть у нас еще один замечательный поэт — Важа Пшавела. Это поэт по призванию, он родился таким. И стихи у него несравненные. Если у Акакия и других наряду с замечательными встречаются и слабенькие вещи, то этот таков, что плохих стихов у него нет. Он не мог писать плохих стихов. Все, что он делал, получалось прекрасным...

Конечно, есть у нас и другие большие поэты. Но не обо всех сразу. Сегодня я останавливаю твоё внимание на этих трех. Изучай их поусерднее и не спеши. Лучшие места надо и наизусть запомнить. О Руставели же мы с тобой будем говорить особо в свое время. К тому времени, я полагаю, мы будем вместе, и беседа наша будет более веселая, чем теперь, посредством одних лишь писем». Твой папа-Кита. Кировская обл., Кайский район.

Из письма к Гильде Витцтум от 5.VIII—1944 г. (Перевод с немецкого).

«... Дорогая Гильда!

Сегодняшний день я считаю счастливым днем моего второго рождения... Единственное, и самое дорогое, что у меня здесь оставалось — это был мир моих мыслей, хоть они и не приносят мне практической пользы.

И вот закончена моя книга, где они все выстроены в единое целое... Эту книгу... которая будет издана вопреки всему на свете, ты получишь — где бы ты ни была, — с такой надписью: «Посвящаю дорогому и незабываемому другу Гильде Витцтум...» Кировская обл., Кайский район.

Через месяц, 17-го сентября 1944 г. он скончался в том же Кайском районе. Ему было сорок четыре года. Книгу, которую он там написал, разыскать не удалось. В 60-х годах вышла два раза подряд первая его книга «Основные проблемы социологии мышления», написанная в 1932 — 1935 го-

дах и озаглавленная автором первоначально как «Социальная феноменология мысли».

Говорят, для того, чтобы колокол зазвонил, его надо поднять с земли... Я бесконечно благодарна за отца тому множеству добрых людей, которые помогли ему подняться и прозвучать.

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ

ПАМЯТЬ О ДРУГЕ

Уже прожита длинная и сложная жизнь, и только сейчас я поняла, какая сладость и прелесть таится в воспоминаниях! Многое позабыто, и тем не менее память бережно хранит целые куски жизни, эпизоды, лица. В числе светлых личностей, которых я по сей день вспоминаю с благодарностью, — Кита Мегрелидзе. Невысокий, худой и не очень красивый, но очень своеобразный, удивительного обаяния человек. Было в нем что-то такое доверительное, что невольно тянуло к нему людей. Его лицо освещала добрая улыбка, а в глазах мелькала смешинка. Чувство юмора было его органическим свойством, но и юмор у него был добрый. Он был наш одноклассник, близкий, любимый друг, простой и очень скромный.

Многое нас связывало. Это были годы, когда новая жизнь пускала глубокие корни, и Кита Мегрелидзе был одним из тех, кто верил в жизненный подъем новой эпохи, любил преобразенный мир и был его ярым защитником.

Революция пришла и на сцену. Гений Котэ Марджанишвили создал новый театр, рождение которого наш народ принял с восторгом. Кита Мегрелидзе глубоко любил искусство, любил театр и, когда речь заходила о театре, в нем совершалась удивительная перемена: его покидало свойственное ему спокойствие и невозмутимость, в нем просыпался вдохновенный трибун. Из двух театров, несхожих своей творческой направленностью — Марджанишвили и Руставели, которым руководил режиссер Сандро Ахметели, — Кита Мегрелидзе был поклонником первого, и словом и делом всегда доказывал преимущество творческого кредо Котэ Марджанишвили. Разве я могла тогда представить себе, что, оказывается, основным и главным призванием Кита были сложнейшие философские проблемы — основные проблемы социологии мышления. Вот что было для него главным смыслом его бытия, а с нами он отдыхал, спорил, балагурил.

...И как трудно примириться с тем, что человек, который пришел в этот мир, чтоб свое доброе сердце и большой талант отдать служению Родине, не успел вкусить плоды своих трудов. Он умер молодым, в расцвете сил, но успел сделать немало. Мы его никогда не забудем!

ЛІТРАТУРА
ЗНАКОМИТЬСЯ

Израиль МЕТТЕР

СВИДЕТЕЛЬСТВО СОВРЕМЕННОКА

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. ЗОЩЕНКО

Даже если б мне и не посчастливилось, и судьба не свела меня с Михаилом Михайловичем Зощенко — я был его современником.

А ведь мне и сейчас кажется, что у читателя, впервые узнающего произведения **живого** нынче автора, есть некое преимущество перед теми людьми, которые знакомятся с творчеством этого писателя после его смерти.

Вероятно, это спорно. Вероятно, легко возразить, что неподкупное, беспощадное время отбирает лучшие писательские имена и преподносит их нам уже безошибочно. Со вступительной статьей, комментариями и справочным аппаратом.

Все так.

Однако, если я сам, среди моря книг, нашел, открыл, отобрал для себя вещь, восхитившую меня, и если я знаю, что автор этой вещи жив, то этим как бы достигается «эффект присутствия». Даже одно ощущение, что я — современник моего любимого писателя, превращает меня словно бы в его собеседника. А это позволяет мне таить надежду, что он будет отвечать на мои немые вопросы — он поможет мне разобраться в не всегда ясном смысле моей жизни.

Михаила Михайловича Зощенко я услышал впервые в 1924 году. Именно не прочитал, а услышал.

В харьковской библиотеке имени Короленко, в Петровском переулке, был объявлен вечер юмористических рассказов М. Зощенко. Так гласила афиша.

Короленковская библиотека в Харькове была отличной, и зал ее представлялся мне тогда огромным. Думаю, что он и в действительности был немал.

Затолканный куда-то в последний ряд, в переполненном до отказа зале, я был поражен Зощенко тотчас, еще до того, как он сел за стол и начал читать. Худенький, прямой, небольшого роста — лица я его разглядеть издали не мог, — он был совершенно непохож на «сатириков-юмористов», кото-

рых мы уже в те времена рассмотрелись и наслушались до отвала. Непохож он был какой-то своей строгой серьезностью — она мне даже показалась грустной отрешенностью, от нас от зала. И это не ощущалось как намеренная манера поведения, это не было «приемом», уже и тогда хорошо известным по великолепной игре, скажем, прославленного комика Бестера Китона.

Строгое и грустное благородство Зоценко было настолько внутренне присуще ему, что, даже будучи пятнадцатилетним юношей, я, пусть еще и невнятно, ощутил это сразу. Да и вряд ли только я: весь шумный зал как-то утих, присмирел.

Ровным, четким, порой даже резким, хотя и негромким голосом, совершенно не оттеняя, не «подавая» реплик персонажей, Зоценко читал свои рассказы. Он терпеливо переживал громовой хохот публики и продолжал читать все так же, не меняя интонации, не улыбаясь.

Впоследствии я много раз слушал, как прекрасные артисты исполняли со сцены знаменитую «Аристократку» или «Баню». И мне всегда было чуточку неловко, меня всегда при этом легонечко шокировало, что артисты изображают персонажей, передают их натуральную интонацию. Это было слишком «жирно» для Зоценко, — даже при полнейшей деликатности артиста, — настолько жирно, что утрачивалась та волшебная естественность, та разящая правда жизни, которая была заключена и в рассказах писателя и в том, как он сам их читал. Утрачивалось при этом и расстояние, критическое пространство между Зоценко и его героями.

Отчетливо помню еще: несмотря на то, что хохотал я безудержно, все-таки этот новый писатель тотчас занял в моей душе совсем не тот угол, в котором прописаны были даже отличные юмористы. И сатириком мне тоже не захотелось его числить. Он был сам по себе, особенный, ни на кого не похожий. Просто замечательный писатель.

И с того памятного вечера полвека назад, когда я впервые познакомился с его рассказами, а затем уже запойно выискивал все новые его произведения, — с того самого вечера возникла у меня стойкая привычка, характерная, думаю, для миллионов тогдашних читателей, никогда и не видавших этого писателя: стоило мне оказаться свидетелем неких ярких проявлений человеческой пошлости, торжествующего хамства, невежества, мещанства, как тотчас пронзала мысль — это как у Зоценко, это для Зоценко!

Я не знаю и не знал другого писателя, герои которого так просторно, так естественно сортировались бы и узнавались в повседневной жизни самыми широкими читательскими кругами.

«Зоценковский тип» — говорили даже те читатели, которые сами были зоценковскими типами.

Если уж говорить о типизированных зоценковских персонажах, то и в наши дни они еще не стали историческими. Изменились их лексика, быт, внешние стороны их существования.

К сожалению, современный читатель не всегда улавливает эту «связь времен»: нынешний читатель с готовностью от-

мечает сходство некоторых личностей с героями произведений прошлого века, опуская то ценнейшее звено, которое было вковано в цепь времени Зощенко. Герои, открытые и изобретенные им с молекулярной психологической точностью, были не менее нарицательными, нежели герои классической русской литературы, и притом они жили рядом, ходили по улицам, ездили в трамваях, работали бок о бок с нами.

Настоящее мое знакомство с М. Зощенко началось в 1935 году.

Так случилось, что я встречался с писателем в доме наших общих друзей, к литературе и искусству отношения не имеющих. Это были славные люди — муж, бывший летчик, служил на аэродроме, жена воспитывала маленького сына. В их доме бывало немало приятелей, приходили «просто так», пили чай с нехитрыми бутербродами, разговаривали легко, весело, о чем попало. Вино и водка в те времена еще не были изобретены. Разговоры не носили исповедального характера, возможно, потому, что жажда исповеди еще не стала тотальной: невдомек было казнить себя, друзей, человечество.

Я-то, вообще, в этом доме, в присутствии Зощенко помалкивал. Не могу сказать, что от робости. Этого чувства Зощенко никому не внушал. Он был настолько хорошо, я бы даже сказал — «старомодно» воспитан, что совершенно не излучал превосходства. При некоторой даже чопорности, при том, что дистанция между ним и собеседником ощущалась, это была дистанция все той же отличной воспитанности, деликатности. С хозяевами дома Зощенко был на «ты», но и это было какое-то вежливое, лишенное панибратства «ты». Оно выражало, пожалуй, лишь душевное дружелюбие, не более того.

Разговоров о литературе в этом доме не велось, а если речь изредка и заходила о ней, то Михаил Михайлович корректно уклонялся.

Удивительной была улыбка Зощенко: он улыбался сдержанно, одним краем рта, и то, что у другого человека могло быть названо иронической или даже кривой улыбкой, у Михаила Михайловича выглядело на редкость естественно. С годами эта улыбка стала еще и печальной: вроде бы и ничего в ней не переменялось, но, глядя, как Зощенко улыбается, улыбается несмотря ни на что, мне хотелось провалиться от боли и стыда сквозь землю.

В доме наших друзей я при нем помалкивал: мне нечего было ни сказать, ни рассказать. Работал я тогда преподавателем математики в военном училище, и, хотя к тому времени у меня вышла первая книжка, это обстоятельство стесняло меня еще более — полагать при Зощенко, что я «тоже пишу», было неловко.

Сейчас я отлично понимаю, что ни гости этого дома, ни хозяева, конечно же, не представляли себе того неповторимого значения, того места, которое занимал Зощенко в русской литературе. Все они любили Михаила Михайловича, уважительно относились к нему, смеялись, читая сборники его рассказов, вероятно, даже гордились дружбой с ним, но именно бли-

зость к нему — как это зачастую бывает при близости к очень крупному таланту, — не позволяла им разглядеть его подлинную величину.

А Зоценко вел себя так заурядно, так тихо и обычно, что любой отменный остряк или рассказчик в этой среде успешней выглядел юмористом Зоценко, нежели сам Михаил Михайлович.

Он чуть церемонно, учтиво ухаживал за женщинами, у него было даже какое-то особое, внимательно-ласковое выражение лица, когда он обращался к ним или слушал их. Если не опасаться рискованности сравнений, то подобное выражение лица я иногда видел у хороших врачей-невропатологов, разговаривающих со своими пациентами.

Умение вслушиваться в то, что говорят и как говорят, не перебивая, не отвоевывая того сладкого момента, когда можно вступить и начать вещать или развлекать, — до чего обильно расплодилось именно подобных собеседники! — умение вслушиваться даже, казалось бы, в пустое щебетанье, в глупость, и притом сохранять искреннюю заинтересованность — все это было присуще Зоценко органически.

Поначалу мне представлялось это странным: я привык читать в воспоминаниях о хороших писателях, что они тяготились так называемыми мелкотемными собеседниками. Да и сам я встречал немало значительных и мудрых деятелей искусства, совершенно неконтактных, если разговор при них оборачивался житейской обыденщиной.

Михаил Михайлович нисколько не скучал, когда при нем набалтывали житейские пустяки. Если бы ему при этом становилось скучно, то он не был бы писателем Зоценко.

Не буду лгать — я, конечно же, не тотчас понял это органическое свойство Зоценко. Однако, когда года через три после знакомства с ним я прочитал два новых прекрасных его рассказа, сюжетом которых и частично лексикой послужила пустейшая трескотня двух женщин, наших общих знакомых, — вот тогда-то мне и стало ясно, почему Михаил Михайлович три года назад так деликатно вслушивался в то, что они наперебой рассказывали за чайным столом.

Все это было лишь одной из множества ипостасей Зоценко. Сложность его природы была поразительной, в подобных случаях принято говорить — противоречивой. Однако в том-то и штука, что натура его, характер его, при всей даже загадочности, поражали как раз не противоречивостью, а цельностью в самых драматических условиях своей биографии Зоценко поступал именно так, как должен был поступить, в полном согласии со своей натурой и совестью.

Совершенно внезапно и унизительно для меня я увидел вдруг Михаила Михайловича совсем не таким, каким знал его.

В 1939 году в журнале «Крокодил», в разделе маленьких фельетонов была напечатана моя небольшая заметка — даже не фельетон, а заметка, — в которой я обругал повесть одной молодой ленинградской писательницы. Собственно, обрушился я не на повесть, а на какие-то два-три абзаца, уличая автора в дурном знании русского языка.

И вот, придя вскоре в Союз писателей, я встретил Зоценко. Он разговаривал с кем-то, я вежливо поздоровался с ним издали и увидел вдруг, как его лицо, и без того смуглое, потемнело от гнева. Шагнув ко мне — шагнул он тоже иначе, чем обычно: решительно и зло, — Зоценко сказал:

— Какое вы имели право напечатать эту свою заметку в «Крокодиле»? Как вам не стыдно!

Растерявшись, я начал лепетать, что приведенные мной абзацы действительно грешат... Но Зоценко перебил меня:

— Это первая вещь молодой писательницы. А вы обидели ее. Публично обидели!

Быть может, если б все это сказал мне не Зоценко, я нашелся бы, начал спорить, но тут сила его даже не писательского, а человеческого авторитета была настолько покоряюща, что я мгновенно представил себе, как же отчаянно оскорблена моей разухабистой заметкой молодая женщина. (Замечу, кстати, что она стала впоследствии автором многих отличных книг).

Не знаю, как назвать эту черту характера Зоценко. Вряд ли только добротой. Скорее — страстной его убежденностью, что достоинство человека не следует унижать ни при каких обстоятельствах.

Между прочим, эта его убежденность приносила порой немало хлопот Литфонду — организации, призванной заниматься бытовыми делами литераторов. Зоценко был одно время председателем Совета Литфонда в Ленинграде. И вот случилось, что на Совете подымался вопрос о каком-нибудь литераторе, упорно не возвращавшем денежную ссуду. В редких случаях Литфонд вынужден был направлять этому литератору суровое предупреждение, что в случае и дальнейшего невозврата денег они будут взысканы в судебном порядке. Зоценко решительно восставал против этой меры.

— Если человек не возвращает деньги, значит, у него их нет. И грозить ему судом оскорбительно!

Будучи сам необычайно легко ранимым, Михаил Михайлович наделял этим свойством и других, наделял активно, то есть и в произведениях своих, и в жизни, всем талантом, всем сердцем обороняя людей от посягательства на их честь.

Время от времени, и по сей день, на собраниях в Союзе писателей с утомительным однообразием принято спорить о мелкотемье. Это похоже на морской прибор: изредка царит полный штиль, иногда поверхность рябит и накатывают мелкие волны, а порой возникает шторм — идут сплошь девятые валы.

На одном из подобных собраний, в середине пятидесятых годов, снова — в который уже раз на моей памяти! — вспух этот занудливый спор. По какому поводу он начал нарываться, в точности не помню, да это и не имеет значения.

Сперва один оратор, в качестве яркого примера мелкотемья, привел рассказы Зоценко, затем второй, и оба они, хоть и вежливо, однако настойчиво упрекали писателя за то, что в его рассказах нет таких-то и таких-то крупнейших тем.

Я сидел рядом с Михаилом Михайловичем и видел его нервные руки — длинные, худые коричневатые пальцы подра-

гивали на его коленях. Он молчал, лицо его было бесстрастно.

Однако, когда и третий оратор с тем же тупым однообразием повторил, что писатель Зощенко в своих рассказах почему-то не подымает больших тем нашего времени, Михаил Михайлович резко встал, прошел к трибуне и, не взойдя на нее, а остановившись рядом, сказал:

— Я не подряжался на ялике перевозить рояль.

Это было неверно, он ошибался: на его ялике умещались и перевозились вещи покрупнее, погабаритнее, потяжелее рояля — размещалась и перевозилась эпоха.

В крайне редких и скупых выступлениях Зощенко была всегда такая обезоруживающая чистота и даже наивность, в них настолько отсутствовали «знакомые сочетания звуков», — так Михаил Михайлович сам определял стандартные, пошлые речи демагогов, — что обычно после его выступлений наступала какая-то виноватая тишина. Найдись тотчас, начать возражать ему никто как-то не решался. На другой день, на третий, уже не видя перед собой хрупкого, щемяще-гордого и отважного, словно он первый поднялся в рост на приступ, — не видя его перед собой, кое-кто потом быстро опоминался и в избытке расплачивался с Зощенко всеми необходимыми сочетаниями слов.

Мне казалось тогда, что само физическое присутствие Михаила Михайловича как бы создавало вокруг него бактерицидную среду — этим свойством обладают благородные металлы. Серебро, золото, платина.

Юрий Герман получал орден в Кремле в тот же день, что и Михаил Михайлович Зощенко.

Вернувшись из Москвы, Герман рассказывал мне, как происходила процедура награждения. Она была проста и не длинна: стоя у стола, М. И. Калинин вручал награжденному коробку с орденом, говорил — поздравляю вас, товарищ, и пожимал ему руку.

Все так и шло, покуда к столу не приблизился Зощенко. Протянув и ему коробку с орденом, Калинин двумя своими руками задержал руку Зощенко, поближе всмотрелся в его лицо и с ласковым каким-то удивлением сказал:

— Вот вы, оказывается, какой, Михаил Михайлович!

Цельность его природы, несгибаемой при всей ее деликатности, была отчетливо заметна и в первые месяцы блокады Ленинграда.

Мы виделись в то нелегкое время часто: Зощенко приходил в Радиокomitee, а там я бывал ежедневно. Литературно-драматический отдел с первых дней войны выпускал семь раз в неделю свою «Радиоохронику» — большую передачу, состоящую из выступлений писателей, деятелей искусства, науки, репортажей с фронта, великодушных стихов Ольги Бергольц и антифашистских фельетонов.

Ежедневное сочинение этих фельетонов доводило меня до иступления. Я писал их тут же, в Радиокomitee, читал свое-

му редактору Г. П. Макогоненко, он выслушивал их скептически-хмуро и говорил:

— Не смешно. Сейчас я запрю тебя в этой комнате, ты перепиши все заново, и когда получится смешно, постучи в дверь — я открою.

Таким образом, в общую трагичность ленинградской блокады вплеталась и моя крохотная драма — у меня не получалось смешно.

А Зоценко писал для «Радиохроники» мало — вместе с Евгением Шварцом он срочно сочинял в те дни сатирическую комедию «Под липами Берлина», она писалась для театра Н. П. Акимова.

Изумление перед тем, на что оказался способным фашизм, боль и гнев затрудняли комедийную работу авторов — пьеса тоже получалась не слишком смешной.

И запомнился мне Зоценко того горького времени не тем, что он поденно писал для радио: сценок, сочиненных им, было не так уж много, и вряд ли, читанные нынче, они поразили бы современного читателя.

Запомнился мне Михаил Михайлович опять-таки личностью своей, всем своим неизменным обликом. Ничто в нем не стронулось с места. Даже внешне. В те тяжкие дни многие окружавшие меня люди, да и сам я, хоть как-то переменялись. Зловещая печать блокады — голода, холода, пещерной тьмы, — не могла остаться бесследной. Отражалось это в людях по-разному: изменялись одежда, обувь, походка, голос, выражение лица, глаз, очертания фигуры — я уж не говорю о поступках, о поведении. Изменения эти происходили в людях и в лучшую и в плохую сторону — происходила кристаллизация человеческих характеров. А некоторые и попросту рассыпались в порошок.

Зоценко оставался таким, каким был всегда. Он мерз, как и все, но не утеплялся кофтами, галошами, толстыми шарфами. Он оставался все таким же аккуратным, я бы сказал — элегантным, если бы это дурацкое слово так вопиюще не подходило ни к блокаде, ни к самому Михаилу Михайловичу. Он не похудел и не почернел лицом: худеть ему было не из чего — он всегда был худ, а природной смуглости лица доставало ему и без военных лишений. Походка его не стала торопливой — он и до войны никогда никуда не опаздывал. Опаздывают ведь чаще всего люди, едущие в автомашинах, а Зоценко был пешеходом.

И голос его, тональность, что ли, остались нетронутыми: не появилось в них ни тревоги, ни какой-либо особой строгой собранности. Все мы, очевидно невольно, полагали, что надо покончить с кое-какими нашими глубоко штатскими, мирными замашками. Зоценко не потребовалось корректировать в себе ничего. Быть может, сказалось здесь, что еще в молодости, в первую мировую войну он был отличным, отважным военным. Во всяком случае, определение храбрости, по Льву Толстому, складно ложилось на характер Зоценко. Храбрый человек — это тот, кто делает то, что следует, писал Толстой.

Мужество Зоценко было именно таким.

Было в Михаиле Михайловиче что-то от Гоголя — в характере, в том, что он писал, в судьбе. Страстная жажда нравственного проповедничества; душевное смятение от постоянных, раздирающих сердце поисков смысла жизни, идеалов; чувство непереносимой писательской ответственности перед глазами — «оча́ми» по Гоголю — народа. А ведь у великих писателей, наделенных сатирическим талантом, это проповедничество, и эти поиски, и эта не прощающая никакой лжи беспощадная ответственность — особенно, адово терзающи.

Мы знаем, в каких муках умер Гоголь, сжегший второй том «Мертвых душ».

За несколько дней до своей смерти Зоценко сказал:

— Умирать надо вовремя. Я опоздал.

В сорок четвертом году в Ленинграде еще действовали ночные пропуска — без них после полуночи появляться на улице запрещалось.

А приключилось однажды так, что человек десять литераторов задержались в писательском клубе допоздна: когда хватились, оказалось уже далеко за полночь. Ночных пропусков ни у кого из нас не было, в том числе и у Зоценко. Однако порешили мы коллективно так — авось проскочим, минуя военные патрули.

С тем и вышли с улицы Войнова на Литейный.

Идти пришлось недолго, метров триста — задержали нас тут же на Литейном, наискосок от Большого дома.

Улица была погружена в военную темень, электрический фонарик патрульного офицера нацупал нас, сбил в кучу, два солдата встали рядом. Перспектива была ясна — сидеть нам до утра в комендатуре.

Офицер потребовал ночные пропуска. Михаил Михайлович протянул ему свой паспорт. Прежде чем его спрятать в планшет, офицер осветил фонариком первую страничку.

И внезапно лицо его утратило всю свою суровость и служебную подозрительность.

— Товарищ Зоценко! — сказал он с почтительным восхищением. По-видимому, ему хотелось сказать что-то еще, но он лишь добавил совершенно по-домашнему: — Здравствуйте, товарищ Зоценко... Эти граждане с вами?

— Со мной, — кивнул Михаил Михайлович.

И мы были пропущены всей гурьбой.

Признательность народного читателя к Зоценко была необыкновенно велика. И она особенно ценна тем, что была совершенно произвольной, не побуждаемой и не возбуждаемой званиями автора, парадными статьями и юбилейными книгами о нем. Слава Михаила Михайловича зародилась и выросла в коммунальных квартирах, в трамваях, в жестких бесплацикартных вагонах — без телевидения, без кино, без современных мощных средств коммуникаций.

Впрочем, разве есть на свете что-нибудь мощнее коммуникаций, создаваемых неорганизованными человеческими душами?

Гурам ШАРАДЗЕ

ЛАЙОШ ТАРДИ — КАРТВЕЛОЛОГ

Грузинской научной и литературной общественности хорошо известно имя выдающегося венгерского писателя, ученого-картвелолога, доктора исторических наук, профессора Лайоша Тарди. Вот уже более двух десятилетий статьи, очерки, исследования венгерского ученого регулярно появляются на страницах грузинской, русской, венгерской и вообще западноевропейской научной и литературной прессы. Профессор Лайош Тарди — автор нескольких книг и монографий, а его художественные произведения на исторические темы вызывают особый интерес.

Лайош Тарди родился 28 июля 1914 года в семье будапештского инженера Жигмунда Тарди. Окончив классическую гимназию, Л. Тарди поступает в Будапештский университет. Он закончил два факультета Будапештского университета — юридический (1936 г.) и филологический (1963 г.). В 1964 году Лайош Тарди стал кандидатом исторических наук, а 8 мая 1973 года в Тбилиси в Институте истории, археологии и этнографии АН ГССР имени Иванэ Джавахишвили блестяще защитил докторскую диссертацию на тему: «Грузия в общественном мнении Средней Европы и грузино-венгерские связи в XVI веке». Примечательно, что в то время во всей Венгрии насчитывалось немногим более тридцати докторов исторических наук, и Лайош Тарди пополнил их ряды.

На протяжении ряда лет Лайош Тарди являлся научным сотрудником Будапештской государственной библиотеки им. Сечени, с 1968 по 1975 г. — директором Центральной археологической библиотеки Венгрии, а с 1977 года он — профессор Сегедского университета им. Атилы Иожеф, где читает лекции по истории цивилизации восточных народов, в том числе и грузинского; в текущем 1980-1981 учебном году он ведет курс «Истории кавказских государств средних веков, в частности Грузинского государства».

Научная и писательско-общественная деятельность Лайоша Тарди получила соответствующую оценку со стороны партии и правительства Венгрии: он награжден высокими на-

градами Венгерской народной республики — серебряным Орденом Труда (1974 г.), почетным знаком «За социалистическую культуру» (1975 г.), а за деятельность в деле укрепления дружбы между венгерским и советским народами — почетной грамотой Президиума Общества венгеро-советской дружбы (1968 г.).

Ярким доказательством признания научных заслуг Лайоша Тарди является тот факт, что он избран членом Восточноведческой комиссии венгерской Академии наук, членом правления Общества ориенталистов Венгрии, членом парижского Азиатского общества, а также членом редакционной коллегии кавказологического журнала «Беди Картлиса» — «Revue de Kartvelologie», издаваемого в Париже, и членом Общества венгеро-советской дружбы.

Лайош Тарди ежегодно принимает участие в многочисленных международных научных симпозиумах и конгрессах. В июле 1979 года на международном симпозиуме в Италии, посвященном вопросам культуры кавказских народов, он выступил с докладом «Европейские источники об истории Грузии XVI в.».

Прекрасное классическое образование, полученное Л. Тарди, дополняется фундаментальным знанием иностранных языков: кроме родного венгерского, он свободно владеет латинским, немецким, итальянским, английским и русским языками; достаточно хорошо знает также французский, испанский, а также грузинский языки.

Лайош Тарди — ученый с разносторонними интересами. Его перу принадлежат труды по истории Венгрии, по вопросам права, медицины и истории прессы. Значительный интерес представляют работы Лайоша Тарди о культурно-экономических и медицинских связях между Венгрией и Россией второй половины XVIII и первой половины XIX веков. В 1976 году труд Л. Тарди «К истории русско-венгерских медицинских связей», написанный в соавторстве с Е. Шультейсом, был переведен на русский язык и издан в Москве. Особое внимание советских историков привлекла к себе изданная в 1954 году в Будапеште кандидатская диссертация Л. Тарди о Михаиле Балугьянском (1769 — 1847), первом ректоре Петербургского университета.

Большой отклик в советских литературных кругах получил и факт обнаружения Л. Тарди совместно с Д. Радо неизвестной дотоле рукописи первого венгерского перевода «Кавказского пленника» А. Пушкина, выполненного в 1824 году побывавшим на Кавказе Гергеи Якшичем. Перевод Якшича явился если не первым, то одним из первых в мире переводом пушкинского «Кавказского пленника». Специальное исследование (Будапешт, 1959 г.) посвятил Л. Тарди выдающемуся венгерскому ученому и врачу И. Орлай (1770 — 1829), деятельность которого в первой половине XIX века протекала в России и который, между прочим, в период работы в Нежине являлся учителем Н. В. Гоголя. Отмечая эту и предыдущие работы Л. Тарди, журнал «Studa slavica» за 1960 год писал: «В своих работах Л. Тарди осветил ряд неизвестных или ма-

известных моментов венгеро-русских связей XIX в. Л. Тарди благодаря кропотливому труду и, по-видимому, продолжительной переписке с большим усердием и пониманием дела, собрал свои данные, за что, несомненно, заслуживает похвалы. Л. Тарди принял участие в составлении сборника, изданного Институтом литературы Академии наук Венгрии совместно с Институтом мировой литературы им. М. Горького АН СССР, получившего высокую оценку в прессе.

Ученый внес свой вклад и в дело исследования венгеро-украинских культурно-исторических взаимосвязей. В частности, на основе обнаруженных им неизвестных архивных материалов Л. Тарди восстановил картину деятельности в Венгрии великого украинского философа и поэта Гр. Сковороды. Работа, проделанная Л. Тарди, нашла соответствующее отражение в украинской литературной прессе.

Однако целью нашей статьи является ознакомление читателя с собственно картвелологической деятельностью венгерского ученого.

Интерес к Грузии, к истории грузинского народа, его культуре зародился у Лайоша Тарди, по его же словам, в годы юности. «Мне было лет шестнадцать, когда в одном из старых венгерских журналов я прочел, что Венгрию, которой на протяжении веков грозили полным уничтожением с запада немцы, а с юга турки, можно сравнить только с одной страной — Грузией — ее без конца пытались покорить то турки, то персы. В журнальной статье было сказано о великой любви грузин к свободе и других отличительных национальных чертах. Этого оказалось достаточно для того, чтобы разбудить во мне необыкновенный интерес ко всему, что было связано с Грузией».

Вскоре после этого, будучи гимназистом, а затем студентом Будапештского университета, Л. Тарди знакомится с творчеством выдающихся венгерских писателей Мора Йокай (1825—1904) и Кароя П. Сатмари (1831 — 1891), затронувших в своих исторических романах грузинскую тематику. В частности, в этом отношении интересны романы М. Йокай «Рюмин» (в нем выведены царица Тамар и Руставели), «Свобода под снегом», «Амирани» и Кароя П. Сатмари — «Последняя царица Грузии», который увидел свет в Будапеште в 1855 году и посвящен нашумевшему убийству генерала Лазарева Марией Цицишвили, супругой Георгия XII.

Помимо всего прочего, Л. Тарди знакомится с деятельностью своих соотечественников Миклоша Тотфалуши-Киши и Михая Иштвановича, внесших определенный вклад в дело грузинского книгопечатания, а также с известными иллюстрациями М. Зичи к поэме Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре» и с самой поэмой по ее венгерскому переводу, выполненному Бела Викаром, являющемуся одним из первых переводов «Витязя» на европейские языки (изд. в Будапеште в 1917 г.).

Впервые в Грузии узнали о Лайоше Тарди в 1962 году. К тому времени он был уже автором нескольких нашумевших книг и исследований (в том числе по вопросам венгеро-русских

и венгеро-грузинских взаимоотношений) и готовился к серьезной работе в области картвелологии.

Заветная мечта Лайоша Тарди побывать в Грузии исполнилась в 1967 году: он прибыл в Тбилиси в составе венгерской делегации для участия в Днях венгерской культуры. В этот свой приезд, движимый искренней дружбой и научными интересами, он публикует в нашей республиканской прессе статью об исторических взаимосвязях между Венгрией и Грузией, которая одновременно была напечатана в венгерских газетах.

В последующие годы (1968, 1969, 1973 гг.) Л. Тарди приезжал в Грузию в долгосрочные научные командировки, еще ближе знакомится с нашей родиной, памятниками грузинской культуры, устанавливает контакты с грузинскими коллегами... В октябре 1976 года Лайош Тарди принимает участие в юбилейных торжествах, посвященных столетию со дня рождения Иванэ Джавахишвили, а спустя некоторое время в одном из центральных журналов публикуется его статья об историческом содружестве Венгрии и Грузии.

Духовное родство и дружба накрепко связали Лайоша Тарди с грузинскими учеными, писателями, деятелями искусства; не будем перечислять их, это заняло бы слишком много места. Отметим только, что налаживая и укрепляя дружеские связи, он испытывал постоянную поддержку со стороны тогдашнего вице-президента АН Венгрии акад. Лайоша Лигети.

Венгерская Академия наук трижды на свои средства посылала Л. Тарди в командировки с целью изучения материалов о венгеро-грузинских взаимосвязях — в Грузию, Австрию и Италию.

7 августа 1975 года в связи с кончиной Константины Гамсахурдия Лайош Тарди публикует в центральной газете Венгрии «Непсабадшаг» прекрасную статью-воспоминание «Встреча в Тбилиси», в которой воссоздан незабываемый образ одного из столпов грузинской литературы XX века, которого Тарди называет «последним грузинским бардом».

Не менее теплую статью посвятил Лайош Тарди и памяти известного исследователя творчества Михая Зичи Бено Гордезиани.

В 1974 году грузинский народ с большой любовью отметил 60-летие со дня рождения Лайоша Тарди, своего бескорыстного друга, выдающегося картвелолога.

Благодаря гостеприимной хозяйке Анне Хазай-Тарди двери будапештской квартиры Лайоша Тарди всегда открыты для друзей из Грузии. Специальная комната отведена под своеобразный «грузинский музей». Здесь вы увидите грузинскую бурку, пояс с кинжалом и чоху, ковры, флажки, музыкальные инструменты, чеканку и керамику, собрание уникальных грузинских книг, свежие грузинские газеты и журналы... В этой комнате вы чувствуете себя не в далекой Венгрии, а как у себя дома! Здесь же висят древнейшие европейские карты и гравюры на грузинскую тему. Среди них особенно интересны две старые немецкие гравюры «Грузины» и «Тбилиси», которые исследователь приобрел у европейских букинистов. Но более

5340
111033

всего интересен богатый картвелологический архив, с большой любовью созданный Л. Тарди. В нем собраны обнаруженные венгерским картвелологом в результате кропотливого многолетнего труда в хранилищах и архивах европейских стран, особенно Австрии и Италии, и снятые на пленку драгоценные материалы об истории Грузии средних веков и ее взаимоотношениях со странами Западной Европы. Лайош Тарди передал автору этих строк соответствующий документ, согласно которому весь этот богатейший картвелологический архив переходит в дар грузинскому народу и переносится на хранение в Институт рукописей им. К. Кекелидзе АН ГССР. Комиссия по иностранным источникам по истории Грузии при АН ГССР должна будет позаботиться об издании этих документов с участием самого Л. Тарди.

Как мы уже говорили, первые робкие шаги Л. Тарди на поприще картвелологии относятся к концу 50-х годов. В 1959 году подряд были опубликованы два его исследования «Деятельность Якова Рейнегса и Яноша Кохари на Кавказе во второй половине XVIII века» и «Янош Орлай — венгерский путешественник по Грузии». С тех пор во время работы в архивах Западной Европы, России и Грузии Лайош Тарди обнаружил и изучил не один важный исторический документ, который расширил наше представление об истории Грузии, о грузинской культуре вообще, о том или ином вопросе венгеро-грузинских взаимоотношений. С этой точки зрения, в первую очередь, интересен исторический роман Лайоша Тарди «Якуб-бей», который был опубликован в 1962 году в Будапеште, а в 1971 году переведен на грузинский язык. Саксонец по происхождению, Яков Рейнегс (1744—1793), он же Якуб-бей, врач и ученый, вместе с графом Кохари прибыл из Венгрии в Грузию. С 1779 по 1783 г. его деятельность протекала при дворе Ираклия II. Он проявил себя и как дипломат, сыграв определенную роль в подготовке трактата 1783 года. Якову Рейнегсу принадлежат следующие слова, сказанные им о царе Грузии: «Царь Ираклий — благороднейший человек среди тех, кого я встречал в своей жизни. Природа наградила его всеми достоинствами, какие только может иметь человек. Он настолько ценил меня, настолько сильна была наша взаимная любовь и дружба, что несмотря на разницу в нашем общественном положении, он разрешал мне называть его отцом...»

Сведения о деятельности Якова Рейнегса в Грузии мы встречаем и в других трудах Л. Тарди.

В грузинской прессе было опубликовано несколько рецензий на упомянутый роман Лайоша Тарди, и грузинское его издание снабжено «Послесловием», принадлежащим перу В. Гучуа, в котором дается попытка оценки романа с позиций современной грузинской исторической науки.

После этого Лайош Тарди приступает к изучению истории венгеро-грузинских взаимоотношений, начиная с эпохи Возрождения до наших дней.

Первоисточники сообщают нам скудные, но весьма интересные сведения о политической, религиозной, дипломатиче-

ской и научной взаимозаинтересованности между венграми и грузинами. Об этом наглядно свидетельствует так называемая «скифская теория», выработанная венгерскими гуманистами, согласно которой одним из первых мест обитания предков венгров была Грузия, а грузины — родственным народом.

Разрабатывая эту тему, Л. Тарди опубликовал несколько самостоятельных трудов на венгерском, русском, французском, немецком, английском и грузинском языках. В 1965 году в Будапеште была опубликована его работа «Из истории венгеро-грузинских взаимоотношений», которая вышла в свет на грузинском в 1968 году, в том же году в научном сборнике «Литературные взаимосвязи», издаваемом Институтом истории грузинской литературы им. Ш. Руставели, публикуется ряд его исследований историко-литературоведческого характера. Вот уже более десяти лет издающийся в Париже журнал «Revue de Kartvelologie» ежегодно печатает картвелологические статьи Л. Тарди, общий объем которых составил бы довольно солидную книгу.

Как мы отметили, Л. Тарди уже в течение ряда лет изучает и исследует венгеро-грузинские взаимосвязи, начиная с XII века до наших дней. Не один заслуживающий внимания труд его в этой области опубликован в Венгрии, Франции и Грузии. Отдельные его статьи увидели свет в Австрии и других странах Европы.

Наиболее интересен вклад, который внес Л. Тарди в дело изучения общественного мнения Средней Европы о Грузии XVI века. В науке считалось, что Западная Европа знала в основном Грузию блестящей эпохи Тамар, а затем Грузию XVIII века, в частности с эпохи Ираклия II. Л. Тарди поставил целью доказать, что Западная Европа была заинтересована политико-культурным положением Грузинского государства и связями с ним и в этот промежуточный период, что Грузинское государство как сильная политическая единица всегда доминировало в политическом сознании европейских государств.

Многолетний труд Л. Тарди в этом направлении увенчался его докторской диссертацией «Грузия в общественном мнении Средней Европы и грузино-венгерские связи в XVI веке», которую он блестяще защитил в мае 1973 года. Рукопись диссертации состоит из двух томов в 700 страниц, она написана на основе материалов, выявленных в архивах и хранилищах Венгрии, Австрии, Франции, Италии и других стран Европы. Официальные оппоненты Э. Нидергаузер (Венгрия), З. Анчабадзе, И. Табагуа и Г. Пайчадзе дали высокую оценку труду венгерского историка, и Л. Тарди единогласно была присуждена ученая степень доктора исторических наук: впервые венгерский ученый защищал в Грузии диссертацию на ученое звание доктора исторических наук.

В 1980 году издательство «Сабчота Сакартвело» выпустило в свет диссертацию Л. Тарди в сокращенном варианте, озаглавленном «Венгеро-грузинские связи в XVI веке». Книгу предваряет статья И. Табагуа «Венгерский историк Лайош Тарди», а в газете «Тбилиси» автором этих строк была опубликова-

на рецензия на эту книгу. Интересно, что монография впервые увидела свет именно на грузинском языке.

Лайош Тарди использовал в своем труде первоисточники на венгерском, немецком, латинском, итальянском, французском, английском, испанском и португальском языках; он внес в научный обиход ранее совершенно неизвестный материал, обогатил новыми данными нашу историографию, показал, каково было общественное мнение Средней Европы и в первую очередь Венгрии о Грузии в XVI веке, о ее самоотверженной борьбе против поработителей.

Известно, что в ту эпоху Венгрия находилась в особенных исторических условиях. На большей части страны хозяйничали турки, а оставшаяся территория, где сохранилась венгерская государственность, входила в состав владений Габсбургов. Естественно, что венгры видели в грузинах собратьев по несчастью, но интерес венских, да и не только венских властителей к Грузии и грузинам, и особенно к их героической борьбе против иностранных захватчиков, был обусловлен в первую очередь политическими и дипломатическими интересами.

В результате кропотливой работы Л. Тарди в европейских архивах были обнаружены материалы, в большинстве своем по сей день неопубликованные, записки малоизвестных путешественников; их дневники, дипломатические докладные записки, отдельные сведения, статьи рукописных газет... Невозможно без волнения читать слова Лайоша Тарди: «Мне пришлось изучить огромный материал во время работы в архивах и библиотеках Средней Европы. Порой я встречал в нем всего несколько фраз о Грузии. Несмотря на это, я чувствовал, работа моя не безрезультатна, поскольку бывает и одно предложение помогает разобраться в интересующем тебя вопросе». Только человек, безмерно и самоотверженно любящий грузинский народ, его героическое прошлое, мог создать фундаментальный труд о венгеро-грузинских связях XVI века и общественном мнении Средней Европы той поры.

Лайош Тарди — автор нескольких монографий историографического характера на венгерском языке, в которых подняты и успешно разрешены вопросы картвелологии. Среди них интересна монография «Пленные, послы и купцы в Османской империи» (Будапешт, 1977), которая сообщает интересные сведения о грузинском монастыре в Иерусалиме, о грузинских обычаях и т. д.

В труде, опубликованном в 1971 году (он переведен недавно на английский язык), рассказывается о венгеро-грузинско-иранском союзе против Османской империи с XIV по XVI вв., о том, каково было отношение Турции тех времен к Грузии.

Еще раньше, в 1963 году, в книге, изданной совместно с Радо, рассказывается о венгерском путешественнике Яноше Беше, в 1829-30 гг. побывавшем в Грузии и очень полюбившем ее. Популяризации нашей страны в Венгрии способствует также составленная Л. Тарди историческая часть «Путеводителя по Грузии» Шандора Богдана (Будапешт, 1971).

Особенно интересна одна из последних монографий Л. Тарди, изданная на венгерском языке, в которой представлен богатый материал о грузинах, в XVI—XVII вв. попавших в Турцию и выдвинувшихся на службе Османской империи (в частности, например, о визире Гюрджи Кенане, который, будучи бегларбегом Буды, построил башню королевского дворца, по сей день высящуюся в столице Венгрии); а также сведения о царе Свимоне; грузинах, попавших в Венгрию через Турцию и говоривших о себе: «я—грузин, православный»; «я попал в плен, турки меня продали»; «я — грузин, и царь мой — Ираклий II»... А на 83-й странице книги напечатана обнаруженная автором гравюра датского художника XVI в. М. Лорикса «Грузинский воин турецкого войска». Определенный интерес вызывает помещенный в книге портрет Александра Бучкиашвили и новые сведения о нем. Кто был А. Бучкиашвили и как он попал в Венгрию? Дело в том, что в 1848 году Венгрия поднялась на национально-освободительную борьбу против Габсбургов и почти уже торжествовала победу, как австрийским поработителям, стоявшим на грани поражения, протянул руку помощи «жандарм Европы» Николай I, и восстание было жестоко подавлено. Офицер русской армии Александр Бучкиашвили спас от верной смерти и от плена народного героя Венгрии, руководителя восстания Лайоша Кошута.

Специальная глава книги посвящена теме «Иокаи и Грузия», в которой исследователь разбирает тему Грузии в творчестве выдающегося венгерского писателя Мора Иокаи, а также грузинские переводы его произведений. Особое внимание уделено роману М. Иокаи «Рюмин», в котором выведены царица Тамар и Руставели. Заинтересованный читатель найдет в этой книге Л. Тарди и другие сведения о Грузии. Желательно было бы иметь в ближайшем будущем ее грузинский перевод.

Свою лепту внес Лайош Тарди и в венгерскую Руствелиану. В одном из его трудов рассказывается о том вкладе, который внесли Михай Зичи и Бела Викар в дело иллюстрирования «Витязя в барсовой шкуре» и его перевода на венгерский язык. В венгерской прессе 1970 г. была опубликована статья Л. Тарди, в которой он предлагает назвать одну из улиц Будапешта именем Бела Викара — автора венгерского перевода «Витязя в барсовой шкуре» — в честь признания его заслуг. Сегодня одна из улиц столицы Венгрии носит имя переводчика Руставели.

Л. Тарди оказал большую помощь кабинету Руставели при Тбилисском государственном университете в подготовке и издании сборника «Руставели в мировой литературе», передав ему материалы о существующей на венгерском языке руствелологической литературе.

Интересные материалы обнаружены Лайошем Тарди по истории грузинского книгопечатания. Еще в 1973 году, будучи в Италии, он обнаружил грузинский текст, напечатанный в 1775 году в Парме Джованни Батистой Бодони (1740 — 1813). А в 1978 году он находит один-единственный экземпляр мемориала, напечатанный учениками Миклоша Тотфалу-

пи-Киши в день его смерти (20 марта 1702 г.) в память о своем учителе. В этом мемориале, наряду с другими мемориалами, помещена статья Шамуэля Пап Телегди, из которой еще раз явствует, что Миклош Киши внес большой вклад в составление грузинского шрифта: «...Лежащая у границ далекой Азии героическая Грузия получила от тебя отлитый в металле алфавит... Ты перенес на родную почву колхское золотое руно». С этой темой перекликается и тема статьи «У истоков грузинской типографии», написанной Лайошом Тарди совместно с автором этих строк («Коммунист», 7.IX, 1980).

Специальную статью посвятил Л. Тарди венгерскому картвелологу Оскару Ашботу, автору предисловия к «Грузинской грамматике» Адольфа Дира, напечатанной в Вене и Лейпциге в 1904 году. В грузинской прессе регулярно появляются выступления и исследования Л. Тарди по тому или иному вопросу грузинской истории.

В настоящее время венгерский ученый вместе с профессором И. Табагуа с большим увлечением работает над «Историей Грузии» с древнейших времен до наших дней, которая должна выйти в Будапеште в издательстве «Гондолат», а издательство Венгерской Академии наук готовит к изданию отдельной книгой избранные труды Лайоша Тарди, большая часть которых картвелологического характера.

Труды Лайоша Тарди высоко оцениваются специалистами как в нашей стране, так и за рубежом. По словам акад. А. Барамидзе, «Лайош Тарди — необыкновенно эрудированный и плодотворный исследователь вопросов венгеро-грузинских культурных взаимосвязей. Он — автор многих интересных работ в этой области». Жан Обен, профессор Сорбоннского университета, отмечает: «В деле изучения истории взаимосвязей Венгрии со странами Ближнего Востока и, в первую очередь, Грузией Лайошу Тарди принадлежит большая заслуга. Его кропотливая работа в архивах принесла замечательные успехи. Контакты времен Матиаша Корвина были совершенно неизвестны и недоступны нам. Документация Тарди необъятна».

Томас фон Бодуай, профессор из Мюнхена, пишет: «Необычно богатая и тщательно документированная книга Л. Тарди проливает свет на неизвестные нам шаги дипломатии Ближнего Востока в позднее средневековье».

Лайош Тарди приближается к 70-летнему рубежу, но он по-юношески энергичен, трудолюбив и увлечен своей работой. Широкая эрудиция, острое чувство новизны и, что главное, любовь к своему делу, мы уверены, принесут выдающемуся венгерскому картвелологу еще немало творческих побед.

ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ

Ушел от нас Демна Шенгелая — замечательный прозаик, один из основоположников грузинской советской литературы. Демна Шенгелая скончался в преклонном возрасте, но он сохранял ту удивительную бодрость духа, то чувство юмора, которое было так характерно для его героев. Сейчас, когда Демна Шенгелая начинает жить в нашей памяти, каждый из нас старается воссоздать его удивительный облик.

Помнится, когда Демна Шенгелая начинал говорить, с трибуны ли, в частной ли беседе, — он, как правило, начинал спокойным, невозмутимым тоном, казалось, он полупшепотом говорит с самим собой. Но вот, внезапно, он воспламенялся, тональность его речи повышалась с каждым словом, и уже трудно было поверить, что это тот самый человек, который минуту тому назад так спокойно беседовал с вами. Думаю, это не было ораторским приемом; здесь сказывалась та черта его характера, которая неизменно проявлялась и в его натуре, и в его творчестве... Долго, долго беседовал он с самим собой, долго тлел невидимый чужому глазу огонек, и мы, уже соскучившиеся по его новым произведениям читатели, становились свидетелями нового, внезапного озарения его таланта. Таким внезапным всплеском пламени, вырвавшимся наружу долго тлевшим в глубине души огнем, воспринимаем мы сегодня его лучшие рассказы и новеллы, его первую повесть — «Санавардо», его «Бата Кекия» и «Клад»...

Демна Шенгелая создавал оригинальнейшие произведения на основе грузинского фольклора, на традициях как грузинской, так и мировой классической литературы. Возможно, поэтому в его произведениях так гармонично сосуществуют национальный и общечеловеческий дух.

Демна Шенгелая стоял у истоков грузинской советской литературы, своим незаурядным талантом и неиссякаемой энергией служил он ее расцвету...

Ушел от нас еще один яркий человек. Еще одно яркое имя вписалось в историю грузинской литературы:

Гурам ГВЕРДЦТЕЛИ

**ПОЭТ, МЫСЛИТЕЛЬ.
ГРАЖДАНИН**

В Академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили столицы Грузии состоялся торжественный вечер, посвященный 140-летию со дня рождения классика грузинской литературы, поэта Акакия Церетели.

Юбилейный вечер вступительным словом открыл секретарь ЦК КП Грузии, председатель республиканской юбилейной комиссии Г. Енукидзе. В своем выступлении он особо подчеркнул, что именно «Акакий Церетели вместе с Ильей Чавчавадзе в 60-х годах прошлого столетия пробудили национальное самосознание грузинского народа. Они внесли эпохальные изменения не только в развитие общественной мысли того времени, но и явились основоположниками новой грузинской литературы. С их именами связаны реформа грузинского языка и демократизация грузинского художественного слова».

Слово об Акакии Церетели произнес председатель правления Союза писателей Грузии, Герой Социалистического Труда Г. Абашидзе, отметивший, что поэзия великого Акакия, проникнутая высокими гуманистическими идеалами, утверждающая победу добра над злом, понятна и дорога современникам. Его творчество — патриота и интернационалиста — раздвинуло национальные

границы и стало достоянием всего советского народа. Творчество поэта не только по праву украшает сокровищницу многонациональной литературы и культуры нашей страны, но и вошло в фонд мировой культуры.

О немеркнущей славе поэта-мыслителя говорили секретарь правления Союза писателей СССР О. Шестинский, президент Академии наук Грузинской ССР Е. Харадзе, известный армянский поэт, лауреат Государственной премии СССР Г. Эмин, редактор журнала «Алашара», поэт Г. Гублия, первый секретарь Сачхерского райкома партии Э. Чихладзе, известный азербайджанский поэт И. Абасзаде, секретарь Каневского горкома партии Л. Задорожная, секретарь ЦК ЛКСМ Грузии В. Лордкипанидзе.

Юбилейный вечер завершился большим праздничным концертом с участием мастеров искусств Грузии.

На вечере присутствовали товарищи Э. Шеварднадзе, П. Гиладшвили, Г. Енукидзе, А. Инаури, Г. Колбин, Т. Ментешавили, З. Патаридзе, О. Черкезия, Н. Читанава, Т. Мосашвили, Ж. Шартава.

* * *

Юбилейные торжества так же прошли на родине Акакия Церетели в Сачхере, Схвитори, Саванэ и вылились в яркий праздник дружбы и братства литератур всех народов нашей страны.

ГУРЕШИДЗЕ Нодар Варламович. Род. в 1927 г. Автор многих сборников книг, переводит на грузинский язык русских поэтов и поэтов братских республик. В 1977 году вышла в свет драматическая поэма венгерского поэта И. Мадача «Трагедия человека» в переводе Н. Гурешидзе. Оригинальные произведения Н. Гурешидзе не раз переводились на русский и украинский языки.

ДЖИОЕВ Отар Иванович. Род. в 1928 г. Закончил философский ф-т МГУ. Доктор философских наук. Автор ряда книг и статей по философии истории и культуры.

КАПЛАН Абрам Лазаревич. Доцент, кандидат филологических наук. С 1945 г. работает в Ленинградском университете, в гос. педагогическом институте им. Герцена. Основной круг научных интересов: вопросы стилистики (на материале совр. немецкого языка), теория и практика метафоры, немецко-славянские культурные связи.

МАМАЛАДЗЕ Теймураз Георгиевич. Род. в 1934 г. Директор «ГрузИНФОРМа». Заслуженный журналист Грузинской ССР, заслуженный работ-

ник культуры РСФСР. В течение ряда лет работал собственным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» по Грузинской ССР, затем заведующим отделом литературы и искусства «Комсомольской правды». Печатался в журналах «Дружба народов» (лауреат премии журнала «Дружба народов» за 1977 год), «Юность», «Смена», республиканской и центральной прессе. Автор книг, вышедших в разное время в издательстве АПН: «Тбилиси. Легенда и быль», «Ты — лоза моя», «Грузинская ССР — вчера, сегодня, завтра».

МЕТТЕР Израиль Моисеевич. Род. в 1909 г. Член Союза писателей с 1936 года. Автор пятнадцати книг повестей и рассказов, а также сценариев художественных фильмов.

ШАРАДЗЕ Гурам Северьянович. Род. в 1940 г. Доктор филологических наук. Зав. отделом текстологии Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР. Работает над проблемами истории груз. литературы, руствелологии и грузинско-венгерских культурно-литературных взаимосвязей.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1980 ГОД

Всегда с партией, всегда с народом. (Встреча товарища Э. А. ШЕВАРДНАДЗЕ с писателями Грузии). IV, 3.

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. Основа основ. III, 134.
КУЧЕВИН С. Гранитная съятня. I, 191.
СТУРУА Д. Живее всех живых. IV, 63.

СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ — 59 ЛЕТ

ЛЕЙБЕРОВ И. Легендарный дядя и его племянник. II 165.

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

БРЕГАДЗЕ Г. Осуществление ленинской национальной политики в Грузии. X, 182.
МОРЧИЛАДЗЕ М. Жинвальские хроники. VIII, 102.
МАМАЛАДЗЕ Т. От Ингури до Ангары. XII, 115.
ОСИНСКИЙ В. Тот, кто строит. XI, 122.

К 35-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

БАЛУАШВИЛИ В. На переднем крае обороны. V, 117.
КИСЕЛЕВ А. Дело всей жизни. V, 150.
КИРЮХИН А. Славное товарищество. IV, 176.

МАЧАИДЗЕ Л. Дорога домой. V, 128.
МИРОШНИЧЕНКО П. Судьба «малютки». IV, 156.
СЕРЕБРЯКОВ К. Однополчанин. V, 142.

ПОЭЗИЯ

АБАШИДЗЕ И. I, 6.
АБАШИДЗЕ Г. X, 3.
АНТОКОЛЬСКИЙ П. II, 41.
АСАТИАНИ Л. X, 13.
БАЖАН М. I, 3.
ГУРАМИШВИЛИ Д. X, 176.
ГАГУА Х. I, 21.
ГАПРИНДАШВИЛИ В. XII, 51.
ГЕГЕЧКОРИ Г. XI, 3.
ГОЛЬЦМАН Я. II, 86.
ГУРЕШИДЗЕ Н. XII, 3.
ГЕНИНА Н. II, 101.
ДЖАВАХАДЗЕ В. VII, 3.
ДАДАШИДЗЕ И. II, 81.
ЗАМЯТНИН Л. II, 120.
ИВАРДАВА Д. XII, 51.
ИСАЕВ-АВАРСКИЙ А. VII, 69.
КАЛАДЗЕ К. IV, 9.
КАХИДЗЕ М. III, 96.
КОРИНТЭЛИ К. III, 100.
КВЛИВИДЗЕ М. V, 13.
КАЛАНДАДЗЕ А. VI, 3.
КОМОВА И. II, 118.
КОСТЫЛЕВА В. II, 115.
КУШНЕР А. II, 55.
КВИТНИЦКАЯ Е. II, 89.
КУДИМОВА М. II, 96.
КАЛАНДИА Г. XI, 73.
КУХИАНИДЗЕ З. VIII, 53.
ЛЕОНИДЗЕ Г. II, 80, 81, 83, 88, 92; V, 3.
ЛОРИЯ Г. II, 113.
ЛЕОНОВИЧ В. II, 94.

ЛЕОНТЬЕВ А. II, 119.
ЛУЧУК В. X, 15.
МАРТИАНИ Р. V, 83.
МДИВАНИ В. VI, 9.
МАЧАВАРИАНИ М. VIII, 3.
НОНЕШВИЛИ И. IX, 3.
НАРИМАНИДЗЕ С. VII, 50.
НИКОЛАЕВСКАЯ Е. II, 45.
НЕРЛЕР П. II, 102.
НИКОЛАЕВА О. II, 111.
ОЗЕРОВ Л. IV, 17.
ОНАНИЯ Г. II, 107.
РЕЗНИКОВ Б. II, 82.
РЫЛЬСКИЙ М. X, 14.
РЯШЕНЦЕВ Ю. II, 77.
СОКОЛОВ В. II, 47.
СЕРГЕЕВА И. III, 103.
САЛУКВАДЗЕ А. IX, 55.
СИНЕЛЬНИКОВ М. XII, 94.
ТАРКОВСКИЙ А. II, 42.
ТЕРЕЛАДЗЕ В. II, 121.
ТЕЛЬНЮК С. X, 76.
УРУШАДЗЕ П. II, 122.
УБИЛАВА В. V, 86.
ХЕЛЕМСКИЙ Я. II, 58.
ЧУХОНЦЕВ О. II, 51.
ШАТБЕРАШВИЛИ Г. III, 3.
ШИНКУБА Б. IV, 46.
ШИРОКОВ В. II, 98.
ШАНИДЗЕ А. IX, 4.

ПРОЗА

АХУБА Д. Возвращение Блудного волка. III, 106.
АБАШИДЗЕ М. Рассказы. IX, 103.
БЕЗИРГАНИ Г. Титлитаро. VI, 10.
ГОГУА А. На повороте. XI, 80. XII, 52.
ГИГАШВИЛИ В. Рассказы. VII, 57.
ГАБРИАДЗЕ Р. Бриллиант маршала де Фантье. VIII, 60.
ГАЛДАВАДЗЕ А. Рассказы. IX, 93.
ДУМБАДЗЕ Н. Алванури. VI, 5.
ДОЧАНАШВИЛИ Г. Иоганн Себастьян Бах. IV, 48.
ЖГЕНТИ С., ЧХЕИДЗЕ Р. Секретарь райкома. X, 18; XI, 19; XII, 10.

ИНАНИШВИЛИ Р. Завещание. I, 12.
КВИЦАРИДЗЕ Д. Фляга. V, 75.
КОРНИЛОВА Г. Рассказы. V, 101.
КАЛАНДАДЗЕ А. Нейшневская клятва. IX, 113; X, 98; XI, 106; XII, 100.
КАРАШВИЛИ Н. Тогда я буду жить... XI, 59.
ЛОТИ П. Танец со шпагами. VI, 47.
МОСЕШВИЛИ Ю. Ушелец. I, 129.
НОВИНСКАЯ И. Ракурс. VII, 73.
ПАНДЖИКИДЗЕ Г. Рассказы. VIII, 7.
ПАЙЧАДЗЕ С. Платформа Ботанический сад. III, 54.
РИЖИНАШВИЛИ У. Рассказы. X, 58.
СУЛАКАУРИ А. Слепые щенки для Иванэ Бериташвили. IV, 20.
ФЕЙГИН Э. Девяносто девять вопросительных знаков. II, 60.
ХАРАИДЗЕ Г. Мемуары счастливого человека. I, 29.
ХОРГУАШВИЛИ Г. Лес велик... VI, 141.
ЦИЦИШВИЛИ Г. И тебя постигнет пора сожаленья. V, 18; Пальма на севере. VII, 9.
ЧИКОВАНИ Г. Последний мтавар. III, 17.
ЭБАНОИДЗЕ А. Невестка. IX, 7.

ПУБЛИЦИСТИКА

✓ ДЖАПАРИДЗЕ Р. Мистика или реальность? IV, 211.
✓ МЕРКВИЛАДЗЕ В. Фронт борьбы за коммунизм. I, 194.
✓ СТУРУА Г. США — Латинская Америка: противоречия непримиримы. IX, 165.
ТИХОНОВ Н. «...Облик Грузии любимой». II, 9.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- БЕСТАВАШВИЛИ А. Гул прошлого и зов грядущего. III, 172.
- БЕНАШВИЛИ Г. «Новая волна» грузинской прозы. IV, 146.
- БЕКИШВИЛИ Т. Свет «Тумана». VIII, 131.
- БАЖАН М. Поэт скорби и мужества. X, 142.
- ВАСАДЗЕ А. О поэтической мысли. VII, 101.
- ГАЧЕЧИЛАДЗЕ Г. Против течения. I, 136.
- ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. Свет души... V, 184.
- ДАДАШИДЗЕ Д. Преодоление преград. VII, 120.
- ЖОРДАНИЯ С. Анатомия тропа. VI, 80.
- КАНКАВА Г. Роман о грузинском технократе. VII, 37.
- КАПЛАН А. Некоторые вопросы теории и практики метафоры. XII, 152.
- МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. «Свидетельствует вещей знак...». II, 3; Дней связующая нить... XI, 142.
- МОДЕБАДЗЕ И. У истоков грузинского реализма. I, 172.
- МКРТЧЯН Л. Слово, дело и время. V, 191; Птица тоски. VII, 116.
- ОСКОЦКИЙ В. Памфлет или пасквиль? I, 154; Историческая трилогия Григола Абашидзе. VIII, 117.
- РАССАДИН С. Бытие быта. IV, 129.
- РАЗМАДЗЕ М. Поэзия труда. VIII, 138.
- СЕНИЧЕНКО О. Летописец героических свершений. II, 177.
- СЕМЕНОВА С. Человек, природа, бессмертие в поэзии Николая Заболоцкого. IX, 134.
- СОТВОРИ ДОБРО! (Беседа с писателем Ч. Амирэджиби). XI, 133.

- ЦАИШВИЛИ С. Георгий Леонидзе. V, 170. Певец великой правды. X, 146.
- ЦХОВРЕБОВ Н. «Поэтические интегралы» и вопросы сравнительного литературоведения. XI, 157.
- ЧИЛАДЗЕ Т. Поэзия Акакия Церетели, VI, 62. Галактион Табидзе. XII, 142.
- ЧХЕИДЗЕ Н. Грузинская поэзия в Отечественной войне. VII, 136.
- ШУБИН В. К портрету Нины Чавчавадзе. XI, 166.
- ЭБАНОИДЗЕ А. Заговорившая история. III, 165.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ»

- ВОКРУГ ДЖУНЫ. IX, 181.
- ИЛЬНИЦКИЙ М. Сохраняя связь времен. III, 149.
- ИВАНОВА Н. История и человек. IV, 79.
- КОРНИЛОВА Г. Урок нравственности. III, 160.
- МАРЧЕНКО А. Врожденное чувство истории. V, 158.
- РУДЕНКО-ДЕСНЯК А. Человек на берегу уходящего моря. II, 140.
- САФОНОВ В. К истокам жанра. IV, 74.
- ФЕДОРОВСКАЯ Л. «Жить — это устоять». II, 154.
- ХИРШ Х. Обострение памяти. III, 157.

РЕЦЕНЗИИ

- ГОФМАН В. Собственный голос. XI, 204.
- ИСТОГИНА А. «Вначале было слово...». II, 104.
- КВЛИВИДЗЕ М. Путь, избранный поэтом. IX, 153.
- КУМСИАШВИЛИ Д. Книга издана в Москве. XI, 200.
- ЛАТЫНИНА А., ЭПШТЕЙН М. Непонятное слово. VII, 156.
- МАРЧЕНКО А. Обретение синтеза. XI, 196.

- НАТРОШВИЛИ Г. Моральная высота веры. VI, 108.
- НОРАКИДЗЕ В. Новые разыскания в области психологии художественного творчества. III, 175.
- ОСИНСКИЙ В. Пересекающиеся параллели. I, 186.
- ПОРАКИШВИЛИ Н. Периодическая печать Грузии в русском литературном процессе во второй половине XIX века. II, 217; Титэ, Мелитон, Шота и другие. VII, 146.
- ФЕЙГИН Э. А завтра новый маршрут... IX, 158.
- ХОРНАУЛИ В. «Да будет свет». IV, 217.
- ХРИСТЕСИАШВИЛИ М. Фундаментальное исследование. VI, 115.
- ЧИРГАДЗЕ Т. У истоков древней медицины. X, 205.
- ЭБАНОИДЗЕ А. Могучее эхо войны. VII, 142. В горах мое сердце. IX, 163.

НАУКА

- АБДУШЕЛИШВИЛИ М. «...Быть кому-то нужным». I, 208.
- ЗЫЦАРЬ Ю. Введение в баскскую современность. II, 192.
- МЕНАБДЕ Л. Очаги древнегрузинской литературы за рубежом. III, 198.

ИСКУССТВО

- АМИРЭДЖИБИ Н. «Пастораль» Отара Иоселиани. XI, 213.
- АНДРИАСОВ Д. Монумены — гимны героизму. VIII, 163.
- ВАСИЛЬЕВА Л. Радость зрелости. III, 214.
- «ГЛАВНОЕ — САМОВЫРАЖЕНИЕ...». Беседа с Т. Очиаури. VII, 176.
- ДЖАНБЕРИДЗЕ Н. «Вот что нам, братья, нужно...». I, 216.
- ДОНАДЗЕ М. Произведения живописи на экране. III, 208.

- ДЖАПАРИДЗЕ Р. Открытая рана. V, 212.
- ДУМБАДЗЕ Э. «Пламенный поток в гранитном русле». IX, 215.
- КВЛИВИДЗЕ М. Художник Тбилиси. VII, 183.
- ЛАКОБА С. Ночь и глаза дождя. II, 123.
- РУСТАВЕЛЕВЦЫ НА РОДИНЕ ШЕКСПИРА. VII, 189.
- С ВЫСТАВКИ «ХУДОЖНИК И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА». I, 218.
- СТЕПАНЯН Н. Искусство Даvida Какабадзе. IV, 198.
- СТРОГАНОВ А. Сюита Пикассо о Шекспире. X, 209.
- ФУРТИЧЕВ В. Мужество на каждый день. VII, 186.
- ХОШТАРИЯ Г. Вопросы генезиса творчества Нико Пироманашвили. IX, 204.
- ЧИЛАДЗЕ Т. Театр — наша любовь. V, 196.
- ЩЕКИН-КРОТОВА А. Художник Роберт Фальк. II, 129.

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ.

- АЗГУР З. И все былое вновь говорит. IV, 124.
- ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. Архивные заметки к поэме «Андрей Полисадов». II, 74.
- ВИРТА Н. Я. Я летал вместе с ним бомбить Кенигсберг. II, 137.
- ВАСАДЗЕ А. Немирович-Данченко в Тбилиси. VI, 173.
- ВАШАКМАДЗЕ Ш. Обществу по распространению грамотности среди грузин — 100 лет. VII, 172.
- ДВА ПИСЬМА К. ГАМСАХУРДИА К П. ТЫЧИНЕ. X, 188.
- ЗЛАТКИН М. Мудрость поэтической зрелости. VII, 159.
- КРАСИЛЬЩИК С. «...Что пишут мои грузины?». II, 135.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«ПРАВДА»

ГУЛИА Г. «Смерть артиста». Рассказы. Москва, 1980. 47 с. (Б-ка «Огонек», № 27), 100.000 экз. 15 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

БАСАРИЯ Э. «Первые километры». Рассказы и повести. Москва, 1980. 304 с. 30.000 экз. 1 р. 10 к.

ЧЕЛИДЗЕ О. «Жажда странствий». Стихи. Пер. с груз. Москва, 1980. 96 с. 20.000 экз. 65 к.

«ИСКУССТВО»

ТОВСТОНОГОВ Г. «Зеркало сцены». В 2-х кн. Кн. I. О профессии режиссера. Предисл. К. Рудницкого. Ленинград, 1980. 303 с. с ил. 25.000 экз. 1 р. 70 к.

«ХЕЛОВНЕБА»

АМИРАНАШВИЛИ Ш. «Дамианэ». Альбом фресок грузинского художника XIV века. Тбилиси, 1980, 115 с. с ил. 10.000 экз. 7 р. 90 к. Текст на груз., рус. и англ. яз.

ПИРАЛИШВИЛИ О. «Роспись Кинцвиси». Альбом. (Памятники груз. искусства). Тбилиси, 1980. 183 с. с ил. 10.000 экз. 7 р. 90 к. Текст на груз., рус. и англ. яз.

«САБЧОТА САКАРТВЕЛО»

СЕЙРАНЯН Ф. «Партийная публицистика Г. К. Орджоникидзе». Тбилиси, 1980. 149 с. 2.000 экз. 20 к.

60 к

ИНДЕКС 76117

1960
1960

